

INSPIRIA

Руководство по раскрытию
собственного убийства

Опасная игра бабули

КРИСТЕН ПЕРРИН

INSPIRIA

Annotation

САМАЯ ОЖИДАЕМАЯ КНИГА 2024 ГОДА ПО ВЕРСИИ BARNES & NOBLE, GOODREADS, BOOKRIOT, BOOKBUB.

МГНОВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР БРИТАНИИ, ФИНАЛИСТ КНИЖНОГО КЛУБА ДЖИММИ ФЭЛЛОНА, ВЫБОР GOOD MORNING AMERICA!

ИГРА В РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВА ДЛЯ ФАНАТОВ «ДОСТАТЬ НОЖИ» И «КЛУБ УБИЙСТВ ПО ЧЕТВЕРГАМ».

Чрезвычайно забавный детектив о женщине, пытавшейся всю свою жизнь предотвратить предсказанное ей убийство. И доказала свою правоту спустя шестьдесят лет, когда ее нашли убитой в собственном загородном поместье.

Старая добрая Англия, 1965 год. Ярмарочная гадалка предсказывает шестнадцатилетней Фрэнсис Адамс ужасающее будущее: однажды девушку убьют... С тех пор всю свою жизнь та посвящает расследованию убийства, которое еще не произошло. Никто не принимал опасения Фрэнсис всерьез, пока, шестьдесят лет спустя, ее труп не находят в библиотеке.

Наши дни. Энни Адамс приглашают в Грейвсдаун-холл – обширное загородное поместье ее эксцентричной двоюродной бабушки Фрэнсис. Но когда девушка прибывает в причудливую деревушку Касл-Нолл, старушка уже мертва. И по условиям завещания все ее огромное состояние, а также поместье, получит тот, кто раскроет это убийство. Расследование осложняется привычкой Фрэнсис собирать на всех компромат. Кажется, что у каждого милого и чудаковатого местного жителя имелся мотив убить ее.

Вместе с другим наследником Энни оказывается втянута в крайне опасную игру. И чем ближе разгадка, тем больше опасений, что вместо Грейвсдаун-холла она унаследует печальную судьбу своей бабушки...

«Причудливая деревушка на юго-западе Англии, женщина сыщик-любитель, обладающая дедуктивными способностями Эркюля Пуаро из романов Агаты Кристи, и эксцентричная убитая тетушка – все это объединяется в блестящем и мастерски написанном детективе. Для всех любителей загадочных убийств – это для вас! Не пропустите». –

Лив Константин, автор мирового бестселлера «Последняя миссис Пэрриш»

«"Руководство по раскрытию собственного убийства" – это мастер-класс по искусству разгадывания тайн. Кристен Перрин создала увлекательную головоломку из острой прозы, неотразимых персонажей и невероятно запутанного сюжета. Один из лучших и наиболее захватывающих детективов, которые я когда-либо читала». – Эль Косимано, автор остросюжетных романов про Финли Донован

«Начинающая писательница Кристен Перрин совершила невозможное, поведав читателям о типичном английском детективе с убийством со свежим, нетрадиционным подходом. Идиллическая деревушка? Есть. Сыщик-любитель? Есть. Мрачное предсказание гадалки сбывается спустя шестьдесят лет? Вот это уже становится захватывающей историей. Здесь нет недостатка в интересных, разносторонне развитых персонажах, и этот очаровательный и многогранный детективный роман станет прекрасным дополнением к любимым читателями произведениям Агаты Кристи, Ричард Осман и Ниты Проуз». – Сара Пеннер, автор мирового бестселлера «Тайная лавка ядов»

«Возьмите плед и кружку чая "Английский завтрак" и приготовьтесь погрузиться в чтение восхитительной книги Кристен Перрин "Руководство по раскрытию собственного убийства". Перрин безупречно связывает сыщика-любителя Энни с группой эксцентричных персонажей, страшным предсказанием гадалки, тайной шестидесятилетней давности и загадочным убийством. В духе Агаты Кристи, и идеально для поклонников "Горничной" – это очаровательный детектив – мне понравилось!» – Карма Браун, автор международного бестселлера «Рецепт идеальной жены»

«Мне понравилось: тепло, умно и безумно оригинально». – Элли Гриффитс, автор остросюжетных романов и обладатель премии Эдгара По

«Этот дебют... объявляет о появлении нового яркого таланта на поприще уютных детективов. В первом детективе Перрин есть остроумие, стиль и напряжение, а также дерзкая главная героиня. Восхитительно освежающая история о заговорах и преданности, которыми окутана маленькая деревушка в Дорсете, где у каждого есть один-два скелета в шкафу». – Daily Mail

«Выберите положительную превосходную степень и будьте уверены, что читатели будут ее использовать при описании этой истории. Поклонники Элис Белл, Дженис Халлетт и Агаты Кристи будут надеяться увидеть больше Перрин, которая отложила в сторону подростковые книги, чтобы дебютировать во взрослой литературе». – Booklist

«"Руководство по раскрытию собственного убийства" – это захватывающее чтение с хитроумным сюжетом, в основе которого лежит прекрасная идея создать настоящую сокровищницу с историями... Перрин написала гениальную, проникновенную и совершенно захватывающую книгу. Если вы ищете хорошую детективную историю, которая не даст вам заскучать до утра, то можете больше не искать». – The Nerd Daily

«"Руководство по раскрытию собственного убийства" зацепило меня с самого начала и не отпускало до конца...Подсказки и ложные следы созданы блестяще... Эта книга доставила мне такое удовольствие, что я обнаружил себя за тем, чего давно не делал – беру ее с собой повсюду, чтобы прочитать еще одну-две странички. Это продуманный и тщательно проработанный роман, который можно смело рекомендовать». – Book Reporter

«Темп повествования быстрый, много отвлекающих маневров, и прекрасно показано превращение Энн из робкой начинающей писательницы в уверенного в себе сыщика. Сочетая в себе элементы Агаты Кристи, Энтони Горовица и "Убийства в Мидсомере", – это увлекательный детективный роман многообещающего нового талантливого автора». – Publishers Weekly

«Перрин с апломбом манипулирует персонажами и подсказками, зарисовывая прошлое с помощью дневников юной Фрэнсис и погружая читателей в настоящее с помощью точки зрения решительной, добросердечной Энни. Читатели будут болеть за нее, когда она обретет с таким трудом завоеванную уверенность в этом увлекательном исследовании семейных тайн». – BookPage

«Полный загадок... Это безмятежный спокойный детектив, многие загадки которого находятся на грани между смехотворно простыми и запредельно сложными. Неофициальное название Касл-Нолл должно быть "гнездо гадюк". Как выразился Саксон,

пронырливый мальчик-шпион, который вырос и стал коронером: "Мы все в чем-то виноваты"». – New York Times Book Review

«Захватывающий, уютный детектив с таким количеством поворотов, что читатели вплоть до последней страницы будут менять свое мнение о том, кто это сделал и почему». – Shelf Awareness

«В сюжете есть что-то захватывающее, тайна определенно вызывает интерес, а Перрин – талантливая писательница». – Christian Science Monitor

- [Кристен Перрин](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Кристен Перрин

Опасная игра бабули. Руководство по раскрытию собственного убийства

Kristen Perrin
How to Solve Your Own Murder

© 2024 by Kristen Perrin

© Рокачевская Н., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Посвящается
Тому*

Сельская ярмарка в Касл-Нолле, 1965 год

– Я вижу в твоём будущем скелет, – мрачно изрекает мадам Пеони Лейн первую фразу предсказания, которое определит всю оставшуюся жизнь Фрэнсис Адамс.

В отличие от двух хихикающих над этим дурным спектаклем подружек, притихшая Фрэнсис не сводит глаз с сидящей перед ней женщины. Все здесь буквально кричит о голливудщине самого низкого пошиба, от украшающих шатер аляповатых занавесок из бусин до шелкового тюрбана Пеони Лейн. Самой Пеони Лейн не больше двадцати, хотя она добавляет к голосу хрипотцы в попытке выглядеть существом без возраста. Но получается не очень. Вообще-то получается настолько неуклюже, что почти никто не принимает ее всерьез. За исключением Фрэнсис.

Она впитывает каждое слово с религиозным рвением. И с каждым новым предсказанием ее лицо еще сильнее напрягается. Фрэнсис как

горячая вода, почти доведенная до кипения – от нее всю поднимаются пар, но все-таки она пока не булькает.

Когда девушки выходят из темного шатра гадалки, Фрэнсис даже не моргает на ярком августовском солнце. Ее длинные распущенные волосы отливают красноватым золотом. Продавец яблок в карамели бросает на нее долгий взгляд, но она его не замечает. Она вообще ничего не замечает, после того как услышала мрачное предсказание.

Эмили берет Фрэнсис за левую руку, а Роуз за правую, и три девушки идут как венок из ромашек, пробираясь между лотками с антиквариатом и безделушками.

Они отворачиваются от мясника, продающего сосиски, но останавливаются, чтобы поглазеть на серебряные ожерелья, нагретые солнечными лучами. Эмили покупает изящную цепочку с подвеской в виде птички, хотя это всего лишь уловка, чтобы переключить внимание Фрэнсис. По словам Эмили, это хороший амулет.

Наконец Роуз все-таки говорит напрямик:

– Фрэнсис, выглядишь так, словно уже умерла. – Роуз пихает подругу локтем в попытке вернуть ее к жизни, но лицо той становится еще мрачнее. – Ты же понимаешь, что все это чушь? Никто не может предсказать будущее.

Эмили связывает длинные белокурые волосы лентой и застегивает на шее цепочку с птичкой. Подвеска вспыхивает крохотным эхом сияющих на солнце ножей на прилавке с охотничьими принадлежностями за спинами девушек. Фрэнсис в ужасе смотрит на цепочку.

– В чем дело? – спрашивает Эмили беспечным голосом, но с серьезным видом.

– Птица, – шепчет Фрэнсис и щурится. – Гадалка сказала: «Тебя предаст птица».

– Тогда у меня есть отличное решение, – заявляет Эмили. Она ныряет в толпу и возвращается через несколько минут. В ее ладони сверкают две серебряные цепочки с птичками. – Для тебя и Роуз, – хитро улыбается она. – Так ты никогда не узнаешь, какая птица тебя предаст.

Она, как свойственно ее натуре, простодушно и искренне смеется.

Фрэнсис в отчаянии смотрит на Роуз, надеясь на понимание, но та тоже смеется.

– Я правда считаю, что это отличная мысль. Возьми судьбу в свои руки!

В качестве демонстрации Роуз надевает цепочку.

Фрэнсис колеблется, но все-таки кладет цепочку в карман юбки.

– Я подумаю.

– Да ладно тебе, Фрэнсис, – фыркает Эмили. – Если будешь такой кислой, мне точно придется тебя убить.

В уголках ее глаз появляются морщинки, словно она вот-вот снова засмеется, и Эмили вновь сплетает руки с руками подруг.

– Может, вы обе уже перестанете делать вид, будто это было совершенно не страшно?

Фрэнсис выдергивает руки и резко останавливается. Она вытирает потные ладони о простую хлопковую юбку и скрещивает руки на груди. Из кармана юбки торчит треугольник миниатюрного блокнота, а на ее пальцах виднеются чернильные пятна – она лихорадочно записывала каждое слово гадалки.

Роуз в два больших шага сокращает расстояние между ними и обнимает Фрэнсис за плечи, ее короткие черные волосы касаются щеки подруги.

– По-моему, та девица над тобой подшутила.

– Но убийство, Роуз! Я не могу просто выкинуть это из головы!

Эмили закатывает глаза.

– Да брось, Фрэнсис! Хватит. Пошли.

Она откусывает каждое слово, как хрустящий кусочек яблока. При взгляде на Роуз, похожую на Белоснежку, и сияющую золотом Эмили Фрэнсис вдруг кажется, что все они – сказочные персонажи. А в сказках, когда ведьма предсказывает судьбу, лучше к ней прислушаться.

Эмили и Роуз снова берут Фрэнсис под руки и идут по ярмарке дальше, но теперь медленно, как будто сквозь вату. Солнце еще палит, из бочонков в передвижных киосках по-прежнему льется рекой эль. Воздух кажется липким от горелых леденцов и слабого запаха дыма, но Фрэнсис ступает тяжело и целеустремленно. Она снова и снова шепчет себе под нос слова гадалки, пока они не впечатываются в память.

«Я вижу в твоём будущем скелет. Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твоё медленное увядание. Остерегайся

одинокой птицы, ибо она тебя предаст. И с этого момента едва ли повернешь назад. Но дочери – ключ к правосудию, найди одну нужную и не отпускай от себя. Все указывает на то, что тебя убьют».

Предсказание было настолько нелепым, что следовало бы расхохотаться. Но эти слова посеяли сомнения в голове Фрэнсис и уже пустили маленькие отравленные корни.

Подруги постарались весело провести вечер, и вскоре смех звучал не так натужно. Снова посыпались шутки и сплетни – все мелочи, так украшающие их дружбу. В шестнадцать лет взлеты и падения так же естественны, как дыхание, а эта троица дышала глубже большинства.

Но цифра три оказалась для них несчастливой. Всего через год трех подруг не станет. Одна из них исчезнет, и отнюдь не Фрэнсис Адамс.

Дело так и останется нераскрытым, а в папке с коротким отчетом о пропавшей будет лежать лишь одна улика: маленький полиэтиленовый пакетик с серебряной цепочкой и крохотной птичкой на ней.

Глава 1

В такие душные летние вечера воздух кажется настолько густым, что в нем можно плыть. Когда я вынырываю с прогулки по Пикадилли-лейн, даже затхлая атмосфера станции «Эрлс-Корт» ощущается глотком свежего воздуха. Преодолевая три лестничных пролета по пути вверх, я копаюсь в рюкзаке в поисках бутылки с водой. Однако нахожу только термос с остывшим утренним кофе.

Пока я глотаю остатки кофе, мимо, как городские газели, несутся поджарые мужчины. Как бы ни было противно глотать кофейную гущу, мне нужен кофеин. Гудит телефон, и я вытаскиваю его из кармана, подавляя желание посмотреть почту, и отвечаю на звонок.

– Дженни. – В мой голос наконец просачивается истощение. – Умоляю, скажи, что ты уже в пути. Я не могу снова оказаться в мамином подвале без поддержки. Убираясь там на прошлой неделе, я наткнулась на пауков. Огромных.

– Я уже тут, – отвечает она. – Стою на крыльце, дожидаясь тебя, ужасно не хочется, чтобы твоя мама таскала меня по дому и рассказывала, какие стены собирается снести.

– Отлично. И кстати, вряд ли ей разрешат сносить в доме стены, он ведь ей не принадлежит.

– Веская причина. А у нее, видимо, сейчас очередной приступ дизайнерской лихорадки, ведь не за горами ее персональная выставка в «Тейт».

Я морщусь. Мама – художница, довольно известная и успешная. Точнее, была, пока интерес к ее работам не поуяс. К сожалению, заминка в карьере совпала с потерей денег, заработанных ранее, поэтому бóльшую часть моего детства мы балансировали на тонком канате между жизнью бездомных скитальцев и неприхотливых представителей богемы.

– Ну мамина дизайнерская лихорадка помогает мне без конца не проверять пустую папку с входящими, так что я поддержу любые ее начинания. Мой рюкзак забит образцами краски и едва сдерживаемым разочарованием. Я готова взяться за подвал. Но только кроме пауков – это твоя задача.

– Ого! Собственная армия пауков! – мурлыкает Дженни. – Всю жизнь мечтала. – Она на секунду умолкает, словно тщательно обдумывая следующую фразу. – А почему тебя беспокоит отсутствие писем? Ты снова отправила роман в издательство?

Дженни – моя лучшая подруга с девяти лет. В прошлом месяце меня сократили с низкооплачиваемой офисной работы, и Дженни выступила идеальной смесью «плеча», чтобы выплакаться, и личного мотивационного коуча. Она заявила, что это отличная возможность исполнить мою мечту – писать детективы, ведь не у каждого начинающего писателя есть мама с домом из восьми комнат в центре Лондона, где можно жить бесплатно, выполняя разные странные поручения.

Нетипичные условия для девушки двадцати пяти лет – вернуться домой и терпеть переменчивое мамино настроение. Именно этого я и пыталась избежать, когда от нее съезжала, так что мое теперешнее положение выглядело как шаг назад. Зато в моем распоряжении оказался целый этаж дома в Челси^[1], так романтично приходящего в упадок. В моей детской висит пыльная хрустальная люстра с отсутствующими подвесками, отбрасывающая призрачный свет на старинную пишущую машинку, обнаруженную в шкафу. Я ей не пользуюсь, только время от времени клацаю по клавишам для создания атмосферы. У нее пластмассовый клетчатый футляр в духе шестидесятых, а я их обожаю.

– Я начала рассылать последнюю рукопись литературным агентствам, – признаюсь я и прикусываю губу, когда Дженни не отвечает. – Первое письмо я отправила всего неделю назад. – Вытираю пот с затылка и выхожу на Эрлс-Корт-роуд, лавируя между людьми. Рюкзак весит тонну, но в книжном была распродажа, и я не устояла. К тому же у меня есть оправдание для покупки семи романов Агаты Кристи в переплете – это учебное пособие. – Но мне уже кажется, что книга ужасна.

– Вовсе не ужасна.

– Нет, правда. Я просто этого не понимала, пока не отправила.

– Но ты была так в ней уверена! – восклицает Дженни.

Я слышу в ее голосе особые переливы – она готовится перейти в режим группы поддержки.

Однако я успеваю ее прервать:

– Да, но теперь я поумнела. Знаешь, как бывает, когда к тебе случайно подходит чей-то малыш, и его мама вся сияет, думая, что тебя он умиляет так же, как и ее. А у ребенка текут сопли, и к одежде прилипли крошки.

– Э-э-э, ну да.

– Так вот, я вроде той мамаша, разослала всему миру роман с сопливым носом, решив, что все будут воспринимать его так же, как я.

– Так вытри ему сопли и покажи во всей красе.

– Ага, кажется, именно для этого и существует редактирование.

Я слышу, как Дженни вздыхает.

– Энни, ты хочешь сказать, что разослала книгу литературным агентствам, даже не отредактировав ее?

Дженни долго и заразительно смеется. Я ничего не могу с собой поделать и широко улыбаюсь, сворачивая на Тригантер-роуд.

– Я была словно на крыльях! – сиплю сквозь смех. – Я наконец-то это сделала, понимаешь? Написала столько слов и дошла до конца.

– Ага. И я тобой горжусь, но ты должна была как минимум дать мне почитать роман, прежде чем посылать его агентствам.

– Что?! Нет!

– Если ты даже мне не даешь читать, то зачем отправляешь его незнакомым людям?

– Ладно, отключаюсь, я почти у дома.

Я ковыляю к концу улицы, где меня дожидается Дженни, сидя на ступеньках крыльца.

Мамин дом притулился в самом конце вереницы роскошных домов, как неуместный гость на вечеринке. Я машу Дженни; она стряхивает пыль с шикарной юбки и проводит рукой по длинным черным волосам. У нее безупречный вкус, и я разглаживаю свое пышное летнее платье, жалея, что купила эту громадину. По какой-то причине меня как магнитом тянет к платьям, в которых я выгляжу как призрак Викторианской эпохи. А бледная кожа и белокурые локоны только подчеркивают эффект, так что, наверное, бороться с этим бесполезно.

Как и моя мама, мы с Дженни учились в колледже искусства и дизайна имени Святого Мартина. Ее родители переехали в Лондон из Гонконга, когда она была еще совсем маленькой. Они замечательные люди. Я никогда не признавалась в этом маме, но временами я

тосковала по стабильной семье с отцом, братьями и сестрами, поэтому после школы шла не домой, а к Дженни. Даже когда та уходила на занятия теннисом или еще куда-то. Ее родители позволяли мне делать у них уроки, и я болтала со всей семьей и вдыхала ароматы настоящей домашней еды.

Окончив колледж, Дженни так твердо встала на ноги, как будто уже получила работу мечты. Она отвергла предложение заняться дизайном Королевского Альберт-холла и вместо этого присоединилась к команде, украшающей витрины в «Харродс». Она посвятила этому всю себя, создавая шедевры, в особенности на Рождество.

– Ну что ж, – вздыхает она, беря меня под руку, – посмотрим, что приготовил для нас подвал твоей мамы.

Мы на мгновение останавливаемся, чтобы посмотреть на дом. По бокам от монументальных каменных ступеней, ведущих к парадной двери, находятся два мрачных эркерных окна. Когда-то давно дверь, видимо, была зеленой, но краска с годами облупилась, а дерево немного покособилось. Но я все равно люблю эту дверь. Над мостовой возвышаются четыре этажа выбеленного былого величия, а окна до сих пор закрыты старыми бархатными шторами.

– Спасибо, что согласилась помочь, – говорю я.

Не понимаю толком, за что благодарю, ведь я выросла в этом доме. И хотя в нем всегда жили только мы с мамой, я была здесь счастлива. Думаю, я просто благодарна за то, что Дженни появляется, стоит только позвонить, даже если это предложение вместе разгрести старый подвал.

– Легче легкого, – отзывается Дженни. – К тому же на прошлой неделе ты уже сделала самую тяжелую работу.

– Ох, не напоминай. Там столько коробок и сундуков было! А грузчики, которых я наняла, настоящие деревенщины, просто закинули все в свой фургон. Кажется, я слышала звон битого стекла. Но я вписала свою фамилию и отправила все тете Фрэнсис, в ее странный дом в Дорсете^[2]. Надеюсь, она не слишком рассердится, когда неожиданно прибудет ее старое барахло, но мама настаивает на превращении подвала в студию.

– Дом ведь принадлежит Фрэнсис, да?

– Именно так.

– Почему я так мало о ней слышала? И не знакома с ней? – удивляется Дженни с легким намеком на напряжение, как будто подозревает, что я не поделилась с ней чем-то важным.

– Не принимай на свой счет. Я тоже никогда с ней не встречалась. Она не любит Лондон и вообще домоседка. И так богата, что даже не проверяет, что здесь происходит. Похоже, она каждую неделю посылает маме деньги. Это глупо и старомодно, как деньги от родителей в детстве, но мама не такая гордячка, чтобы отказываться. Однажды я спросила маму, почему тетя Фрэнсис присылает деньги, а она просто отмахнулась и пожала плечами.

– Хм, – фыркает Дженни, переваривая новую информацию. – Неприятно это говорить, но что будет, когда она умрет? У нее есть дети, которые выкинут вас из дома?

– Нет, все унаследует мама.

Я мысленно готовлюсь к реакции Дженни, потому что лучшая подруга на протяжении последних шестнадцати лет вроде бы уже должна быть в курсе. И я ничего от нее не скрывала, просто эта тема никогда не всплывала в разговорах. Тетя Фрэнсис настолько далека от нас, что для меня дом как будто наш. Я и забыла о ее существовании, пока не пришлось разбираться со старым барахлом.

Но Дженни только присвистывает.

– Фамильное состояние, – говорит она, закатывая глаза. – А я-то думала, это все выдумки, и такое бывает только в кино.

Мы толкаем тяжелую входную дверь – конечно, незапертую. Мама никогда ее не запирает, говорит, если кто-нибудь решит ограбить дом на Тригантер-роуд, то выберет другой. Я обвожу взглядом кирпич на стенах в коридоре и редкие ключья штукатурки. Мама права – грабителю достаточно взглянуть на отслаивающиеся обои, и ему тут же станет ясно, что брать здесь нечего.

И это будет ошибкой, потому что многие мамины картины стоят целое состояние. Но она не продаст ни одну из ранних работ, хранящихся в доме, потому что слишком сентиментальна.

– Я здесь! – раздается мамин голос из кухни, находящейся в глубине дома.

Мы на цыпочках проходим по двум огромным комнатам, которые большинство людей использовали бы как гостиные, но мама сделала в них студию. К стенам прислонены огромные полотна, а пол заляпан

пятнами краски. Уже много десятилетий назад мама перестала накрывать пол тряпками. Через два эркерных окна сочится желтоватый мутный свет, пробиваясь сквозь двадцатипятилетний слой городской грязи. Я не помню, чтобы мама когда-нибудь мыла окна, но уже настолько привыкла к этому освещению, что, если б окна вдруг помыли, свет показался бы слишком резким и ярким, как будто снял темные очки в солнечный летний день.

Мамины пепельные волосы подвязаны на макушке зеленой банданой, а в руке она держит почти пустой бокал красного вина. Еще два полных дожидаются на столе. Она нависает над массивной плитой и жарит лук – единственное, что умеет делать на кухне. В духовке что-то томится, и подозреваю, это какой-то полуфабрикат, который будет приправлен жареным луком.

– На столе тебя ждет почта, – сообщает мама, не поворачиваясь.

– И тебе привет, Лора, – поддразнивает ее Дженни, и мама немного смущенно поворачивается и быстро целует ее в щеку.

Затем она вроде бы собирается поздороваться со мной, но вместо этого вручает почти пустой бокал и берет со стола новый.

Я чувствую запах газа, но мама меня опережает.

– Секундочку, духовка выключилась.

Она зажигает длинную спичку от конфорки под сковородой, затем выключает газ и открывает дверцу духовки. Плита настолько старая, что приходится залезать внутрь и с риском для жизни зажигать ее от настоящего пламени. Я знаю, что лучше не говорить о замене духовки, потому что мы слишком часто это обсуждали на протяжении многих лет. Мама считает, что ретроплита – это круто. Я же, напротив, изо всех сил стараюсь не вспоминать самоубийство Сильвии Плат^[3] всякий раз, когда смотрю на эту духовку.

Опускаюсь на жесткий деревянный стул рядом со своей сумкой и беру толстый конверт с моим именем. Сердце на секунду замирает, ведь недавно я участвовала в нескольких литературных конкурсах. Но уже много лет никто не присылает результаты по почте; все происходит онлайн. Мозг просто тупит в ожидании, что кто-то заметит меня и мое творчество. Я допиваю оставшийся глоток столового вина из супермаркета. На вкус оно уже напоминает головную боль.

Вскрываю тяжелый конверт и достаю письмо на фирменном бланке.

«Мисс Аннабелль Адамс!

Вам необходимо присутствовать на встрече с вашей двоюродной бабушкой, мисс Фрэнсис Адамс, в офисе компании «Гордон, Оуэнс и Мартлок». Мисс Адамс хочет обсудить обязательства, возлагаемые на единственную наследницу ее поместья и активов».

Я прерываю чтение.

– Погодите-ка, это же от адвоката тети Фрэнсис, – говорю я. – Похоже, он ошибся адресатом, там должно быть написано «Лора». Это о наследстве.

Дженни наклоняется над моим плечом и просматривает письмо.

– Тут написано «двоюродная бабушка», – она указывает на слова. – Не похоже, что это ошибка.

– Ох, не может быть, – буркает мама.

Она подходит к столу, вырывает письмо из моих рук и так долго его изучает, что лук начинает издавать запах горелой карамели. Потом бросает письмо на стол, возвращается к плите и снимает чугунную сковородку с конфорки, пока лук не сторел окончательно.

Дженни читает письмо до конца, бормоча себе под нос.

– «Пожалуйста, приходите в офис... бла-бла-бла...». Это указания для встречи. Через пару дней, где-то в Дорсете, в местечке под названием Касл-Нолл. Боже мой, одинокая тетя в сонной деревушке? – шепчет она. – Загадочное наследство? Прямо как в кино!

– Уверена, письмо предназначалось маме. Тетя Фрэнсис страшно суеверна и вряд ли внезапно передумала, лишив маму наследства. Хотя... – медленно добавляю я, – учитывая все, что я слышала о тете Фрэнсис, это вполне в ее духе. – Посмотрев на недоуменное лицо Дженни, я понимаю, что должна просветить ее насчет странностей тети Фрэнсис. – Это семейное предание. Я точно тебе никогда не рассказывала? – Дженни качает головой и отпивает вина из оставшегося на столе бокала. Я перевожу взгляд на маму. – Не хочешь рассказать историю тети Фрэнсис? Или я расскажу?

Мама снова борется с дверцей духовки и вытаскивает алюминиевый противень с чем-то не поддающимся определению. Потом вываливает на него жареный лук с чугунной сковородки, берет три вилки из корзины с разномастными столовыми приборами и

ставит все это между нами, втыкая вилки под странными углами. После чего опускается на стул, отпивает вина и слегка качает головой.

– Ну что ж, – старательно произношу я голосом чтеца. Дженни наполняет мой бокал из бутылки. – Это случилось в далеком 1965-м, когда тете Фрэнсис было шестнадцать. Она пошла на сельскую ярмарку с двумя лучшими подругами и там посетила гадалку. И та ей нагадала что-то вроде: «Тебя убьют, и ты превратишься в груды костей».

– О-о-о, прямо в яблочко, обожаю такое, – произносит Дженни. – Но если ты собираешься писать детективы, Энни, и я говорю это от чистого сердца, надо поработать над подачей.

Мама снова берет письмо, изучая его, словно улику с места преступления.

– Нет, не так, – тихо говорит она. – Там было вот что: «Я вижу в твоём будущем скелет. Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твоё медленное увядание. Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст. И с этого момента едва ли повернешь назад. Но дочери – ключ к правосудию, найди одну нужную и не отпускай от себя. Все указывает на то, что тебя убьют».

Я втыкаю вилку в густую массу – как подозреваю, запеченного картофельного гратена из морозилки ближайшего супермаркета.

– Точно. В общем, тетя Фрэнсис всю жизнь верит, что предсказание сбудется.

– Это же... Даже не знаю, не то трагично, не то очень мудро, – тянет Дженни и поворачивается к маме: – Так Энни никогда не встречалась со своей двоюродной бабушкой?

Мама вздыхает, ковыряясь в луке.

– Мы просто предоставили тете Фрэнсис жить в своём большом доме и справляться самостоятельно.

– Погодите, так у вас есть тетя с огромным поместьем и вы её просто игнорируете?

Мама взмахивает рукой, словно отгоняя слова Дженни.

– Фрэнсис игнорируют все. Она же с приветом. Настолько, что стала местной легендой – чокнутая старушенция в огромном поместье и с кучей денег, которая пытается накопать грязь на всякого, кто встретится ей на пути, вдруг именно он окажется её убийцей.

– Так ты позвонишь адвокату насчет этой путаницы? – спрашиваю я.

Мама трет переносицу и отдает мне письмо.

– Не думаю, что это путаница. Я бы поехала с тобой в Дорсет, но Фрэнсис неспроста выбрала такую дату.

Я снова смотрю на нее.

– Твоя выставка в «Тейт», – медленно говорю я. – То есть она сделала это, чтобы ты не приехала?

– Может, Фрэнсис и с приветом, но очень расчетлива. И любит играть с людьми.

– Ладно, – вздыхаю я. При мысли о том, что придется пропустить мамину выставку, у меня опускаются плечи, но, похоже, от этой встречи зависит наше будущее. Остается лишь надеяться, что первый день выставки пройдет хорошо и за ним последуют другие. – Но почему я?

Мама громко выдыхает.

– Всю ее жизнь определило это предсказание, и долгие годы я была единственной наследницей именно из-за него: «дочери – ключ к правосудию». Я единственная дочь в семье, мой отец – старший брат Фрэнсис.

– Вторая часть предсказания, – бормочу я. – «Найди нужную и не отпускай от себя».

Мама кивает:

– Похоже, Фрэнсис решила, что я не та дочь.

Глава 2

Записи из Касл-Нолла, 10 сентября 1966 года

Я пишу это, потому что знаю – я наверняка видела то, что может иметь значение в дальнейшем. Некоторые детали выглядят сейчас незначительными, но потом окажутся чрезвычайно важными, или наоборот. Поэтому я собираю все и тщательно записываю.

Роуз по-прежнему считает меня чокнутой из-за того, что я никак не могу забыть то предсказание. Но она не знает, по какой причине я так сильно в него верю.

Кто-то угрожал мне еще до того, как я пошла к гадалке.

Я нашла в кармане юбки записку со словами: «Я положу твои кости в ящик». У меня мурашки по коже, стоит об этом вспомнить, но я держу записку под рукой на случай, если удастся что-нибудь из нее вытащить. Какой-нибудь намек, который поможет изменить уготованную мне судьбу.

А затем я услышала предсказание: «Я вижу в твоём будущем скелет». Это не может быть совпадением. И к тому же две недели назад пропала Эмили, почти ровно через год после предсказания.

Когда меня допрашивала полиция, мне не поверили. Даже спросили, не считаю ли я, что мне уделяют слишком мало внимания, сосредоточившись на поисках Эмили. Поэтому я не стала рассказывать остальное, а решила, что возьму дело в свои руки.

Полиции уж точно не нужно знать о том, что происходило в этом году.

Глава 3

Всего через три остановки вагон почти пустеет – пассажиры выходят еще до того, как город тает вдаль. Через два часа в поле зрения возникают переливы зеленых холмов Дорсета, и меня затапливает предвкушение. Я вытаскиваю один блокнот из взятой с собой пачки и пытаюсь описать ландшафт. Поезд не идет до Касл-Нолла, поэтому в городке Сэндвью придется пересест на автобус, а он ходит только раз в час.

Наконец поезд останавливается на конечной станции, и я вижу классический двухэтажный автобус из тех, что возят туристов на море. Сажусь впереди на верхнем ярусе, как ребенок, и автобус трясется по созвездию неказистых деревень, пока не прибывает в Касл-Нолл. К тому времени я уже целых сорок минут вдыхаю смесь легкого аромата моря с густым запахом навоза, но на мозаичном ковре проселочных дорог запах кажется скорее очаровательным, чем неприятным.

Деревня Касл-Нолл похожа на картинку с банки печенья: узкие улочки и каменные стены сухой кладки с одной стороны, высокий холм с осыпающимися развалинами нормандского замка на покатых склонах, где пасутся овцы, – с другой. Пока мы огибаем замок, я слышу их бляние.

Приезжаю за несколько минут до встречи с мистером Гордоном и иду по мощеной улице, чтобы осмотреться. Поднимая рюкзак, задумываюсь, не стоило ли взять с собой больше книг или четвертый блокнот – тот, что в красной кожаной обложке.

Деревня так мала, что ее можно увидеть целиком, просто повернувшись вокруг своей оси. Наверху холма возвышаются руины замка, а у подножия стоит старинный паб «Мертвая ведьма». Он выглядит вполне подходящим местом для призраков. Шиферная крыша покосилась, как будто толстые стены устали ее держать, а побелка выцвела на солнце и облупилась. Остальная часть деревни безупречна до такой степени, что кажется съемочной площадкой. Старомодный магазин сладостей уже в десять утра заполнен туристами, а бóльшую часть улицы, примыкающей к пабу, занимает викторианская железнодорожная станция. От стоящих там паровозов валит пар, и семьи с детьми выстраиваются в очередь, чтобы купить

билеты до единственного пункта назначения – приморского городка неподалеку.

На другом конце улицы стоит милое каменное здание, смотрящее на «Мертвую ведьму» сверху вниз. На ярко-красной вывеске золотыми буквами выведены слова «Гастрономия Крамвелла», и магазин украшает центральную улицу, словно веселая противоположность «Мертвой ведьме». Рядом с гастрономом находится гостиница «Касл-хаус». Она выглядит как бутик-отель, безукоризненно чистый и шикарный, и, вероятно, цены там космические.

Наконец я открываю дверь офиса компании «Гордон, Оуэнс и Мартлок» на первом этаже коттеджа на центральной улице. В комнате на удивление много воздуха и света, учитывая, что в когда-то небольшую гостиную втиснули четыре стола. Сияние зеленых настольных ламп сливается со светом, проникающим через стекло входной двери. В углу за большим столом сидит круглолицый мужчина, но все остальные столы пустуют.

– Простите, вы мистер Гордон? – спрашиваю я.

Мужчина поднимает голову и несколько раз моргает. Он смотрит на часы и снова поднимает взгляд.

– Я Уолтер Гордон. А вы Аннабель Адамс?

– Да, это я, но зовите меня просто Энни.

– Приятно познакомиться. – Он встает, чтобы пожать мне руку, но не выходит из-за стола. – Знаете, вы просто вылитая Лора.

Я слегка улыбаюсь, потому что это не новость – мне постоянно так говорят. Но это напоминает, что мама здесь выросла, и в Касл-Нолле есть люди, которые знали ее в молодости. Жаль, что она не привозила меня сюда в детстве. Мама не ладила с родителями и всегда говорила, что ей нужен только Лондон.

– Я только что разговаривал по телефону с Фрэнсис, – говорит мистер Гордон. – Боюсь, придется перенести встречу в Грейвсдаун-холл. У нее проблемы с машиной. Дождемся, когда все придут, и отправимся туда вместе.

Я сажусь на стул напротив него, и мистер Гордон с опозданием замечает, что не предложил мне сесть. Я не старомодна в таких вещах, но мистер Гордон – другое дело, он носит мятый костюм, при этом не забыв о платке в нагрудном кармане. Мистер Гордон косится на соседний стол, бормоча что-то о секретарше и чае.

– Вы сказали «все». Можно узнать, кого еще мы ждем? У меня создалось впечатление, что на встрече будете присутствовать только вы и тетя Фрэнсис.

– Э-э-э... – Слегка разволновавшись, он начинает перебирать бумаги на столе. Мистер Гордон старается выглядеть официально, но я вижу, как он нервничает. – Фрэнсис внесла некоторые... э-э... существенные изменения в планы на будущее для поместья. Поэтому мы встречаемся с Саксоном и Эльвой Грейвсдаун, а они опоздают – они всегда стараются опоздать.

Ярываюсь между желаниями спросить, кто такие Саксон и Эльва Грейвсдауны, и помалкивать, чтобы не выдать, насколько я плохо знаю тетю, которая вдруг решила сделать меня наследницей. Если Грейвсдаун-холл – дом Фрэнсис, то эти люди, видимо, родственники ее покойного мужа.

– А мой внук Оливер будет с минуты на минуту, – продолжает мистер Гордон. – Он тоже будет присутствовать на встрече. Вот и он, легок на помине.

В стекле на двери появляется профиль человека, и я разворачиваюсь на стуле. Мужчина долго возится с ручкой, пытаюсь удержать поднос с кофе. Мистер Гордон вскакивает, чтобы прийти на помощь внуку, и, когда дверь открывается, солнечные лучи ложатся на меня золотыми полосами. Оливер Гордон наконец переступает через порог, и выглядит он словно модель с журнальной обложки. Если уж на то пошло, он даже слишком идеален в своей одежде «для работы мечты». Светло-голубая рубашка, очевидно, подобрана под цвет глаз, но галстука нет – ворот расстегнут на одну пуговицу. На нем серые костюмные брюки, а через плечо перекинута кожаная сумка с ноутбуком. В одной руке мужчина держит картонный поднос с несколькими кофейными стаканами, а в другой – торт в замысловатой коробке с надписью золотыми буквами: «Касл-хаус».

– Энни, это мой внук Оливер, – сообщает мистер Гордон с нотками гордости, присущими дедушкам и бабушкам. – Оливер, это Энни Адамс, дочь Лоры.

– Энни Адамс, – медленно повторяет Оливер, и один уголок его губ слегка приподнимается. Он наклоняет голову, и волосы цвета карамели падают на лоб. Движение выглядит настолько отработанным,

что я тут же решаю не обращать на это внимание. – Отличное имя, – говорит он. – Прямо как из комиксов.

– Прошу прощения?

– Ну, знаете, вроде Лоис Лейн или Пеппер Поттс. – Он приподнимает накачанные руки, словно хочет снять передо мной шляпу, только в руках у него поднос.

– Приятно познакомиться, – с улыбкой говорю я. Мне нравится, что под привлекательным фасадом скрывается человек с необычными увлечениями. Он берет себя в руки и снова надевает маску делового человека. – Фрэнсис еще нет? – спрашивает Оливер мистера Гордона. – А я хотел произвести фурор, войдя с кофе и тортом. Подумал, ей это понравится.

Мистер Гордон поднимает брови.

– Ты хотел? Или Роуз?

Оливер невольно улыбается.

– Ну ладно, Роуз. Она подкараулила меня перед гостиницей «Касл-хаус» и вручила все это. Думаю, это ее способ напомнить Фрэнсис, что она тоже хотела присутствовать.

– С какой стати она дарит торт, если злится на то, что ее не пригласили? – удивляюсь я. – Большинство людей поступили бы наоборот.

Мистер Гордон улыбается вполсилы.

– Верно, но Роуз из тех, кто требует к себе внимания чрезмерной добротой. – Он разглаживает платок в нагрудном кармашке, но тем самым лишь мнет его. – В общем, Фрэнсис может поговорить с Роуз и в другое время. Боюсь, придется взять торт с собой, потому что Фрэнсис не приедет. В ее «Роллс-Ройсе» забарахлил мотор.

И тут к двери подходит элегантная женщина.

– Бог ты мой, – бормочет Оливер, – я и не знал, что придется иметь дело с Эльвой.

Женщина входит в комнату, глядя чуть поверх наших голов, словно она ожидала увидеть кого-то другого. Ее волосы с проседью собраны в аккуратный хвост. По-видимому, ей около пятидесяти, но у нее такое молоджавое лицо, что я задаюсь вопросом, где в Касл-Нолле колют ботокс. На ней кремовый блейзер в тон туфлям. Будь здесь Дженни, она определила бы марку – «Шанель» или «Диор».

– Уолтер, – чеканит она, словно делает заявление, и сразу становится ясно, что она здесь главная.

Мистер Гордон поднимается из-за стола и снова шуршит бумагами, как будто его застали за чем-то непристойным.

– Здравствуй, Эльва. Прошу, сядь рядом с Лорой, – говорит он.

– Энни, – поправляю его я, и женщина вскидывает подбородок в мою сторону, как любопытная птица.

– Да, конечно, простите, Энни, – извиняется мистер Гордон.

– Ну что ж. – Эльва скрещивает руки на груди и шагает чуть ближе, со странным удовлетворением сморщив губы. – Так ты дочь Лоры? Как это похоже на нее. Послала тебя разбираться с плохими новостями, а сама не приехала.

– Плохими новостями? – переспрашиваю я. Похоже, я попала в ловушку, но мне хочется знать, о чем говорит эта женщина. – Мне известно только, что тетя Фрэнсис послала за мной.

Фраза звучит старомодно, словно я персонаж романа Джейн Остен, в котором за людьми «посылают».

Эльва разворачивается и снова обращается к мистеру Гордону, и мои плечи немного расслабляются, будто порыв арктического ветра из кондиционера улетел дальше.

– Да. Фрэнсис изменила завещание. Исключив Лору. Она сама мне это сказала несколько дней назад, – будничным тоном врача произносит Эльва. Как голос за кадром в документальном фильме о природе, который скучно и монотонно описывает ужасную бойню, устроенную львами на охоте. – Она придет, чтобы объяснить это нам? У меня важный обед в половине первого в Саутгемптоне^[4], так что я не могу торчать здесь весь день. Да и дочери Лоры нет нужды здесь находиться, если Лору лишили наследства.

Я удивленно фыркаю, а мистер Гордон отчеканивает:

– Ну хватит, Эльва! Фрэнсис здесь нет, так что прекрати гадать на кофейной гуще. Вскоре она сама все объяснит, когда мы с ней встретимся. Где Саксон?

– Застрял в больнице Сэндвью, проводит вскрытие. Как только закончит, оттуда час езды, это если он успеет на паром, так что Саксон сказал, можно обойтись без него, потом введем его в курс дела.

– Фрэнсис это вряд ли понравится, – замечает мистер Гордон, снова опускаясь в кресло.

На мгновение мы напряженно застываем в ожидании реакции Эльвы, и на ее лице появляется маска высокомерного презрения. По какой-то причине все Эльвы в мире не видят во мне угрозу, и это дает определенное преимущество в подобных ситуациях.

Я расплываюсь в ослепительной улыбке.

– Простите, я не услышала, в каком родстве вы с тетей Фрэнсис. Вы ее кузина?

– Мой муж Саксон – племянник Фрэнсис, – самодовольно отвечает она.

Мама никогда не упоминала, что у тети Фрэнсис есть другие родственники, вероятно, потому, что в завещании не было никого, кроме нее. Я уже открываю рот, чтобы спросить об этом, но мистер Гордон наклоняется в мою сторону.

– Саксон – племянник мужа Фрэнсис, – говорит он главным образом мне. – После смерти родителей Саксона лорд Грейвсдаун взял его к себе, а после женитьбы на Фрэнсис отправил в школу-пансион. Она многие годы поддерживала его финансово, как и Лору. – Мистер Гордон косится на Эльву, которая изучает стену над головой адвоката, словно он нечленораздельно жужжит, а она пытается понять, откуда исходит этот звук. – Но они никогда не были особо близки, – добавляет он.

– А что касается Лоры, – продолжает Эльва, как будто никто, кроме нее, и не говорил, – к счастью, Фрэнсис наконец-то опомнилась. Дом в Челси много лет принадлежал Грейвсдаунам, так и должно оставаться. А когда на прошлой неделе я была в поместье, то увидела, что Лора без какой-либо причины прислала старые сундуки Фрэнсис. Это окончательно убедило Фрэнсис в ее решении. Она намерена исключить вас обеих.

Мне становится не по себе.

– Это все я. Это я отправила сундуки в Грейвсдаун-холл, и в счете компании-перевозчика, который должна была подписать Фрэнсис, стояло мое имя. Погодите-ка... Она поэтому так внезапно заинтересовалась мной? Каким образом это могло убедить ее сделать меня единственной наследницей поместья?

Мозг слегка раскалывается, потому что я ничего не понимаю.

Но вдруг Эльва права? Вдруг отправка сундуков из Челси убедила тетю Фрэнсис выгнать из дома жильцов?

Эльва выглядит так, будто вот-вот взорвется, подтверждая мою догадку – она блефовала, уверяя, что наследником станет Саксон. Она просто предположила это, услышав, что маму исключили из завещания.

– Мы сможем задать эти вопросы Фрэнсис при встрече, – отвечает мистер Гордон.

На его лицо ложится новый отпечаток усталости, и я понимаю, что он старше, чем показался сначала. Ему, наверное, уже за шестьдесят, пора на пенсию.

– Я снова в замешательстве, – произношу я. – На встрече тетя Фрэнсис просто скажет всем прямо в лицо, что исключила их из завещания? Это... нормально?

– Фрэнсис делает, что пожелает, – тяжело вздыхает мистер Гордон.

– Иначе говоря, всю ее жизнь и смерть определило проклятое предсказание, сделанное в 1965 году! – рявкает Эльва. – Старая перечница! – Мои глаза слегка округляются, но я не шевелюсь. Эльва вышла из себя, и наблюдать за тем, как рушится столь тщательно выстроенный образ, очень приятно. – Ты знаешь, что Фрэнсис отказалась оплачивать нашу свадьбу, если мы не сменим место? Мы решили провести ее в загородном клубе «Королева Виктория», но Фрэнсис и слышать об этом не хотела! Она заявила, что на их логотипе изображена королева Виктория, она же на салфетках и бокалах для вина, а значит, Фрэнсис будет весь вечер держать королеву в ладони. Это же просто смешно! У нее была безумная реакция на всех потенциальных королей размером с ладонь!

От тона, каким Эльва произнесла слово «безумная», я слегка отшатываюсь от нее, как будто нас всех собираются испепелить.

Эльва вдруг поворачивается и смотрит на Оливера, словно только что его заметила.

– А почему здесь твой внук, Уолтер? Это же семейное дело Грейвсдаунов.

Мистер Гордон вытаскивает из нагрудного кармана платок и промакивает лоб.

– Хочу тебе напомнить, Фрэнсис попросила присутствовать на встрече Саксона, Энни и Оливера. А тебя она не приглашала.

– Оливера? – Эльва и не пытается скрыть потрясение. – Но, если она хочет что-то оставить Гордонам, почему не тебе? Дом в Челси и поместье Грейвсдаун Саксону и мне, а тебе какие-нибудь памятные безделушки, Уолтер. Это вполне разумно.

Мистер Гордон трет переносицу.

– Пожалуйста, Эльва, прекрати строить предположения о завещании Фрэнсис. Сколько раз я должен повторять...

С ключами от машины в руках Оливер мотает мне головой.

– Могу подвезти. Пора отправляться. Не беспокойтесь о сумке, – говорит он, глядя на кожаную сумку, которую я поставила в углу. – Заберете ее после встречи.

Мы выскакиваем из офиса, как будто в нем вспыхнул пожар, даже не потрудившись попрощаться с остальными.

Глава 4

Записи из Касл-Нолла, 15 сентября 1966 года

Поиск тела вели в реке Димбер, текущей в деревню из соседнего графства через поместье Грейвсдаун.

Но только в самых глубоких местах, потому что в деревне речушка так мелеет, что прекрасно видно дно. Глубже всего она в поместье Грейвсдаун, и я не могу не думать об этом.

Потому что там-то все и началось. Именно Эмили задумала пробраться туда поздно вечером – она такая безрассудная.

Придется на время отложить дневник, потому что пришел Питер и спорит с мамой. Никто не выносит его жене Тэнси, но теперь, когда у них наконец появился желанный ребенок, пути назад нет. Они так отчаянно хотели ребенка. Может, теперь, когда не придется об этом беспокоиться, она станет приятней.

Так странно в семнадцать стать тетей, но это случается, когда брат на десять лет старше. Хотя, должна признать, Лора – самое милое на свете создание. Ей всего месяц, а она так забавно гулит, когда меня видит. Жаль только, что похожа на мать.

Глава 5

Пока мы идем к машине. Лицо Оливера совершенно непроницаемо. После встречи с Эльвой я в полном раздоре и заставляю себя смотреть на его твердый подбородок, придумывая какую-нибудь фразу, не наводящую на мысли о комиксах.

Он щелкает ключом, и на безупречном «БМВ» моргают габаритные огни. Оливер поставил машину прямо на главной улице, перегородив тротуар. Несколько прохожих, которым пришлось обходить машину по мостовой, сердито смотрят на нас, но Оливеру то ли все равно, то ли он просто их не замечает.

Когда Оливер заводит машину и трогается, повисает неловкая тишина. Он приоткрывает свое окно, и летний воздух обдувает наши лица, сметая напряжение. Мы сворачиваем на сельскую дорогу с пышной растительностью, и мне хочется высунуться из окна, вдохнуть зелень туннелей из листьев над нашими головами. Но я подавляю этот порыв – все-таки я ведь не золотистый ретривер.

– Так чем ты занимаешься в Лондоне? – спрашивает Оливер.

Его манера срезать повороты меня нервирует, но, судя по уверенному виду, он хорошо знает местные дороги.

Я медлю, потому что надо бы сказать: «Я писательница». Дженни считает, я должна отвечать на вопрос о работе именно так, потому что, в сущности, сейчас больше ничем не занимаюсь. Просто мне не платят. И не замечают. Я мысленно представляю пустую папку с входящими и кусаю губу.

– Я сейчас как раз в процессе смены работы, – отвечаю я, и враньем это не назовешь. – А пока занимаюсь несколькими творческими проектами. – Снова наступает тишина, и я быстро возвращаюсь к разговору, чтобы не углубляться в тему своих «творческих проектов». – А ты? Живешь в Касл-Нолле? По крайней мере, по здешним дорогам рассекаешь как местный.

Я улыбаюсь, но от этого комментария он лишь слегка прищуривается.

– О нет. Я тоже живу в Лондоне, работаю в «Джессоп филдс». – Оливер умолкает, как будто я должна знать название, но я понятия не имею, что это.

Мысленно перебираю похожие названия фирм, чтобы вычислить, в какой сфере он работает. Звучит как «Голдман Сакс» или «Прайсуотерхаускоперс».

– Финансы? – высказываю предположение.

Он фыркает, а значит, я проиграла. Видимо, милая фраза о комиксах была случайностью. Пусть Оливер и привлекателен, но, похоже, на самом деле он редкостное дерьмо.

– Строительство, – наконец произносит Оливер, ловко переключая передачи, чтобы преодолеть холм, на котором явно не смогут разъехаться две машины. – «Джессоп филдс» – крупнейший лондонский застройщик. Но у нас есть проекты по всей стране. Да и по всему миру.

Ветерок слегка ерошит его волосы, и русые волны встают дыбом, а затем возвращаются на место. Я подавляю желание рассмеяться.

Похоже, Оливер разозлился, когда я предположила, что он живет в Касл-Нолле, хотя не понимаю почему и решаю расспросить подробнее.

– Но ведь мистер Гордон твой дедушка, верно? Значит, ты вырос здесь? Или приезжал к нему на лето?

– Да, но большую часть этого времени я провел в школе-интернате. Я учился в Харроу^[5], как и Саксон Грейвсдаун, – с гордостью заявляет он. – Потом в Кембридже, а затем сразу переехал в Лондон и начал работать в «Джессоп филдс». Поэтому нельзя сказать, что я здесь вырос, ведь так долго жил в других местах, – уклоняется он от ответа, прикрывая связь с Касл-Ноллом подробностями своего привилегированного образования.

Я вспоминаю свое детство, лондонское насквозь. По выходным мы с мамой болтались по станциям метро, как металлические шарики в пинболе. Я всегда считала, что у людей, выросших в сельской местности, есть корни, но, услышав, как Оливер отнекивается от связей с Касл-Ноллом, понимаю, что это у меня есть корни. И от этого почему-то моментально смягчаюсь. Пусть мое нищее детство и было нетрадиционным, но, по крайней мере, счастливым. Однако при мысли о доме в Челси я снова начинаю волноваться... А вдруг Эльва знает то, чего не знаю я? Эта мысль меня душит.

– Ты совсем не чувствуешь своей связи с Касл-Ноллом? – спрашиваю я, не пытаясь скрыть удивления. – Неужели в детстве ты не

лазил по развалинам замка и не катался на паровозе, взяв с собой бутерброды?

Оливер лишь пожимает плечами.

– По-моему, это грустно, – замечаю я.

– Это потому, что ты не росла в маленьком городке. Тебе Касл-Нолл кажется удивительным местом, но жизнь здесь скучная. Я предпочитаю жить в другом месте.

– Скучают только скучные люди, – возражаю я, это одно из любимых маминых изречений. – Но не волнуйся, если у тебя было скучное детство, я создам тебе новое, поинтереснее. – Я умолкаю, осматривая пейзаж в поисках вдохновения и намереваясь всерьез его раззадорить. – Вон на том холме в восемь лет ты сломал запястье, упав с велосипеда. А в той школе, – указываю на здание вдаль, – впервые поцеловался на дискотеке после восьмого класса, пока ждал, когда за тобой приедет мама.

– Это не моя школа, – напряженно произносит Оливер. – Я же сказал, что учился в школе-пансионе.

Он раздражен, но таким мне нравится больше – его раздражение по крайней мере выглядит настоящим.

– А вон там, – указываю я на уставленное туристическими палатками поле, – ты потерял девственность тем летом, когда приехал домой после первого курса Кембриджа. Немного поздновато, но ничего. Думаю, во всем виноваты комиксы – они отобрали у тебя пару лет, пока ты не вылез из раковины.

– Ты закончила? – огрызается Оливер.

Моя улыбка становится шире, и я вскидываю голову.

– Пока да.

Закрываю глаза, и сквозь веки просачивается красно-золотистый свет.

Пятнадцать минут спустя машина Оливера съезжает с дороги в челюсти внушительных ворот. Белая гравийная дорожка яркой полосой делит пополам лужайку и убегает далеко вперед, так что дома тети Фрэнсис пока не видно.

Мы делаем плавный поворот, и наконец за темно-зелеными кипарисами и островками стриженной живой изгороди появляется Грейвсдаун-холл. Здание из песчаника выглядит солидно и мрачновато,

даже под ярким августовским солнцем. Элегантные окна на трех этажах сверкают на солнце. Судя по грандиозному фасаду, дом явно тянется вглубь. С одной стороны дорожки одинокий садовник подстригает длинную волнистую изгородь. Сделан сад со вкусом, но мне немного жутковато. Мы останавливаемся на кругу перед крыльцом, неподалеку стоит только одна машина – раритетный «Роллс-Ройс» с открытым капотом, словно кто-то копался в моторе, но внезапно убежал по делам.

Мы с Оливером на секунду застываем перед высокими дубовыми дверьми, и я провожу рукой по резьбе. Виноградные лозы, ветви и замысловатые завитки сплетаются в единое целое, и я как будто падаю в лабиринт. Нервничаю из-за того, что наконец-то встречу с загадочной двоюродной бабушкой, внезапно вызвавшей меня через двадцать пять лет после моего рождения. Но эта нервозность похожа на ожидание результатов собеседования, на котором, как тебе кажется, ты очень хорошо себя показала.

Я нажимаю на латунный дверной звонок, и из недр дома доносится мелодичный перезвон. Наступает тишина, которая кажется слишком долгой, и Оливер стучит чугунным дверным молотком. Раздаются три гулких удара, таких громких, что их можно принять за выстрелы. Тянутся долгие секунды ожидания, и, когда уже кажется маловероятным, что кто-то откроет, Оливер дергает за ручки обеих дверей. Заперто.

– Может, спросить у садовника? – Мой голос дрожит сильнее, чем я ожидала: здесь я чувствую себя не в своей тарелке. – В смысле, вдруг у него есть ключ?

Оливер выгибает бровь, и меня просто бесит, как ему идет это выражение лица.

– Привет, Арчи! – кричит он, не отворачиваясь от меня. Уголки его губ дергаются в лукавой ухмылке. Конечно, он знаком с садовником, он же здесь вырос. Мне хочется закатить глаза, но, похоже, я просто не могу заставить себя отвести взгляд от лица Оливера. – Пойду помогу Арчи со стремянкой, – спокойно говорит он, улыбаясь от уха до уха. – У него больное колено. Повредил восемнадцать лет назад, когда вытаскивал меня из реки Димбер, после того как я свалился с тарзанки.

Не знаю, врет он или нет, но Оливер явно продолжает нашу игру, начавшуюся в поездке.

Садовник по-прежнему подстригает изгородь за нашими спинами, и состязание в гляделки сопровождается лязгом его ржавых ножниц. Первой отворачиваюсь я.

Да, садовник и впрямь выглядит слишком старым, чтобы взобраться на шаткую деревянную стремянку; у меня сводит челюсть от одного взгляда на него. Он оборачивается и прикрывает глаза от солнца, пару раз моргает и узнает Оливера.

– Оливер Гордон, – медленно произносит он. – Уже вернулся?

Я поворачиваюсь к Оливеру:

– Вернулся?

– Ну я уже сюда заезжал, – как ни в чем не бывало отвечает он.

– Зачем? – спрашиваю я.

Оливер удивленно смотрит на меня:

– Какая разница? Насколько я знаю, ты даже никогда не встречалась с Фрэнсис. С чего вдруг ты стала ее личным секретарем?

Мне хочется сдать назад, но я тут же злюсь на себя за это.

– Я приехала сюда, потому что мне интересно. Потому что хочу с ней встретиться. Я просто спросила, зачем ты приезжал сюда, потому что...

– Потому что очень любопытная, – обрывает меня Оливер.

Я морщусь.

– Мне просто интересно.

Арчи срезает с изгороди несколько торчащих веток, и с каждым разом его ножницы лязгают все громче, а Оливер тем временем пристально меня разглядывает.

– У Фрэнсис возникло несколько вопросов относительно недвижимости, – наконец говорит он, – и она пригласила меня на завтрак, мы просмотрели несколько старых планов поместья.

На дальнейшие расспросы времени нет – Арчи начинает спускаться по стремянке, балансируя длинными ножницами в одной руке. Оливер сует руки в карманы, и лишь когда я откашливаюсь, нехотя вынимает их и идет помочь Арчи. Не похоже, чтобы у садовника болело колено.

– А это кто?

Арчи спускается на гравий и вытирает лоб тряпкой. Просто вылитый старый садовник из книжек, от поношенного рабочего комбинезона и сапог до глубоких морщин на лице, заглубившем от постоянной работы на улице. Из-под края потрепанной полотняной кепки выглядывают седые пряди, а по шее текут струйки пота.

– Меня зовут Энни Адамс, – представляюсь я, и он пожимает мне руку.

Его ладонь сухая, как потрескавшаяся земля.

– Арчи Фойл. Рад знакомству.

– Вы здесь единственный садовник? – спрашиваю я, оглядывая изгороди и лужайку. – Работы по горло.

Арчи улыбается, и морщины у глаз становятся глубже.

– Единственный настоящий. Но Фрэнсис позволяет мне делать то, что сочту нужным. Вообще-то она наняла ландшафтную компанию, и они заезжают сюда раз в неделю с газонокосилками и садовыми пылесосами. А я занимаюсь тонкой работой, потому что мне это нравится, и устраивает ее. Но в последнее время у меня много дел на ферме, и я лишь подстригаю изгороди, когда найдется свободная минутка.

Я окидываю взглядом волны живой изгороди, которая вдвое выше меня и тянется по меньшей мере на сотню ярдов вдоль дорожки, до кипарисовой аллеи.

– Впечатляющая работа, – говорю я, и это правда.

Вблизи изгородь уже не выглядит жутковато. Как человек, который видел много произведений искусства, я могу с уверенностью сказать, что эти переливы волн – одно из лучших. А садовник – настоящий скульптор.

– Благодарю. Это моя гордость и радость. Кроме меня, к изгороди никто не прикаснется до самой моей смерти. А после я попросил Фрэнсис похоронить меня рядом с изгородью, чтоб мой призрак отпугивал всех, кто попытается ее изменить.

Он смеется над своей дурацкой шуткой, но потом встречается взглядом с Оливером и резко умолкает.

Я мысленно отпрыгиваю, чуя какое-то глубинное течение. Оливер, строительство, завтрак с тетей Фрэнсис и планы поместья.

– Вы упомянули ферму? – спрашиваю я, пытаюсь сгладить внезапную напряженность.

– Точно, ферма Фойла. – Арчи показывает на огражденный кирпичной стеной сад чуть в стороне от дома. – Примерно в полумиле за классическим садом находятся мои поля, дом и все такое. Это и была ферма Фойла, пока ее не поглотило поместье Грейвсдаун. Но внучка говорит, ее бизнесу идет только на пользу, что она продает сыр, джем и прочее под этикеткой Грейвсдауна. У нее гастроном в городе, «Крамвелл».

Разговор прерывается хрустом шин по гравиию – из-за поворота на скорости вылетает Эльва Грейвсдаун. Проигнорировав нас, она паркуется вплотную к дому, и скромный «Рено» мистера Гордона вслед за ней. Он едет в белом облаке пыли, которые подняли ее колеса, и если б машина могла кашлять, бедняга «Рено» зашелся бы в приступе.

– Арчи, – медленно произносит Оливер, – ты можешь впустить нас в дом?

– Не могу. У меня нет ключей.

Мы наблюдаем, как Эльва и мистер Гордон повторяют все то, что мы уже проделали раньше: звонят, стучат и снова звонят. Тянутся минуты, но никто не выходит.

– Нам следует волноваться? – спрашиваю я. – Фрэнсис из тех, кто назначает встречу и забывает об этом?

– Может, она говорит по телефону, – предполагает Оливер.

– Или пошла в туалет. – Оливер бросает на меня раздраженный взгляд, но я лишь пожимаю плечами. – Это естественная причина не открывать дверь.

Проходит еще пять минут, и Эльва начинает терять терпение. Она смотрит на Арчи, который встревоженно наблюдает за нами.

– Хотя, похоже, ключи есть у Уолта, – с удивлением говорит Арчи.

Мы оборачиваемся и видим, как мистер Гордон отпирает дверь, и мы с Оливером спешим присоединиться к остальным. По пути я киваю Арчи и машу рукой, а он пристально смотрит нам вслед, пока мы не входим в мрачную прихожую и не закрываем за собой тяжелую дверь.

После яркой белизны гравия дом кажется темным, наши шаги по плиткам пола отдаются эхом. Здесь стоит запах полироля для мебели и старых ковров.

– Фрэнсис? – устало зовет мистер Гордон.

– Фрэнсис, это я, Эльва.

Пронзительные нотки в певучем голосе Эльвы звучат гораздо громче. Он гулко разносится по коридору и проникает под кожу. Я вздрагиваю и следую за мистером Гордоном через дверной проем в огромную прямоугольную комнату. Очень древнюю, с двумя массивными каминами, по одному в каждом конце, а пол выложен не деревом или плиткой, а истертыми камнями. Сводчатый потолок и темные балки, длинный блестящий стол и стулья с высокими спинками создают впечатление старинного зала для приемов. Я представляю, как здесь выступают артисты, а элегантно одетые люди вкушают фазанов и тарталетки, но уж слишком все серо, отчего я невольно ежусь. Похоже, тете Фрэнсис тоже так показалось, потому что на высоких окнах занавески в цветочек, а у обоих каминов расставлены кресла в такой же обивке, чтобы сделать обстановку уютнее. На потолке висит огромная люстра, сверкающая сотнями хрустальных подвесок, напоминающих направленные вниз ножи.

По огромному залу расставлены цветочные композиции, семь из них выстроились в ряд. Выглядит это немного странно, пока я не замечаю прикрепленные к ним записки: «Доставить в церковь». А в центре стола стоит потрясающая композиция высотой не менее четырех футов.

– Какая красота, – говорю я. – Тетя Фрэнсис сдает дом в аренду для проведения свадеб или чего-то в этом роде?

– Нет, – отвечает мистер Гордон. – Фрэнсис увлекается аранжировкой цветов. Она такой заядлый флорист-любитель, что каждое утро просит Арчи приносить свежие цветы из сада. Наверное, они предназначены для свадьбы, Фрэнсис всегда занимается оформлением церкви.

– Ух ты, – говорю я, потому что букеты и правда впечатляющие.

Мы проходим через дверь в дальнем конце комнаты в библиотеку. Она уютнее, чем я ожидала, стены заставлены книгами в темных кожаных обложках. Через большие квадратные окна льется свет, которому нависающие снаружи листья глицинии придают зеленоватый оттенок.

Когда я следую за остальными, в воздухе как будто возникает какое-то странное напряжение. Мистер Гордон хмурится, заметив неопрятный букет роз на большом деревянном столе в центре комнаты. По сравнению с прекрасными композициями, которые мы видели, этот

выглядит нелепо. Сами того не замечая, мы стараемся идти тихо, а зеленый узорчатый ковер скрадывает звуки шагов.

– Фрэнсис! – снова кричит мистер Гордон.

Тишина становится гнетущей.

И тут все одновременно замечают нечто ужасное – из-за стола на полу торчит ладонь. Бледная, не считая струйки крови на ковре.

Глава 6

Записи из Касл-Нолла, 21 сентября 1966 года

В первый раз мы пришли сюда мартовским вечером, когда еще рано темнело, а мы умирали от скуки. Но Эмили уже все тут исследовала и обнаружила прекрасное место в запущенной части сада, где мы могли выпить, покурить и повеселиться. Поэтому она с самодовольным видом повела нас в обход колючих зарослей и через дыру в заборе.

В моей руке была теплая ладонь Джона, и он не сводил с меня глаз. В ровном лунном свете его русые волосы и веснушки словно выцвели, подчеркивая красивый контур лица. Уолт Гордон ушел вперед с открытой бутылкой пива в одной руке, а другой время от времени обнимал Эмили за талию. За ухом у него торчали два косяка, он двигался со свойственной ему расслабленной уверенностью. Эмили то и дело настойчиво шептала что-то ему на ухо. Зная Эмили, наверняка что-то неприличное.

Роуз замыкала строй, в ту первую ночь она была еще более притихшей. Зимой она по той или иной причине отшила целую череду парней. У Арчи Фойла пахло изо рта, и он слишком нахальный. К тому же он был приемным ребенком, а значит, опасный тип, хотя Уолту он нравился, потому что поставлял ему травку. Еще был Тедди Гусс, но Роуз сказала, что он слишком прыцавый.

– Вы знаете, как умерла леди Грейвсдаун? – с привычным мелодраматизмом спросила Эмили. – Боже, ну и фамилия! – Она мелодично рассмеялась. – Эта семья была обречена с самого начала.

Голос Эмили стал низким и хриловатым – она собиралась рассказать либо похабную историю, либо грубую шутку.

Она распустила длинные волосы, и только одна прядь была сколота жемчужным гребнем. Меня это раздражало – ведь это не только мой жемчужный гребень, но и моя фирменная прическа. С января... нет, еще раньше Эмили стала нарочито подражать мне в мелочах. Сначала это сопровождалось комплиментами: «Мне так нравятся твои хлопковые юбки! Одолжишь мне какую-нибудь?» или «Я пользуюсь лавандовым кремом для рук, потому что он напоминает о тебе». Все это она произносила с обезоруживающей улыбкой. Но я

знаю Эмили всю жизнь, и ее улыбка отнюдь не проста. Эмили вообще ничего не делает просто так.

– О какой леди Грейвсдаун речь? – спросила Роуз. – Разве почти вся семья не погибла в автокатастрофе пару лет назад?

– Не вся.

Эмили помахала рукой, словно три жизни ничего не значили.

Три года назад старший сын лорда Грейвсдауна сидел за рулем спорткара, а с ним ехали отец и жена. Он слишком быстро вошел в поворот рядом с поместьем, машина перевернулась, все погибли мгновенно. Ходили разные слухи о том, почему он въехал в поворот с такой скоростью, говорили и о том, что он был пьян и что в машине началась жаркая ссора. Самое популярное объяснение было и самым трагичным – якобы старший сын Грейвсдауна разбил машину намеренно, из-за интрижки между своей женой и отцом.

Скорее всего, правды так никто никогда и не узнает, но Резерфорд, младший сын, всего в двадцать два года вдруг не только унаследовал титул и земли Грейвсдауна, но и стал опекуном своего семилетнего племянника Саксона. Поэтому Резерфорд сделал то, что считал своим долгом. Немедленно женился. Однако брак оказался коротким.

– Если ты говоришь о последней леди Грейвсдаун, то она жива, – сказала Роуз. На холоде ее дыхание собиралось в облачка пара. – Она сбежала. В наши дни такое случается все чаще, ничего нового. Она познакомилась с тем, кто понравился ей больше, вот и все.

– Ну нет, далеко не все, – отозвалась Эмили. – И когда я была здесь, то нашла доказательство. Хотите посмотреть?

– Я хочу, – сказал Джон.

Он игриво пожал мне руку, и я наклонилась к нему. От него пахло лосьоном после бритья и мятой – а значит, этим вечером он хотел подобраться ко мне поближе. Я пожала его руку в ответ и улыбнулась в темноте. Он помог мне перелезть через упавшее бревно, а Уолт впереди придержал ветки перед Эмили. Отпуская их, он выбрал идеальный момент, чтобы они шлепнули Роуз по лицу.

– Уолт! – вскрикнула я, но они уже прошли дальше.

Я остановилась, чтобы помочь Роуз смахнуть сосновые иголки с воротника, а Джон придержал ветки для нас обеих.

– Вот сволочь, – пробормотала она, поправляя прическу.

В другой день Роуз наорала бы на Уолта, но сегодня выглядела слишком уставшей. Мне было неловко перед ней, потому что мы с Эмили отхватили единственных интересных парней в Касл-Нолле. Джон наклонился и поцеловал меня чуть ниже уха, и я обрадовалась, что не вижу лица Роуз в темноте. Хотя все равно чувствовала, что она смотрит на нас.

Мы снова поравнялись с Эмили и Уолтом, и я решила, что, если проявлю интерес к истории Эмили, они перестанут донимать Роуз.

– Вся деревня знает, что последняя леди Грейвсдаун, жена Резерфорда, бросила мужа, – сказала я. – У тебя есть доказательства, что это не так?

Джон воодушевился игрой в детектива.

– Вся деревня знает, но никто не слышал этого от Резерфорда, – сказал он. – Он не общается ни с кем в Касл-Нолле, он ведь из тех богачеев, которые живут в загородном поместье, но на вечеринки ездят в Лондон.

– Ты прав, – тихо откликнулась Роуз. – У него даже есть шикарный дом в Челси.

– Откуда ты знаешь? – набросилась на нее Эмили.

– Арчи Фойл сказал, – ответила Роуз, расправив плечи и явно готовясь дать отпор, если Эмили осмелится в этом усомниться. Удивительное зрелище, прямо теннисный матч. – Арчи раньше жил на территории поместья, в фермерском доме.

– Ах да, я забыла, – ухмыльнулась Эмили. – Неудавшийся ухажер Роуз собирает все сплетни. Так он рассказал, что случилось с женой?

– Только, что она ушла, – равнодушно произнесла Роуз.

– Ну да, ушла. – Эмили сделала паузу для вящего эффекта. – Ушла в могилу.

Уолт хохотнул над ее неуклюжей шуткой и выбрал этот момент для того, чтобы ее облапать. Эмили тихонько застонала, когда он целовал ее в шею, а потом взяла у него пиво и сделала два больших глотка. Роуз прикурила сигарету, и на мгновение вспыхнул яркий оранжевый огонек зажигалки.

– Ее зарезали. – Эмили произнесла это таким серьезным тоном, что все замерли и сосредоточились. – Убили старинным ножом с рубином в рукоятке. Я его видела. Он спрятан в поместье. А тело убийца бросил в реку Димбер.

– Впечатляюще, Эм, – сказала я, качая головой.

Где-то слева в лесу громко хрустнула ветка, и я нервно хихикнула.

Джон взял у Роуз сигарету, и когда снова вспыхнула зажигалка, я закричала.

Вспышка высветила лицо в темноте. Лицо ребенка, мальчика. Он не сводил с нас глаз. Когда Джон щелкнул зажигалкой во второй раз и над ней заплесал огонек, лицо исчезло.

Уолт в тревоге нарезал круги, разыскивая мальчика. Роуз подошла ближе и в страхе схватила меня за руку. Но Эмили отреагировала странно, как и Джон. Тогда-то мне и следовало догадаться, но по моим венам растекался адреналин, и только позже, оглядываясь назад, я сложила все фрагменты. Когда уже все стало ясно.

Эмили ничуть не удивилась. А на лице Джона отразилась злость.

– Где ты, мелкий пакостник? – выкрикнула Эмили. – Выходи сюда, выходи, где бы ни прятался!

Джон выпустил мою руку и направился туда, где несколько секунд назад мы видели лицо. Он углубился в лес, и в темноте снова захрустели ветки.

– Ой, отпустите! – заверещал кто-то.

Из-за деревьев появился Джон, таща за собой мальчишку не старше десяти лет. Джон грубо схватил его за руку, и это выглядело странно, потому что теперь я узнала мальчика. Все мы узнали. А Саксона Грейвсдауна нельзя волочить как бездомную кошку. Хотя в деревне мало что было известно о его дяде, все знали, что семья богатая и титулованная. А значит, очень влиятельная, вне зависимости от того, знаком ты с кем-нибудь из них или нет.

– Джон, что ты делаешь? – сказала я. – Отпусти его.

Саксон заметил меня и оценивающе посмотрел. Его взгляд метался между Джоном и Эмили, а бледное лицо исказила гримаса – как будто от предвкушения. Джон выпустил его, снова подошел ко мне и обнял за плечи, словно оберегая.

Саксон отряхнул рукав в том месте, где его держал Джон, словно избавляясь от грязи.

– Омерзительный мелкий проныра, – прошипела Эмили, так чтобы Саксон точно услышал.

Саксон засопел, но его лицо расплылось в ухмылке.

– Я здесь живу и делаю что хочу. Это вы сюда вторглись. Может, рассказать об этом дяде? – Он шагнул к нам с Джоном. – Наверное, так и сделаю. Я знаю, как вас зовут. – Он посмотрел на Эмили, а потом на всех нас по очереди. – Я знаю все ваши имена.

– Нет, не знаешь, – возразила Роуз.

Саксон обошел Джона и встал прямо передо мной. Я пыталась понять, что он собой представляет, но никак не получалось. Он вел себя так странно. Как взрослый, заключенный в теле десятилетнего мальчика.

– Я тебя не боюсь, Саксон, – спокойно заявила я. – И мне плевать, если ты скажешь дяде, что мы проникли на его землю. Так уж нам захотелось, и ты ничего с этим не сможешь поделать.

– Вот это мне уже нравится, – произнес ровный баритон.

Из леса, как актер, появляющийся из-за кулис в нужный момент, вышел Резерфорд Грейвсдаун.

Глава 7

Мистер Гордон судорожно мечется вокруг стола, но, когда он опускается на колени перед тетей Фрэнсис, все остальные отшатываются. Она обмякла, как марионетка с перерезанными веревками, ее глаза открыты и смотрят прямо на меня. Глотаю воздух, пытаюсь подавить захлестывающую меня панику. Я чувствую, как вокруг кто-то двигается, но перед глазами все плывет. Словно все в этой комнате не в фокусе, кроме лежащей передо мной безжизненной фигуры.

Я замечаю, что, не считая крови на ладони... на обеих ладонях, других ран вроде бы нет. Но ее руки в ужасном состоянии. Они не просто порезаны, а иссечены. Кровавые точки испещряют ладони как зловещие созвездия.

Я пытаюсь замедлить лихорадочное дыхание. И перевожу взгляд от тела Фрэнсис к беспорядку на полу. Рядом с ее руками валяется несколько длинных стеблей белых роз. Наверное, она подрезала их, когда упала. Я представляю, как Фрэнсис в жуткой судороге сжала пальцы с такой силой, что шипы вонзились в ладони, и у меня сводит горло.

Я не люблю кровь. И под этим я подразумеваю, что падаю в обморок при виде крови, иголок, любых ран и часто даже просто в больничной атмосфере.

А это явно не мелкие царапины. Я начинаю пятиться к сиденью у окна, меня тошнит и кружится голова.

– О господи, – охает Эльва. – Кто-то и правда это сделал. Кто-то убил ее. После стольких лет она оказалась права насчет своей судьбы.

У нее вырывается смешок, а потом она в ужасе прикрывает рот. Я замечаю, как увлажняются ее глаза, а руки немного трясутся.

Мистер Гордон нагибается и осторожно пытается нащупать у Фрэнсис пульс, трясет ее за плечи, но все это лишь тщетные старания перед лицом неизбежного. Потому что всем очевидно: тете Фрэнсис уже ничем не помочь.

Шею щекочет пот, я сажусь на подоконник и тянусь к ручке, чтобы открыть окно. Воздух. Мне нужен воздух.

Эльва берет себя в руки и хладнокровно набирает номер на телефоне. Оливер отворачивается и принимается расхаживать взад-вперед, держа руки на бедрах. Он тяжело дышит, погруженный в свои мысли, и вряд ли услышит, даже если я его окликну.

Мистер Гордон поднимает голову и смотрит на меня округлившимися, как у ребенка, глазами.

– Я... – бормочет он и умолкает.

– Она мертва, да? – спрашиваю я хриплым шепотом.

Эльва встает передо мной, и я пользуюсь этим, чтобы закрыть глаза и сделать несколько глубоких вдохов. Она обращается к мистеру Гордону, как будто больше здесь никого нет:

– Я вызвала «Скорую». Она приедет минут через пятнадцать.

– Вы вызвали полицию? – спрашиваю я, по-прежнему пытаюсь восстановить дыхание.

Мои ладони начинают потеть, я вспоминаю кровавые точки на руках тети Фрэнсис и... Что надо делать, когда случается приступ паники? Считать все синие предметы вокруг? Или найти пять предметов, чей запах я чувствую? Этого я точно не хочу, потому что могу думать только о медной вони крови. Хотя это нелепо, потому что сейчас я чувствую только аромат роз, смешанный с запахами других цветов в комнате. Сосредотачиваюсь на нем, чтобы только не смотреть на тело.

– Нет, я только попросила прислать «Скорую», – отвечает Эльва.

Ее голос больше не дрожит, но в нем присутствует какая-то смутная напряженность.

– Почему? – выдыхаю я и по-прежнему смотрю на цветы, пытаюсь успокоиться, это и правда помогает. Я замечаю в букете из белоснежных и персиковых роз желтые и оранжевые ранункулюсы. Делая глубокий вдох, снова поворачиваюсь к Эльве. – Разве не вы только что сказали, что ее убили?

Эльва смотрит на меня с жалостью, как на маленького ребенка.

– Это все потрясение, я перенервничала. Скорее всего, у нее был сердечный приступ или что-то в этом роде. А кровь идет из-за того, что она в судорогах сжала розы, прежде чем упала.

– Это уж точно решать полиции, – говорю я, прищурившись.

Если б я писала роман, то сочла бы нежелание Эльвы вызывать полицию подозрительным.

– Не знаю, как все остальные, но я не собираюсь стоять тут над трупом, – заявляет она, как будто не слышала меня, и пристально смотрит на мистера Гордона. – Если я понадобится, то буду в соседней комнате.

Она идет к небольшой дверце в углу библиотеки, спрятанной за кованой лестницей, ведущей к верхней галерее, так что поначалу я и не заметила эту дверь.

Оливер вскидывает голову и, не произнеся ни единого слова, следует за ней. Я смотрю на мистера Гордона, не зная, как поступить.

– Мы должны... остаться с ней? – спрашиваю я.

У меня по-прежнему слегка кружится голова, а голос дрожит.

Мистер Гордон встает, опираясь ладонями о колени – ему явно тяжело так долго сидеть на корточках. Он печально качает головой.

– Думаю, в этом нет нужды, Фрэнсис мы уже не поможем. Но я предпочитаю держать Эльву в поле зрения.

Я уже открываю рот, чтобы спросить, о чем он, но не успеваю – мистер Гордон тоже выходит за дверь. Я ничего не могу с собой поделать и снова смотрю на тетю Фрэнсис, лежащую на полу рядом с рассыпанными розами. Половина слегка увядшего букета еще валяется на столе, а в центре стоит ваза.

Я смотрю на тело и понимаю, что Эльва права. Мне тоже не нравится находиться рядом с трупом. Я встаю и спешу выйти через маленькую дверь в углу библиотеки. Оказывается, дверь ведет в комнату, посвященную главному пунктику тети Фрэнсис – предсказанию убийства.

Воздух в маленькой комнате такой спертый, что создает гнетущую атмосферу, как будто в него завернуты все теории, которые годами собирала тетя Фрэнсис, вместе с ее паранойей. Здесь нет окон, но кто-то включил свет, разогнав сумрак. Слабые люминесцентные лампы мерцают и жужжат, поэтому, заметив несколько свечей и коробку длинных спичек, я поджигаю фитиль. Но это только усугубляет атмосферу – все вокруг пропитано грустью.

Когда я наконец всматриваюсь в стену напротив, это чувство лишь усиливается.

Я слегка присвистываю, потому что тетя Фрэнсис даже нарисовала схему, посвященную собственному убийству. От пола до потолка, с именем и фотографией тети Фрэнсис по центру. К старым

приколотым к стене фотографиям тянутся разноцветные линии, а почти все пространство между ними заполнено вырезками из газет и записками на стикерах.

– М-да, это зашло слишком далеко, – бормочет Эльва, глядя на доску.

Ее ангельское лицо вдруг презрительно сморщивается, она протягивает руку и срывает со стены один листок. Читает его, фыркает и комкает. Мне так неприятно на это смотреть, что я прижимаю ладони к векам, пока в глазах не начинают мелькать звезды.

Я люблю разгадывать убийства. Но стоя в этой комнате после того, как мы нашли труп тети Фрэнсис, и понимая, насколько она была одержима собственным убийством... Я вдруг в полной мере осознаю, что это не роман, а убийство – не просто загадка. Это эгоистичное, окончательное и серьезное деяние.

– Как ты, Энни?

Оливер берет меня под руку и выводит из ступора. Мистер Гордон бросает на меня взгляд и возвращается к доске.

– Нормально, – отвечаю я, но мой голос дрожит. – Просто мне совсем не хочется здесь находиться. Но и уходить я не хочу. Мы можем еще что-то сделать?

– Мы все должны остаться, – говорит мистер Гордон. – Можем пойти на кухню, так будет лучше.

– Я остаюсь здесь, – объявляет Эльва и срывает еще один листок со стены. – Тут понаписана куча лжи, и я собираюсь с этим разобраться.

– Не трогайте! – рявкаю я с неожиданной силой.

В голове немного прояснилось, и меня раздражает то, как Эльва обращается со схемой. Я опускаю взгляд на пол, к запискам, которые скомкала и выбросила Эльва, но там их нет. Я откашливаюсь и смотрю на нее с прищуром.

– А вдруг ее и правда убили? Вдруг на этой стене улики?

Эльва колеблется, но все-таки срывает со стены еще одну бумажку.

– Посмотри на это с другой стороны, Эльва, – ровным тоном произносит Оливер. – Разделяваясь с заметками Фрэнсис, ты выглядишь виновной.

Эльва скрещивает руки на груди и с вызовом смотрит на нас.

– Ну ладно. Но я все равно остаюсь при своем мнении. Кстати, о тебе здесь тоже кое-что есть, – фыркает она, окидывая мистера Гордона долгим взглядом.

Мистер Гордон выглядит скорее заинтригованным, чем обеспокоенным, и пристально смотрит на доску. Оливер указывает на другую стену, где на схеме поменьше тоже висят фотографии с записками.

– Это же ты в подростковом возрасте, – указывает он мистеру Гордону. – Я узнаю эту фотографию где угодно.

Я уже внимательнее рассматриваю остальную часть комнаты и подхожу к Оливеру. На полках теснятся книги – похоже, тетя Фрэнсис собирала все, касающееся убийств. Рядом с энциклопедией растений – учебники по химии и документальные книги об убийствах. А еще о психологии, тайнах, ядах и оружии, но без какого-либо очевидного порядка.

Под торшером в стиле Тиффани стоит потрепанное кожаное кресло, но развернуто оно не к книгам, а к маленькому коллажу из фотографий, цветных линий, газетных вырезок, записок и полицейских отчетов. И в центре этого организованного хаоса – старая фотография девушки со светло-русыми волосами, ее имя тщательно выведено на клочке бумаги внизу:

«Эмили Спарроу, в последний раз видели живой 21 августа 1966 года».

Еще одна схема с расследованием убийства.

Оливер снимает со стены фотографию, о которой говорил, и вручает ее мне. Она подписана внизу: «Уолт Гордон, октябрь 1965». На фото худощавый и улыбчивый мужчина с длинными каштановыми волосами, как у музыкантов из «Битлз», одетый в сомнительного вида облегающий свитер с высоким воротом. Я невольно улыбаюсь.

Мистер Гордон подходит ближе и бросает взгляд на фотографию, но тут же смотрит на часы, словно отсчитывает время до приезда «Скорой», однако ясно, что он готов смотреть куда угодно, лишь бы не на стены.

Эльва дергает ящики в шкафах, но все они заперты. У меня внутри вспыхивает искорка удовлетворения: хорошо, что тайны тети

Фрэнсис закрыты для Эльвы.

– Кто такая Эмили Спарроу? – спрашиваю я мистера Гордона.

Он отвечает не сразу, а Эльва поворачивается, скривившись от отвращения. Оливер пытается показать интерес, но продолжает копаться в телефоне.

– Она была подругой Фрэнсис. – Он откашливается и продолжает: – И моей. Она пропала, когда нам было по семнадцать лет.

Прямо под фотографией Эмили висит другая, еще более потрепанная. Три девушки стоят обнявшись, и в левой я узнаю блондинку Эмили. Ее узкая фигурка и светлые волосы контрастируют с юной Фрэнсис, стоящей рядом. Фрэнсис выглядит сногшибательно – распущенные волосы цвета осенних листьев волнами ниспадают до пояса, образуя вокруг лица сияющий золотой ореол. Ее лицо усеяно светлыми веснушками, а высокие скулы придают вид королевы. Большинство подростков угловатые и неуклюжие, но к этой троице судьба благоволила. Судя по фотографии, они были самыми популярными в школе, их замечали везде, куда бы они ни пошли.

С другой стороны Фрэнсис обнимает девушка, которую я не знаю, с резкими чертами лица и темными волосами до плеч. Из-за отлично подобранного наряда она скорее похожа на секретаршу 1960-х, чем на подростка, хотя выглядит не старше двух других девушек. Подпись гласит: «Эмили Спарроу, Фрэнсис Адамс, Роуз Форрестер, 1965».

А ниже – тот же круглый почерк, что и на записках, покрывающих стену.

«Я вижу в твоём будущем скелет. Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твоё медленное увядание. Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст. И с этого момента едва ли повернешь назад. Но дочери – ключ к правосудию, найди одну нужную и не отпускай от себя. Все указывает на то, что тебя убьют».

– Знаменитое предсказание, – выдыхаю я. – Интересно, почему она была так убеждена, что оно сбудется?

Я поднимаю палец, обвожу написанные на стене слова, и тут замечаю пометки от руки рядом с некоторыми фразами.

– Она ставила галочки, – говорю я. – Как в списке дел.

Оливер скрещивает руки на груди и смотрит на стену.

– Может, она считала, что это сбылось?

– Она отметила «Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твое медленное увядание» и «Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст». А фразы о дочерях и убийстве не помечены. Но вот здесь... «Я вижу в твоём будущем скелет» тоже стоит галочка. Причем, похоже, ее сделали не так давно, след от маркера яркий, а остальные выцвели. Как будто она совсем недавно убедилась, что это сбылось. О каком скелете может идти речь?

Мой мозг тут же начинает разгадывать предсказание. Что за королева в ладони? В голову сразу же приходит монета с профилем королевы. Но уж слишком это просто.

Кажется, в библиотеке я видела шахматы, но зачем они тете Фрэнсис, если она была такой мнительной относительно своей судьбы? На ее месте я бы держалась подальше от любых королев размером меньше ладони.

«Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст». Мой взгляд падает на подпись к фотографии. Фамилия Эмили – Спарроу, явная связь с птицей. Интересно, что за предательство? Только узнать это невозможно, не спросив тетю Фрэнсис. Я смотрю на мистера Гордона, стоящего у маленькой схемы с расследованием. Он осторожно касается пальцем фотографии Эмили.

Пусть я и не смогу расспросить о предательстве тетю Фрэнсис, но, может, мистер Гордон в курсе? Хотя подробности роли не играют. С моей точки зрения, важно только то, почему она считала, что предсказание сбывается, и самым последним сбылось предсказание про скелет.

А еще важно, умерла тетя Фрэнсис по естественным причинам или ее убили.

Мои мысли резко прерывает слабое «Ау» – в доме есть кто-то еще.

– Мы здесь! – откликается Эльва.

Мы нехотя перебираемся обратно в библиотеку, и одновременно через другую дверь входят два медика «Скорой». Женщина лет шестидесяти с отросшими светлыми корнями волос под темно-фиолетовой краской и высокий мужчина примерно маминого возраста. Хотя, возможно, немного моложе, где-то под пятьдесят. Он худощав, с

темными вьющимися волосами без признаков седины, его лицо обветрено, как будто он много времени проводит на свежем воздухе.

– Магда, Джо, спасибо, что приехали. Тут Фрэнсис... – говорит мистер Гордон и ведет их к телу.

Когда я вижу тело тети Фрэнсис во второй раз, то уже не выдерживаю, земля уходит из-под ног. Я точно грохнусь в обморок, если немедленно не выйду на воздух.

Джо щупает ей пульс.

– Да, боюсь, она умерла, – мягко произносит он. – Полицию вы тоже вызвали?

Мистер Гордон хмурится и качает головой:

– Звонила Эльва, и мы не сразу поняли, что она вызвала только «Скорую». И в сложившейся ситуации ее объяснение звучало разумно – не видно ничего криминального, не считая рук, очевидно пострадавших от шипов роз. Неужели мы ошиблись? – Мистер Гордон выглядит потрясенным. – Здесь и правда есть чем заняться полиции?

– Теперь, когда мы убедились, что она мертва, придется вызвать полицию, – отвечает Джо. – Так положено. Хотя, как по мне, причины выглядят естественными. Конечно, полную уверенность даст только вскрытие, и Саксон наверняка быстро с этим управится.

Я нервно сглатываю. Саксон? Племянник Фрэнсис – коронер? Я смутно припоминаю, как Эльва говорила про что-то связанное с аутопсией. У меня немеют пальцы. Мне нужен воздух.

Джо замечает, как я пытаюсь удержать равновесие, схватившись за оконную раму, берет меня под руку и выводит из дома. Я сажусь на каменные ступени перед большими дверьми, кладу голову на колени и медленно вдыхаю. Через минуту головокружение отступает.

– Я принесу вам воды, если нужно, – говорит он, садится рядом, положив руки на колени, и смотрит на яркую зелень лужаек.

Арчи Фойл больше не стрижет изгородь, его нигде не видно.

– Оставайтесь здесь. Если вам лучше, я загляну внутрь и помогу Магде.

Я киваю, и он уходит.

Минут через пятнадцать приезжают два полисмена в форме и в мгновение ока скрываются внутри Грейвсдаун-холла. Вскоре ко мне на ступенях присоединяются Оливер и мистер Гордон, хотя Эльва не торопится и выходит, только когда через парадную дверь вывозят

каталку, накрытую тканью. Мы все отворачиваемся, но Эльва следует за ней, словно это уже похоронная процессия.

– Вы уверены, что ее не убили? – все-таки спрашиваю я медиков, когда они проходят мимо.

– Не похоже на убийство, – отвечает Джо. – Вы знаете ее ближайших родственников, кого надо известить?

– Ну, очевидно, Саксона, – замечает Эльва.

– Серьезно, Эльва? – вставляет фельдшер с фиолетовыми волосами, Магда, прежде чем успевает ответить мистер Гордон. – Ведь вся деревня знает, что Фрэнсис уже много лет назад сделала наследницей свою племянницу Лору.

Женщины обмениваются ледяными взглядами, но затем Магда снова смотрит на мистера Гордона.

Тот откашливается.

– Магда, прежде чем ты попытаешься вызвать Лору, может быть, сообщишь новости ее дочери Энни?

– Я... э-э-э...

Мой голос скрежещет, как будто я не говорила целую вечность, хотя молчала совсем недолго.

Джо стоит у открытой дверцы «Скорой» и смотрит на меня, как будто видит впервые.

– Вы дочь Лоры? – спрашивает он. Пауза длится дольше, чем я ожидала. – Ну конечно! – он сам отвечает на свой вопрос. – Теперь-то я вижу, вылитая Лора. А волосы... Эти кудри говорят обо всем.

Он улыбается, но немного с грустью.

– Я часто это слышу.

– Рад знакомству. А я Джо Лерой. – Он подходит ко мне и протягивает руку, хотя рукопожатие у него слабоватое. Я гадаю, стоит ли повторить свое имя, раз он уже его знает. – Мы с Лорой были знакомы, много лет назад. – На мгновение он умолкает, но потом серьезно смотрит на меня и произносит: – Примите мои соболезнования.

Он садится за руль «Скорой», включает радио и что-то невнятно говорит.

– Мы все потрясены, – вставляет Магда. – А вам лучше поехать обратно в деревню и перекусить. Или просто отдохнуть в приятном

месте. Например, в гостинице, ее хозяйка – мама Джо, Роуз. Наверное, ей захочется с вами встретиться. Она близкая подруга Фрэнсис.

Я вспоминаю фотографию, где обнимаются все трое – тетя Фрэнсис, Эмили Спарроу и Роуз. А теперь в живых из трио осталась только Роуз.

Джо снова переводит внимание на нас, и на его лице мелькает тревога.

– Если поедете туда, пожалуйста, не говорите пока маме о Фрэнсис. Я сам должен ей сказать.

– Конечно.

Мистер Гордон брэнчит ключами в кармане брюк.

– Мне надо вернуться в офис, – тихо говорит он. – Энни, вы задержитесь в Касл-Нолле?

Я делаю глубокий вдох, наполненный сладостью сада. Эльва уже за рулем в своей машине, заводит двигатель, торопясь оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда. Оливер стоит чуть дальше, болтая по мобильному, и выглядит на удивление бодро, учитывая то, через что мы только что прошли.

– Да, – наконец отвечаю я, причем с уверенностью. Меня переполняет чувство, что мне есть чем здесь заняться, вне зависимости от вопросов наследования. Я представляю схему по расследованию убийства из кабинета тети Фрэнсис, и мне отчаянно хочется узнать, кем она была на самом деле и что питало ее одержимость. – Наверное, узнаю, есть ли номера в гостинице.

– Магда! – зовет Джо, заводя машину. – Нам пора.

– Ага, – откликается она, запрыгивает на пассажирское сиденье и кивает Джо. – Приятно познакомиться, Энни. И примите мои соболезнования.

На «Скорой» беззвучно мигают синие проблесковые маячки, и машина отъезжает по гравийной дорожке.

Не отрываясь от телефона, Оливер садится в машину, даже не соизволив спросить, подвезти ли меня в деревню. Во мне вскипает ярость, и я хочу узнать, что с ним такое. Что-то явно не так. И это что-то сейчас на другом конце линии. Мы с мистером Гордоном провожаем взглядом машину Эльвы, следующую за «Скорой», а за ней уезжает и Оливер.

– Вы не могли бы меня подвезти?

Мистер Гордон улыбается, и в уголках его глаз расползаются морщинки.

– Конечно. Только запру дом.

Мы оба молча смотрим на резные деревянные двери. Он шарит в карманах в поисках ключей, но ничего не находит.

– Я на минутку, Энни. Наверное, оставил их где-то в доме.

– Я помогу вам искать.

Не знаю почему, но мне не хочется оставаться здесь в одиночестве, глядя на изгороди Арчи Фойла. Теперь все поместье как будто таит в себе угрозу.

Мы снова идем в библиотеку по большой прихожей, по отдающимся эхом камням столовой. На большом столе в центре комнаты по-прежнему разбросаны цветы, но все остальное выглядит идеально – и не подумаешь, что всего несколько минут назад на полу лежала мертвая женщина.

Мистер Гордон ныряет в маленькую комнатку, а я окидываю библиотеку последним взглядом. На краю стола лежит небольшой блокнот в зеленой кожаной обложке, и, открыв его, я замечаю тот же паучий почерк, что и на стенах в соседней комнате. Глаза останавливаются на фразе: «Уолт Гордон ушел вперед с открытой бутылкой пива в одной руке, а другой время от времени обнимал Эмили за талию...»

Это дневник. Первая страница датирована десятым сентября 1966 года. На мгновение я задумываюсь, но потом решаю спрятать дневник в рюкзак. В сущности, это не кража. Я ведь наследница тети Фрэнсис. Но даже мельком просмотренные слова позволят мне узнать необходимый контекст.

Мое внимание снова притягивают остатки букета на столе. Наверное, тетя Фрэнсис надергала для него растений из ближайшей живой изгороди. Откровенно говоря, полевые цветы и кружевная сныть вместе с белыми розами на длинных стеблях выглядят довольно уродливо.

А другой букет, стоящий у окна, наоборот, как будто сошел со страниц журнала о деревенской жизни. Все растения прекрасно гармонируют, а цвета напоминают о закате в сосновом бору, идеальный баланс.

Я рассеянно тереблю лепесток, упавший с букета на столе. Кто-то собрал с пола белые розы с длинными стеблями и положил сюда, на разбросанные вокруг полевые цветы.

Букет почему-то притягивает взгляд, возможно, просто потому, что кажется неправильным. В вазе есть даже клевер и ярко-оранжевые дикие маки, светящиеся, как неоновые шарики. Половина букета заваливается на бок, особенно клевер, так беспорядочно сваленный в кучу, что тянет за собой все остальное. Все, кроме роз, которые вызывающе торчат вверх, их шипы сверкают в солнечных лучах из окна.

Вглядываюсь пристальнее, шипы на розах глядят на меня в ответ с таким ожесточением, и я наконец понимаю, что тут не так. Вижу ускользнувшее от внимания в первый раз.

Когда возвращается мистер Гордон, я слышу звон ключей, но не оборачиваюсь.

– С розами кое-что не так, – говорю я.

– В каком смысле?

Он тянется к одной розе, чтобы взять ее.

– Стойте!

Я наклоняюсь и хватаю его за руку, пока он не успел прикоснуться к цветку.

– Что такое?

– Эти розы... они... Эти шипы... – Говорю я каким-то чужим голосом. – Из шипов торчит что-то металлическое. Из всех шипов.

Мистер Гордон наклоняется и бормочет ругательства, сипло дыша. Теперь он смотрит на букет как на невесть откуда взявшиеся щупальца.

– Я... Да. Точно. Не понимаю, как такое может быть, но тут иголки.

Он проводит рукой по остаткам волос.

Я очень аккуратно беру одну розу. Поднеся ее к свету, я вижу, как тщательно вставлены в каждый шип тонкие металлические иглы, они торчат в идеальном порядке. Я нервно сглатываю. Теперь здесь определенно нужна полиция.

Глава 8

Детектив Роуэн Крейн сидит в дальнем углу тесного кабинета в полицейском участке Касл-Нолла, большими глотками пьет кофе и смотрит в окно. Мистер Гордон назвал его имя и объяснил, где искать, а потом поспешил обратно к себе в офис.

Ближе к вечеру в участке пустынно. Не считая ворчливой секретарши, здесь нет никого, кроме детектива. Поскольку меня он еще не заметил, я быстро рассматриваю его. Мужчина одет небрежно, в темные джинсы и футболку, поверх которой не совсем подходящий светло-коричневый блейзер. На вид ему лет тридцать, темная шевелюра выглядит неухоженной, зато борода аккуратно подстрижена. Это придает ему суровый вид, но в целом он производит впечатление человека, который по утрам делает только то, что позволит выйти из дома.

Он поворачивается, замечает меня и тут же окидывает ответным оценивающим взглядом. Из тех, что длятся всего секунду, но подмечают мельчайшие подробности, которые ты пытался скрыть. У детектива карие глаза с неожиданно густыми ресницами, и он быстро смещает фокус с моих растрепанных белокурых волос к чернильным пятнам на пальцах и полиэтиленовому пакету в руках, и наконец его взгляд останавливается на торчащих из пакета розах с иголками.

В его глазах не видно осуждения, но меня словно занесли в каталог улик, прежде чем я даже успела сказать, зачем пришла. У меня начинают зудеть ладони, и я рассеянно вытираю их о джинсы.

– Чем могу помочь? – спрашивает детектив.

У него зычный и властный голос, и мне он сразу нравится. Но я тут же спохватываюсь. Встречая кого-то подобного (что случается редко, ведь в наше время такая спокойная уверенность осталась лишь в классической литературе), следует соблюдать осторожность. Если по капризу генетики чей-то голос вселяет уверенность, это еще не значит, что надо ему поддаваться.

– Детектив Крейн? – спрашиваю я, хотя его имя написано на прямоугольной табличке, стоящей на столе.

– Да, это я.

Я перекладываю пакет в другую руку, и детектив снова переводит взгляд на мои ладони.

– Меня зовут Энни Адамс, и я пришла из-за смерти своей двоюродной бабушки. Я нашла кое-что странное, мне кажется, вам стоит взглянуть.

Стул перед его столом отодвигается как будто сам собой, и я не сразу понимаю, что детектив подтолкнул его ногой в мою сторону.

– Наверное, вам лучше начать с самого начала. Как зовут вашу двоюродную бабушку? И когда она умерла?

Я сбрасываю с плеч рюкзак и устраиваюсь на краешке неудобного пластикового стула.

– Мы нашли ее пару часов назад? – говорю я с вопросительной интонацией, потому что время словно идет по кругу. – Ее забрали на «Скорой», но приезжали и полицейские.

На секунду детектив погружается в размышления, а потом берет ручку и рассеянно постукивает ею по стопке бумаг перед собой.

– Сюда никто не звонил, – медленно произносит он. – Но, видимо, медики вызвали полицейских из Литтл-Димбера, если те были неподалеку.

Детектив снимает с ручки колпачок и что-то записывает, но по выражению его лица ничего не поймешь.

– Медики сказали, в ее смерти нет ничего подозрительного и... – Я останавливаюсь, пытаюсь сформулировать мысль получше, но ничего не выходит. – В общем, тетя Фрэнсис была уже немолода. Фрэнсис Адамс, моя двоюродная бабушка.

При упоминании тети Фрэнсис он роняет ручку.

– О господи! – восклицает Крейн, слегка откидываясь назад. – Примите мои соболезнования. Мне нравилась Фрэнсис, хотя она и названивала по пустякам. Она была интересной дамой.

– Вот именно, интересной, иначе не скажешь, – рывкает секретарша из-за своего стола у двери.

– Хватит, Саманта, – ровным тоном говорит детектив. – Фрэнсис только что умерла, и здесь ее внучатая племянница. Имейте уважение.

Саманта разворачивается на крутящемся офисном кресле и подвигает его чуть вперед, но не встает. Ее седые волосы завиты и уложены, и выглядит она не намного моложе тети Фрэнсис.

– Уважение? Такое, какое испытывала к нам Фрэнсис? Эта женщина зазря потратила больше времени и ресурсов полиции, чем детишки, устраивающие розыгрыши на Хеллоуин.

– Саманта!

В тоне Крейна звучит предупреждение, но Саманте явно все равно.

– Помните, однажды Фрэнсис позвонила, потому что ее якобы держат на прицеле? Но оказалось, что садовник подрезал дерево странной формы, и тень от него напоминала человека с винтовкой. Тень, Роуэн. А пока половина участка разбиралась с тенью в поместье Грейвсдаунов, в центре города угнали машину.

– Саманта...

Детектив Крейн морщится, но Саманта не понимает.

– Нет, я должна это сказать! Ее родственникам следует знать, во что обошлась деревне ее безумная мания! А вы должны быть на моей стороне, детектив Крейн, учитывая то, как она с вами обращалась.

– Тетя Фрэнсис плохо обращалась с детективом? – Я удивленно моргаю. – Казалось, если так боишься, что тебя убьют, лучше, чтобы полиция была на твоей стороне.

– У нее пунктик насчет фамилий, связанных с птицами, – рывкает Саманта. – Из-за этого она третировала всю семью Крейнов^[6].

– А, точно, – бормочу я, вспомнив предсказание: «Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст».

Детектив Крейн проводит рукой по подбородку и замирает, словно собирается высказать Саманте все, что думает. Но тут его лицо приобретает деловое выражение, и он отворачивается от нее.

Саманта пожимает плечами и катится на кресле обратно к столу.

– Можете рассказать, что произошло, а также имена всех присутствующих? Вы сказали «мы ее нашли».

Я в подробностях рассказываю о том, как провела утро. Теперь все это кажется книжной историей, и я могу отстраниться от событий, будто смотрю в окно, как другая Энни обнаруживает свою мертвую тетю на полу в шикарном поместье.

Дойдя до букета, я замолкаю и протягиваю пакет с розами детективу, не желая снова смотреть на иглы. Моя рука дрожит. На секунду я вспоминаю предсказание – слова об увядании, связанном с тем, что держишь в правой ладони. И тут до меня доходит.

– Вот черт! – шепчу я.

Я вроде бы не трогала розы. Точно не трогала. Я была очень осторожна.

Разве нет?

Но, посмотрев на свою ладонь, я вижу на ней и между двумя пальцами крохотные вздутия. Я определенно что-то трогала. Снова чертыхаюсь, на этот раз резче.

Детектив Крейн подается вперед, озабоченно хмурясь.

– Выглядит паршиво, – бормочет он так тихо, как будто разговаривает сам с собой.

Я спешу выпалить все остальное:

– В этих розах иголки! Перед смертью тетя сжимала эти цветы, у нее все руки были порезаны! Вот почему я здесь!

Детектив Крейн раздражающе спокойно достает из ящика стола хирургическую перчатку и натягивает ее прямо как врач. Он мягко берет меня за запястье, переворачивает мою ладонь и осматривает ее. Я как будто присутствую то ли на месте преступления, то ли в операционной. Другой рукой с помощью второй перчатки, зажатой между пальцами, он осторожно вытаскивает букет из сумки. Кладет цветы на стол и снова поворачивается к моей руке.

– Вы слышали, что я сказала? – повышаю я голос.

От скрипа колес на кресле Саманты мне хочется выбежать из участка. Мне кажется, она собирается обвинить меня в том, что я устроила сцену, как раньше устраивала моя безумная тетя. И от этого я еще решительнее настроена добиться, чтобы меня принимали всерьез.

– Тетя Фрэнсис мертва, – кричу я, – а когда ее нашли, она сжимала в руках розы, напшигованные иголками, и я тоже каким-то образом до них дотронулась! Почему вы не вызываете «Скорую»?

– Потому что узнал растение в букете и вашу сыпь, – ровным тоном сообщает Крейн.

– Да, все знают розы и сныть, – огрызаюсь я.

Детектив Крейн внимательно смотрит на меня, по-прежнему держа мое запястье указательным и большим пальцами. Он подносит мою ладонь к свету от настольной лампы.

– Это не сныть, – объявляет он, дергая подбородком в сторону беспорядочного нагромождения растений. – Эта трава раздражает кожу, каждое лето в Касл-Нолле приходит эта напасть. Мы в любом

случае покажем вас врачу, он пропишет какую-нибудь антигистаминовую мазь.

– И что же это за растение? – спрашиваю я.

Я еще не вполне успокоилась, но детектив говорит так уверенно, что мои плечи начинают расслабляться.

Он еще раз оценивающе смотрит на меня. Отмечает мою бледность и как дрожат мои ладони, лежащие на столе.

– Не важно, – рассеянно произносит Крейн.

– А для тети Фрэнсис было важно? – холодно спрашиваю я.

Я прекрасно вижу, когда от меня что-то скрывают, чтобы не напугать. Я раздражена, но цепляюсь за это чувство, оно помогает мыслить яснее.

Детектив молчит, просто выключает лампу и встает с кресла.

– Тетя Фрэнсис всю жизнь была убеждена, что кто-то хочет ее убить, и вдруг ее нашли мертвой, а вот это стояло на столе! – Слова так и сыплются из меня; я зла от того, что только что вручила детективу букет с иглами и какой-то травой, вызывающей на коже сыпь, а он не придает этому значения. – Так вы собираетесь исследовать букет?

Детектив Крейн выводит меня из участка, по пути к двери резко кивая Саманте.

– У вас что, вся семья состоит из сыщиков-любителей? – бормочет он. – Когда вы разговаривали с тетей в последний раз? – спрашивает Крейн, так и не ответив на мой вопрос.

Мне не хочется признаваться, что я никогда с ней не разговаривала.

– Я приехала из Лондона, чтобы встретиться с тетей Фрэнсис. Уолтер Гордон говорил с ней по телефону незадолго до того, как мы поехали к ней домой, вероятно, он был последним человеком, который с ней разговаривал.

Крейн снова молчит, только хмурится и кивает. Я стараюсь не смотреть на свои ладони, но не могу удержаться, и меня слегка качает.

Крейн берет меня под руку и ведет по извиляющимся переулкам Касл-Нолла. Дома из песчаника залиты золотистым закатным светом, но я слишком поглощена разговором, чтобы обращать на это внимание.

Хоть Крейн так и не рассказал мне, к какому растению я прикоснулась, я не чувствую себя беззащитной. Вообще-то совсем

наоборот. Он спокойно выслушивает мои теории и время от времени играет роль адвоката дьявола.

– Я видела букеты, которые составляла теть Фрэнсис. Они бесподобны. Как свадебные букеты от профессионального флориста.

– Ну она делала букеты для многих свадеб в Касл-Нолле. И каждую неделю для церкви, – добавляет Крейн.

– Да. Мистер Гордон упоминал об этом. Мы видели несколько букетов, подготовленных для отправки в церковь. Но букет с этими розами выглядел нелепо, как будто надерган из сорняков. Мне кажется, кто-то послал его тете Фрэнсис, зная, что ей захочется его распотрошить.

– Если только смерть не произошла в тот момент, когда она сама составляла букет, – рассеянно говорит детектив. – Вы предполагаете, что букет был для Фрэнсис. А если от нее? Если он предназначался кому-то другому?

– Вы правда думаете, что кто-то пошлет такой жуткий букет на свадьбу? Или в церковь?

– Не знаю, вдруг кто-то ее разозлил. Фрэнсис злопамятна.

Я делаю мысленную пометку, это важные сведения.

– Что она имела против церкви? – спрашиваю я.

– У нее определенно была какая-то история с викарием.

Крейн морщится, словно запоздало понял, что ему не следовало этого говорить.

– История? В смысле...

– Забудьте, что я это сказал, Энни. Мы почти у больницы.

– И эта история теперь обернулась ей боком, как думаете?

– Я же сказал, забудьте. Это было сто лет назад, – слишком пылко отвечает он, и приказной тон вызывает еще меньше желания подчиниться.

– Сто лет назад? Например, в 1965-м? Когда ей предсказали судьбу? – Шестеренки у меня в голове бешено крутятся. – Или месяц назад? Какой-нибудь спор о цветах был раздут до предела, а потом...

Я пытаюсь представить, каким образом спор тети Фрэнсис с викарием может иметь отношение к скелету и послужить причиной отметить фразу из предсказания, но ничего не выходит.

– Например, в 1965-м. Член моей семьи был знаком с Фрэнсис в то время, так что я знаю, о чем говорил, когда вежливо попросил вас

оставить эту тему. – Он на секунду умолкает и смотрит на меня так сурово, что я чуть отодвигаюсь. – И прежде чем у вас разыграется воображение, а вы из тех, кто любит воображать всякое, повторяю, оставьте в покое беднягу викария. Джон и без того натерпелся.

Любопытно. И если я собираюсь разгадать загадку этих цветов, теперь у меня есть новое имя. Джон.

Я отворачиваюсь и лишь тут замечаю, что мы подошли к неприметной двери бодрого зеленого цвета. Каменный дом, как и его соседи, выглядит таким древним, что наверняка был построен, еще когда существовал замок. Детектив Крейн стучит костяшками пальцев по двери, и даже это делает как профессионал. У двери висит табличка с именем: доктор Эси Овусу.

Дверь открывает женщина в белом халате.

– Эси, – извиняющимся тоном произносит детектив Крейн, – у тебя есть время на осмотр пациента без записи?

Доктор Овусу выглядит слегка раздраженной, но смотрит на меня с сочувствием – настоящие врачи это умеют, даже в самом плохом настроении.

– Да, конечно, – говорит она, приглашая меня войти. – Обычно я не принимаю пациентов по вторникам, это день для заполнения бумаг. Но времени у меня мало, внезапно потребовалось провести срочное вскрытие и все такое.

Она бросает на Крейна пристальный взгляд, и между ними проскакивает какая-то электрическая искра деревенской осведомленности. Мои глаза округляются. Зачем местному врачу делать срочное вскрытие? Ведь речь не о тете Фрэнсис? Не слишком ли быстро?

– Пожалуйста, Эси, – настаивает Крейн. – Мне не хочется вести ее в отделение скорой. По-быстрому, хорошо?

Теперь мои ладони пульсируют от боли, а сыпь расплзается дальше.

– Ладно, – соглашается женщина, открывая дверь пошире, и приглашает нас войти. – И зачем же вам неожиданно понадобился врач? – мягко, но настойчиво спрашивает доктор Овусу.

У меня вдруг пересыхает во рту. От флуоресцентного света в кабинете врача голова опять плывет, и боль в ладонях превращается в эхо нарастающей паники.

Когда Крейн вынимает букет, шуршание полиэтилена звучит как будто где-то далеко. Доктор Овусу тычет в него пальцем и тихо что-то говорит Крейну.

Тот зычным голосом произносит «болиголов», но у меня кружится голова. Я чувствую странную слабость, а кости словно плавятся, и чьи-то руки усаживают меня на стул.

Прежде чем все погружается в темноту, опять эхом раскатывается слово «болиголов».

Глава 9

Записки из Касл-Нолла, 21 сентября 1966 года

– Я мог бы спросить, что вы здесь делаете, – произнес Резерфорд, обводя взглядом каждого из нас. Он посмотрел на Эмили, которая до сих пор держала в руке пиво, на Роуз с сигаретой и на меня, с рукой Джона на плече, так, будто видел насквозь. – Но думаю, я уже знаю.

Его губы дернулись в улыбке, словно ему пришла в голову какая-то шутка.

Он оказался моложе, чем я ожидала, хотя, согласно городским сплетням, ему всего двадцать три. Он был широкоплечим и гораздо выше любого из нас. Я плохо видела его глаза, но, судя по грозному подбородку, в кулачном бою он мог бы выдержать на удивление много ударов, а после выйти победителем. Интересно, почему он до сих пор не женат? Богатым и привлекательным нетрудно найти пару. А в двадцать лет у него уже имелся титул, да еще и племянник на попечении. На его месте мне не хотелось бы оставаться в одиночестве.

Даже не потрудившись спрятать пиво, Эмили расправила плечи, но я знала, что это наигранная уверенность. Она многозначительно стрельнула в меня взглядом, а потом снова посмотрела на лорда Грейвсдауна. Посмотрела прямо в глаза, и клянусь, я видела, как она слегка покачала головой. Я чувствовала себя как на сцене, словно кто-то разыгрывает шутку со мной в главной роли.

Его взгляд надолго задержался на Эмили.

– И кто же вы?

Эмили удивленно фыркнула, но улыбнулась и шагнула вперед.

– Меня зовут Эмили, сэръ, а это Уолт. Это Роуз, Джон и его подруга.

Она указала на всех нас по очереди, и, к моему возмущению, только я не удостоилась ничего большего, чем «подруга Джона».

– Понятно. И что вы делаете в моем поместье так поздно?

Эмили откашлялась. Все это выглядело как отлично подготовленный спектакль.

– Мы приносим извинения, но вы же знаете, как это бывает, правда? Никто в деревне не понимает наши безобидные развлечения.

На секунду она опустила взгляд, а потом посмотрела лорду Грейвсдауну прямо в глаза. Эмили еще на пару шагов отошла от Уолта и слегка наклонила голову, так что волосы упали на плечо, и она с нервным видом заправила прядь за ухо. Эмили уж точно не нервничала, но очень хорошо умела притворяться. Я догадывалась, что еще пара минут, и из нее польются фальшивые слезы вместе с обещаниями ходить в церковь.

Он прервал ее взмахом ладони. Эм сморщила лицо еще чуть-чуть, но публика явно потеряла интерес.

– Не уходите далеко от леса и развалин греческого храма в восточной части поместья и не оставляйте после себя мусора, – произнес лорд Грейвсдаун.

Уголок его губ слегка дернулся вверх, и я решила, что, может, между нами не настолько уж огромная пропасть. Может, до того как на него свалилась такая ответственность, он приезжал сюда с друзьями и устраивал вечеринки? В противном случае я не видела причин, почему лорд Грейвсдаун просто нас не выпроводил. Возможно, мы олицетворяем для него прошлое, которого уже не вернуть.

– Держитесь подальше от сада и лужаек у дома и ни в коем случае не приближайтесь к заброшенному фермерскому дому. Там сломалось водяное колесо, и это очень опасно. Я не хочу вытаскивать из реки Димбер трупы. – Он повернулся и окинул меня долгим взглядом, и я почувствовала, как Джон напряг плечи. – Саксон любит шататься по округе. – Лорд Грейвсдаун сурово покосился на племянника. – Так что если снова его увидите, пожалуйста, приведите домой. А ты... Как тебя зовут?

Я откашлялась и пропущала:

– Фрэнсис.

– Фрэнсис, – повторил он и мягко улыбнулся.

Мне показалось, лорд Грейвсдаун оценил, что я не накричала на его племянника, когда тот нас напугал. Когда я вспомнила, что мы обсуждали жену Резерфорда всего за несколько секунд до того, как он появился из леса, к моим щекам прилила кровь, и лунного света было достаточно, чтобы мужчина заметил мой румянец.

Выражение его лица изменилось, а улыбка стала надменной – так улыбаются те, кто знает, сколько в их руках власти, и готовы ее использовать. Он поманил меня пальцем. Мне хотелось прильнуть к Джону поближе. Внезапно я ощутила себя в ловушке, но все-таки подошла к лорду Грейвсдауну.

– Фрэнсис, – сказал он уже тише. – Тебе нравятся головоломки?

Нелепый вопрос сбил меня с толку, и я возмущенно фыркнула. Он что, сфинкс, стоящий на страже перед рухнувшей колоннадой и испытывающий меня? Если здесь и были развалины, то они походили на древнегреческие храмы, воздвигнутые в саду аристократами, все до одного фальшивые. Весь этот разговор теперь казался ненастоящим. Мое сердце учащенно забилось, и я вдруг осмелела.

– Нет, – ответила я. – Я не люблю головоломки. Они хороши только в выдуманных историях, а люди используют их, чтобы выставить напоказ свою фальшивую сообразительность.

Он разразился смехом, запрокинув голову. А когда снова посмотрел на меня, в его глазах отразилось одобрение.

– А ты мне нравишься, – фыркнул Грейвсдаун.

Эмили засопела. Возможно, от раздражения, что ее игра не подействовала на лорда так же, как мой вызов, или просто от зависти, что я вдруг оказалась в центре внимания.

Повисла долгая пауза, и я поняла, что должна что-то сказать. Я не знала, сделал ли он мне комплимент или просто высказал свои мысли.

– Благодарю, мистер... э-э-э... сэр. И спасибо за то, что не выгнали нас и не разозлились, – поспешно добавила я.

Его улыбка стала шире, и в лунном свете блеснули ровные белые зубы.

– Прошу, зови меня просто Форд.

Лорд Грейвсдаун посмотрел на меня так пристально, что я на мгновение поверила в рассказ Эмили о ноже с рубином и реке Димбер. Это был всего лишь взгляд, но он как будто околдовал меня. Эмили втиснулась между нами, и лорд Грейвсдаун отвел взгляд.

– Не волнуйся, Форд, – с легкостью перешла она на «ты», как будто они были старыми друзьями. Я же все равно собиралась называть его «сэр». – Конечно, мы выглядим немного диковатыми, –

продолжила Эмили, сбросив маску нервозности с той же легкостью, с какой и надела ее, – но уверяю, ведем себя достойно.

Он не ответил, лишь задумчиво кивнул.

– Идем, Саксон, – наконец сказал лорд Грейвсдаун.

Проходя мимо Эмили, Саксон быстро прошептал:

– Будьте осторожны. Мы любим почудить.

Потом он ухмыльнулся и последовал за дядей в лес.

Никто из нас не двигался с места, казалось, целую вечность.

Наконец Эмили расхохоталась, прогнав возникший холод.

– Ну и семейка! – прыснула она.

Роуз прошла вперед по тропе, вертя головой влево и вправо, и наконец вернулась, немного успокоившись.

– Они и правда ушли? – спросил Уолт.

– Ушли, – подтвердила Роуз.

После встречи с Грейвсдаунами она стала больше напоминать себя прежнюю. Словно наше маленькое приключение ее разбудило.

Признаю, я тоже чувствовала себя бодрее. И спасение, и загадка, и свобода – все сошлось вместе.

Пока остальные шептались о том, что сейчас произошло, Джон подтянул лямку рюкзака и улыбнулся мне. Он снова взял меня за руку, и мы пошли дальше по тропинке среди деревьев, в противоположном направлении от того, в котором удалились Саксон и его дядя.

– И где же развалины этого древнегреческого храма, Эм? – спросила я.

Джон уверенно шел вперед, ведя меня за руку в темноте.

Эмили хихикнула.

– Сверни направо, Джон! – сказала она, но Джон уже и так шел туда.

Наконец мы добрались до поляны, и в лунном сиянии я поняла, почему именно здесь решили возвести загадочную постройку. Лес обступал поляну со всех сторон стеной берез и сосен, а над головой простерлось бескрайнее небо. Ночь была ясной, и я четко различила ковш Большой Медведицы.

– Хватит смотреть в небо, Фрэнсис, – поддразнил меня Уолт. – Давай лучше расслабимся.

Я услышала щелчок еще одной открываемой бутылки с пивом и увидела, как Эмили и Уолт устроились на упавшей колонне храма.

Вокруг раскинулись фальшивые руины – ландшафтный дизайнер тщательно уложил камни, придав этому месту атмосферу загадочности, хотя на самом деле это были просто скамейки.

– Чем займемся? – спросил Уолт, и я учуяла запах его самокрутки.

Эмили затаилась, прищурившись.

– Это очевидно. Мы с тобой будем курить, Роуз продолжит киснуть, а Джон с Фрэнсис уединятся, чтобы перепихнуться.

– Ох, ты такая обломщица, Эм! – рассмеялся Уолт, толкнув ее локтем.

Джон на секунду стиснул зубы, но отвечать не стал. Вполне в духе Эмили вот так все опозилить. Она вытащит на свет то, что лучше бы оставить невысказанным, и вытряхнет из этого душу, выставив все как шутку. Но я не могла позволить ей превратить мои отношения в фарс.

Я снова стиснула руку Джона и расправила плечи. А потом заявила с высокомерным видом:

– Уж не знаю, чем будете заниматься вы, но мы не станем зазря терять время с такими придурками.

Не самый остроумный ответ, но ничего лучшего в голову не пришло.

Однако Эмили напряглась, как будто я объявила ей войну. Она злобно ухмыльнулась.

– Не волнуйся, Фрэнсис, – мягко, почти успокаивающе приознесла Эмили. – Я понимаю, как тяжело остаться последней девственницей в компании. Но у Джона есть опыт в этих делах, так что ты в хороших руках.

– Не слушай ее, Фрэнни, – прошептал Джон. – Давай просто уйдем, ни к чему нам это все.

Я поцеловала его долгим, неторопливым поцелуем, только чтобы показать, что мне плевать на слова Эмили. И он увел меня по другой тропинке в темноту.

Минуту-другую мы шли молча, Джон впереди. Его рюкзак раздулся от одеяла и бутылки вина, которые он туда засунул. Я не рассказывала Эмили о наших планах, да и Джон вряд ли, но полагаю, наши намерения были очевидны. Естественно, мы не могли пойти домой, к родителям, и машины у нас не было. Всех сюда привез Уолт,

он оставил машину на дороге в миле отсюда, а дальше мы шли пешком и пробрались через дыру в заборе, которую нашла Эмили.

Мне наша затея представлялась романтической, но, пока мы переступали через поваленные ветки, подыскивая место без торчащих коряг и мокрых листьев, начало казаться, что это никогда не кончится. Я выругалась себе под нос. Именно это и пыталась внушить мне Эмили.

– Я начинаю ее ненавидеть, – сказал Джон, озвучив мои мысли.

– И я.

Больше об этом мы не говорили, но было приятно, что наши мысли совпадают.

Наконец мы нашли укромное местечко под огромной сосной, с мягким слоем хвои внизу и достаточно низкими ветвями, чтобы скрыться под ними. И как только мы забрались под сосну, мои стиснутые челюсти немного расслабились. Здесь было безопасно, и нас никто не увидит. Идеально.

Видимо, Джон чувствовал то же самое, потому что улыбнулся и поцеловал меня, а потом открыл рюкзак и расстелил одеяло. Он откупорил бутылку, уже полупустую, поскольку, как я подозревала, стащил ее из родительского буфета, и сделал большой глоток, прежде чем передать ее мне.

Я отхлебнула слишком много, и красное вино потекло по подбородку. Я засмеялась, а Джон вытер капли пальцем. Когда он снова поцеловал меня, то был уже совершенно серьезен, и наши движения стали более настойчивыми. Заметив, как уверенно руки Джона справляются с пуговицами на моей блузке, как быстро он растянул свой ремень, я старалась не думать о словах Эмили. Вся эта возня была из-за меня, и я снова возненавидела Эмили, когда почувствовала смущение, испугавшись, что не понравлюсь Джону, из-за волнения покажусь незрелой, и ни один из нас не получит удовольствия.

И еще ненавидела ее за то, что она заставила меня думать об этом под другим углом – как о финишной черте, а не медленном наслаждении, о котором я мечтала. Мне лишь хотелось перешагнуть через некий рубеж, покончив с этим.

Джон целовал меня в шею, опускаясь ниже, в растянутый вырез блузки, и я потихоньку начала расслабляться. Я смотрела на

покачивающиеся рядом сосновые ветви, вдыхала запах земли и решила, что Эмили не сможет это испортить. Я закрыла глаза и наконец-то ощутила удовольствие, глядя волосы Джона. Однако неожиданно ветви раздвинулись, пропустив полоску света.

– Черт! Джон, это опять тот мальчишка!

Я открыла глаза и, увидев прямо перед собой лицо Джона, поспешно запахла блузку, испытывая смесь злости, стыда, разочарования и желания.

Джон по-прежнему нависал надо мной, его ремень был расстегнут, но остальная одежда оставалась на нем. Я застегнула блузку, хотя все равно было очевидно, чем мы тут занимались. Саксон не шевелился, и это только нагоняло жуту. Почему он не убежал? Мальчик просто бесстрастно пялился на нас сквозь ветки, пока я надевала шерстяное пальто.

Когда Джон отвернулся и сердито застегнул ремень, я почувствовала под его привычным спокойствием настоящий кипящий котел ярости. Его плечи внезапно напряглись, он сжал зубы и встал так резко, что я испугалась, как бы он не сделал что-нибудь с Саксоном.

– Убирайся отсюда, Саксон! – рявкнула я полным тревоги и возмущения голосом.

Пусть он и выглядел жутковато, но все равно был просто мальчишкой.

Крик словно разрушил чары, и Саксон бросился бежать, но Джон погнался за ним. Я тут же поспешила следом, споткнулась об одеяло и, упав, разлила остатки вина.

Тут же быстро поднялась с исколотыми хвоей ладонями и внезапно услышала крик Саксона где-то в лесу.

Всего шагах в десяти от того места, где лежали мы с Джоном, лес резко заканчивался, уступая место лужайкам. Я не понимала, насколько близко мы находились к открытому пространству, и меня бросило в дрожь при мысли, что мы чуть не занялись сексом почти у всех на виду. В тот момент я возненавидела поместье Грейвсдаун. Извращенное, притягивающее место, которое я больше не хотела видеть. Я прижала руки к груди и натянула шерстяное пальто на шею, как будто пытаюсь исчезнуть. Вдруг я услышала плач Саксона и

поспешила дальше, пока не увидела его лежащим на траве и нависшего над ним Джона.

– Что ты с ним сделал? – выкрикнула я, подбежав к Джону.

Он повернулся, подняв руки.

– Ничего, Фрэнни, клянусь, я просто хотел шугануть его, и он споткнулся!

Я посмотрела на Саксона, прижавшего колени к груди, на его щеках в лунном свете блестели слезы. Одна штанина на коленке была порвана, и я увидела ссадину. Я протянула руку, чтобы помочь ему встать, и он схватился за нее. Я не особо ему сочувствовала, уж больно странным был мальчик, но, увидев его плачущим и с ободранной коленкой, вспомнила, что он всего лишь ребенок, который в таком возрасте должен заниматься чем-то более приятным. Например, обдирать колени, лазая летом по деревьям с друзьями, а не бродить по лесу в поместье своего загадочного дяди.

Я подумала, как тяжело, должно быть, так рано потерять родителей и дедушку в автокатастрофе. Надеюсь, он не слышал деревенских сплетен.

– Пошли, – сказала я Саксону. – Мы проводим тебя до дома.

Саксон засопел и схватил меня за руку.

– Я с ним не пойду, – заявил он, с прищуром посмотрев на Джона. – Он меня толкнул!

– Это вранье, ты и сам прекрасно знаешь! – выплюнул в ответ Джон.

Я верила Джону, но мне все равно не хотелось выступать в роли арбитра. Я устала, и под поверхностью бурлили готовые вот-вот выплеснуться в любом направлении чувства – из-за того, что нам с Джоном помешали, из-за мерзких слов Эмили и даже из-за загадочного поведения Роуз в последнее время.

Я вздохнула.

– Ладно, идем, – сказала я Саксону. – Джон, я встречу с тобой и остальными, после того как провожу Саксона домой.

Джон взял меня под руку и оттащил от Саксона.

– Нет, Фрэнсис, – прошептал он, наклонившись к самому уху, чтобы нас не подслушали. – Я видел, как на тебя смотрел лорд Грейвсдаун. Все это дурно пахнет. И мне это не нравится.

– Я просто отведу его, – прошептала я в ответ. – В дом заходить не буду.

Тревога Джона опять сменилась злостью.

– Тогда я пойду за тобой.

Я не узнавала Джона и на секунду задумалась, а не толкнул ли он Саксона на самом деле.

Во мне вскипел гнев, переливаясь через край из-за всех странных происшествий этого вечера. Я посмотрела на Джона, по-настоящему посмотрела, и тут поняла, что Грейвсдауны – не единственные люди, ведущие себя странно.

– Ты этого не сделаешь, – предупредила я, стараясь сохранять тон ровным.

– Фрэнсис, я...

Я прервала его сердитым взглядом.

– Да что на тебя нашло? Те слова Эмили...

– Не позволяй ей на тебя влиять! Ты же знаешь, какая она.

Он шагнул ближе и мягко взял меня за руку. Саксон наблюдал за нами из-под ближайшего дерева, слезы в его сверкающих глазах внезапно высохли. Теперь он выглядел как мальчишка, который швыряется камнями в голубей ради развлечения.

Я на секунду закрыла глаза и медленно выдохнула. Наверное, я слишком чувствительна, со мной такое постоянно случается. Да что там говорить – я ведь верю в предсказания судьбы. Джон прав. Эмили слишком легко меня завела, потому что я ей позволила.

– Прости, я слишком тебя оберегаю, – произнес Джон, – но я тревожусь при мысли о том, что ты останешься наедине с кем-нибудь из них, с дядей или с племянником.

Я быстро поцеловала его и сказала:

– Все будет хорошо. Просто... ты должен верить, что я способна о себе позаботиться. Покажи это, подождав с остальными, хорошо? Не знаю, что происходит с Саксоном, но я устала и хочу удостовериться, что он заперт дома.

Джон задумался, почесав затылок.

– Джон, – сказала я, когда он так и не посмотрел на меня, – ты мне не отец!

Он наконец кивнул.

– Встретимся у развалин храма, вместе с остальными.

– Спасибо.

Я подошла к тому месту, где стоял Саксон.

– Давай побыстрее, – сказала я ему. – Уже холодно, и, если честно, я хочу домой.

Целую минуту мы шли молча, а Саксон Грейвсдаун не из тех, с кем приятно помолчать. А еще я чувствовала себя виноватой за те мгновения, когда Джон нависал надо мной, и злость из-за того, что мальчишка подсматривал.

– Нельзя шпионить за людьми, – наконец произнесла я, когда мы с Саксоном пересекали лужайку. – И что бы ты ни увидел, дети не должны...

– Ой, да я знаю все про пестики и тычинки, – бросил он. – Но окажу вам услугу. Я знаю, что вы считаете меня мерзким типом, но ваш дружок еще хуже.

– Что-что? – прошипела я.

– Он наверняка сказал, что идти со мной в дом опасно. На самом деле он просто не хотел, чтобы вы со мной разговаривали.

– Это просто смешно, – буркнула я.

Мы уже приближались к особняку со стороны черного входа, и по обеим сторонам от двери ярко светились витражные окна.

Саксон передернул плечами.

– Думайте что хотите. Я лишь пытаюсь помочь. – Он взялся за дверную ручку и обернулся через плечо: – Идемте, дядя Форд хочет с вами поговорить.

Глава 10

Когда я прихожу в себя, Крейна уже нет и доктор Овусу вручает мне бумажный стаканчик с холодной водой.

– Ну вот, выглядите чуть получше, – говорит она.

У нее теплый голос с легким намеком на западно-африканский акцент. Ей слегка за сорок, и, оглядываясь вокруг, я замечаю, насколько безупречен ее кабинет, со всеми необходимыми элементами комфорта, чтобы придать этому месту индивидуальности. Журналы, похоже, свежие, а полка с подержанными книгами и надписью «одну берете, а другую ставите» может похвастаться неплохими изданиями. Под аквариумом с золотыми рыбками, поблескивающими медью в свете с потолка, стоит коробка с детскими игрушками. Я внимательно наблюдаю за пузырьками воздушного фильтра, и это помогает избавиться от внезапно навалившейся усталости.

– Простите, – ослабевшим голосом говорю я. – Я верно расслышала, детектив сказал «болиголов»?

– Вы поправитесь, – заверяет доктор Овусу. – Похоже, вы дотронулись до болиголова, он был в букете, который вы принесли Роуэну для расследования, как он и сказал. Но от прикосновении к болиголову возникает лишь сыпь, и ее легко вылечить.

Я медленно киваю с облегчением. Я чувствую себя опустошенной. Так всегда бывает после панических атак – я пребываю в полном изнеможении. Наверное, надо найти хорошего психотерапевта.

Доктор Овусу втирает в мои ладони какую-то мазь из тюбика.

– Гидрокортизоновая мазь, – поясняет она, когда я смотрю на свои руки, прикусив губу.

– Я думала, болиголов очень ядовит. Ну, знаете, Сократ и все такое^[7].

– Это если его съесть. Или если он попадет в кровь. Но с вами все будет хорошо, вы только прикоснулись к нему. Летом это случается на удивление часто. Болиголов не так уж распространен, но встречается в окрестностях. – После паузы доктор Овусу добавляет: – И примите мои соболезнования по поводу кончины вашей тети.

Она слегка похлопывает меня по руке.

– Спасибо, – говорю и чувствую себя почти самозванкой, ведь я никогда не встречалась с тетей Фрэнсис.

Я не заслуживаю морщин тревоги на лбу доктора Овусу. Но за время пребывания в Касл-Нолле я кое-что выяснила о своей тете – а именно, что она пришла бы в ярость от того, что ее убили. Да и кто бы не разозлился? Но она была одержима собственным убийством, считая его неизбежным, и, мысленно снова и снова возвращаясь к этой головоломке, я как будто отдаю тете Фрэнсис дань уважения.

– Болиголов смертелен, когда попадет в кровь, – бормочу я. – А если сами иглы не были отравлены, просто кто-то воткнул их туда, чтобы тетя Фрэнсис порезала руки и болиголов попал ей в кровь? Но... неужели она не могла отличить болиголов от сныти?

– Вообще-то, возможно, и не могла, – отвечает доктор Овусу. – Она лишь занималась аранжировкой цветов, а не выращивала их и не собирала. Насколько я понимаю, садовники постоянно доставляли ей свежесрезанные цветы, и вряд ли кто-нибудь мог допустить, чтобы в Грейвсдауне росли сорняки. Хоть сныть, хоть болиголов.

С минуту я молча размышляю. Доктор Овусу подозрительно много знает о том, как тетя Фрэнсис составляла букеты. Конечно, возможно, в таком маленьком городке об этом знают все. Но она настолько проницательна, словно читает мои мысли, и я даже не успеваю задать вопрос.

– Фрэнсис собирала букеты на похороны моего отца, – говорит доктор Овусу. – Она умела сопереживать, и разговор с ней о букетах на время отвлек меня от горя. – Женщина вздыхает. – Многие в деревне расскажут разные истории о странностях Фрэнсис, и... это другая ее сторона. У меня масса причин ее не любить, ведь она столько раз в панике вызывала меня по поводу очередной «попытки убийства».

– Я уже поняла, что это была одна из ее привычек. В полицейском участке женщина по имени Саманта много об этом говорила.

– Скажем так, Фрэнсис названивала всем, кто имеет отношение к преступлениям. Мне, полицейским, Магде и Джо из «Скорой»...

– Да, я с ними встречалась, когда...

Доктор Овусу кивает:

– Забавно, но благодаря Фрэнсис я сильно расширила свои знания о растительных и бытовых ядах. Не смотрите на меня так. – Она

застенчиво улыбается. – Понимаю, как это звучит, но Фрэнсис звонила мне, испугавшись, что проглотила какую-то отраву, которую ей кто-то подсунул. Я потратила кучу времени, проверяя по ее просьбе различные симптомы – отравление свинцом, отравление отбеливателем, удобрениями и пестицидами. Однажды она решила, что в старое вино кто-то подлил дезинфицирующее средство для рук, но оказалось, что все дело в пробке. А как-то раз Фрэнсис подумала, что кто-то насыпал в еду крошечные литиевые батарейки, и я чуть окончательно не потеряла терпение. Но мы проверили все симптомы, которые бывают, если проглотить такую батарейку, отвезли ее в больницу, сделали рентген и выяснили, что у нее просто сильная изжога. Наверное, от стресса.

– Представляю, как это раздражало, – замечаю я.

– Не то слово, но я никогда не отказываю пациенту из-за подобного поведения. А то происшествие в итоге спасло жизнь моей племяннице. На следующий день я была у сестры дома, и ее годовалой дочери вдруг стало плохо. Не было никаких причин подозревать, что она проглотила литиевую батарейку, причем в таком случае остается очень мало времени, чтобы предпринять необходимые меры. Это очень быстро приводит к смерти. Возможно, лишь оттого, что я еще не выкинула из головы тревоги Фрэнсис, или просто сработало чутье, но мы немедленно отвезли девочку в больницу и спасли ей жизнь, потому что я настояла на проверке, не проглотила ли она батарейку. И выяснилось, что проглотила. Я не суеверна, но в тот день у меня в мозгу что-то щелкнуло. Я поняла, как напугана Фрэнсис и как у нее мало друзей. Самое меньшее, что я могла сделать, так это по-прежнему верить ей, пусть все остальные жители деревни и перешептывались у нее за спиной.

– Ого! – охаю я, уже не чувствуя себя такой усталой. – Я рада, что с вашей племянницей все в порядке.

Доктор Овусу выпрямляется, словно ее мысли витали в комнате и пришло время их приструнить.

– Я вижу, вы встревожены из-за этих растений, – говорит она. – Но прошу вас, доверьтесь Роуэну и мне, мы с этим разберемся. Я обещала Фрэнсис, что после ее смерти сама проведу вскрытие, причем безотлагательно.

– Какое странное обещание, – медленно произношу я. – Но, судя по вашим словам, она вам доверяла, а доверяла она мало кому.

– Понимаю, звучит странно, – признает доктор. – Но... – она умолкает, не желая продолжать.

– Она как раз внесла значительные изменения в завещание, и вдруг произошло *это*. Мне кажется, что-то тут нечисто, – говорю я.

Мне хочется доверять доктору Овусу, в особенности теперь, когда я знаю, что ей доверяла тетя Фрэнсис. Хотя это только со слов доктора Овусу. И все же мне она кажется искренней.

– Что ж, могу только сказать, что Фрэнсис настаивала – ее тело не должно попасть к коронеру. Конфликт интересов, так она говорила. И надо признать, я с ней согласна.

– А коронер – это Саксон, верно?

– Да, – тихо подтверждает она, не глядя на меня.

Доктор Овусу заканчивает втирать мазь и садится обратно на стул. Потом берет бинт и пластырь и перевязывает мою ладонь, закрывая всю сыпь.

– И когда у вас будут результаты вскрытия?

– Обычно это занимает несколько дней, – отвечает она после долгой паузы. – Нужно провести анализы в лаборатории при больнице, у меня нет необходимого оборудования. Но если в лаборатории нет других дел, возможно, результаты будут готовы уже завтра. И, прежде чем вы спросите, нет, я не могу их обсуждать. Пока не составлю отчет. И если обнаружу что-то не то... – Она многозначительно смотрит на меня. – То сразу сообщу об этом детективу Крейну.

– А мне вы не можете тоже сообщить? Как ее ближайшей родственнице?

– Не уверена, что вы считаетесь ближайшей родственницей, Энни. Может, она еще не успела изменить завещание. Но я проверю. – Видя, как поникают мои плечи, она прикусывает нижнюю губу. – Однако могу сказать наверняка, что вскоре с вами свяжется Уолтер Гордон. Или с вашей матерью. Я не в курсе ваших семейных договоренностей.

Прежде чем я успеваю ответить, открывается дверь, и входит Магда из «Скорой».

– Привет. Доктор Овусу, у меня появились кое-какие вопросы после утреннего приема. Не возражаете, если мы их обсудим?

– Конечно, входите, – отвечает доктор. – Энни, у вас все будет хорошо. Если рука не пройдет через день или около того, приходите снова и продолжайте мазать ее по инструкции на тюбике.

Доктор Овусу кладет мазь в белый бумажный пакетик и отдает мне.

– Спасибо, – благодарю я. Магда машет мне рукой, и я снова поворачиваюсь к доктору. – Вы же вроде бы не принимаете пациентов по вторникам. Когда в вашу дверь постучался детектив Крейн, вы сказали, что по вторникам занимаетесь бумагами.

– Хм. – Она смотрит на Магду, а потом снова на меня. – Для других медиков я делаю исключение, – быстро говорит она с неожиданно напряженной улыбкой.

Больше я ничего не могу сказать, не влезая в чужие медицинские проблемы, поэтому направляюсь к двери. Доктор Овусу ведет Магду в смотровую, расположенную в дальней части помещения, и я слышу, как закрывается дверь и раздаются негромкие голоса, приглушенный смех, а затем снова болтовня.

На столе в маленькой приемной лежит открытая тетрадь с расписанием приема пациентов, и я не могу удержаться.

Сегодня доктор Овусу тоже принимала пациентов.

Магда значится в расписании дважды. В половине десятого утра и без четверти двенадцать. Одно это выглядит странно – ну кто назначает следующий прием так скоро? Еще удивительнее, что в одиннадцать сорок пять Магда только что привезла на «Скорой» тело тети Фрэнсис. Мы должны были встретиться с тетей Фрэнсис в половине одиннадцатого в офисе адвоката, а значит, ее тело нашли около одиннадцати. Магда могла успеть на прием к доктору Овусу, только если направилась сюда сразу же после того, как выгрузила тело.

Или ей велели привезти тело Фрэнсис сюда? Но тогда почему Магда записана на прием? В особенности учитывая, что больше в тетради почти никого нет?

Однако гораздо больше меня беспокоит другое. На девять сорок пять записана Фрэнсис Адамс.

Конечно, возможно, из-за поломки машины она не явилась на прием. Но также возможно, что машина сломалась после возвращения от врача, когда тетя Фрэнсис собиралась поехать в деревню во второй

раз, на встречу с нами. И когда же в такое насыщенное утро с ней успел встретиться Оливер? Что-то здесь не так.

Мне нравится доктор Овусу и хочется ей доверять. Но я вытаскиваю из кармана телефон и фотографирую страницу. А потом записываю в заметки на телефоне свои соображения относительно времени приема, включая вопросы, возникшие после разговора с доктором Овусу.

Потому что, насколько я знаю, с тетей Фрэнсис незадолго до ее смерти встречались четверо: Оливер, который приехал к ней ради каких-то дел, касающихся поместья, и это подтвердил Арчи Фойл; Арчи, который, по словам мистера Гордона, каждое утро приносил тете Фрэнсис свежие цветы для букетов; а еще Магда и доктор Овусу, если тетя Фрэнсис пришла на прием.

Даже если отбросить тот факт, что я слишком мало знаю об этих людях (как и о тете Фрэнсис), чтобы определить, была ли у кого-либо из них причина ее убить, мне приходит в голову кое-что важное относительно цветов.

Не имеет значения, виделся ли с ней убийца в день смерти. В этом и заключается гениальный ход с букетом с иголками и болиголовом. Цветы мог прислать человек, находящийся за много миль отсюда. Причем в любое время, и лишь через несколько часов или даже дней ее так возмутила несуразность букета, что она решила его переделать.

И происхождение цветов не отследить. Даже сама Фрэнсис могла не знать, откуда они взялись. Вот только...

– Она их не выкинула, – говорю я вслух. – Человек, составляющий прекрасные букеты, сохранил бы нечто столь уродливое лишь по одной причине: тот, кто подарил цветы, для нее много значил. И она не хотела, чтобы он заметил их отсутствие.

Значит, подарок не мог быть анонимным. Он от кого-то из Касл-Нолла, кого-то близкого. Того, кто хорошо знал тетю, судя по тому, что Фрэнсис вытаскивала утыканые иголками розы. Подобный план невозможно осуществить, не зная привычек тети Фрэнсис.

Я слышу, как поворачивается дверная ручка в смотровой, спешу к выходу и стараюсь закрыть дверь так, чтобы замок щелкнул одновременно с замком той двери. Не знаю, получилось ли у меня, поэтому я побыстрее скрываюсь в лабиринте улочек Касл-Нолла, и

когда наконец выхожу на главную улицу, из церкви доносится колокольный звон.

Глава 11

Записи из Касл-Нолла, 21 сентября 1966 года

Я топталась у двери и уже открыла рот, чтобы попрощаться с Саксоном, раз привела его домой. Но тут появилась экономка и так настойчиво пригласила меня войти, что я даже возразить не успела, как оказалась в доме. Ее присутствие немного меня успокоило – все-таки я пришла в этот странный особняк без приглашения. Внутри было тепло и горел яркий свет, поэтому я слегка расслабилась.

Пока я шла по коридорам огромного дома, мои шаги отдавались эхом. Все здесь было отполировано до блеска. Под сверкающей люстрой в большой столовой я слегка помедлила, но Саксон побежал дальше, забыв о поцарапанной коленке. Я поспешила за ним, чтобы не показалось, будто я глазею на убранство комнат.

Саксон привел меня в библиотеку, где в кожаном кресле сидел с книгой на коленях его дядя. Он закинул ногу на ногу и подпер подбородок кулаком, словно книга была чудовищно скучной, но ему все равно приходилось читать. Лорд Грейвсдаун выглядел совсем юным, и должна признаться, к этому я была не готова.

Увидев меня, мужчина приободрился, и это настолько отличалось от долгих, тревожащих взглядов, которые он бросал на меня ранее, что я задумалась – может, при первой встрече я понапрасну так трусила. Возможно, сыграли роль тени и то, что мы тайком проникли на его территорию, и на самом деле не стоило волноваться.

– Привет, Фрэнсис, – Грейвсдаун встал, чтобы меня поприветствовать, словно почетного гостя на коктейльной вечеринке. – Спасибо, что привела Саксона домой, я это ценю. Не хочешь присесть? Я прикажу подать чай.

Я растеряла все красноречие и не сумела придумать причину для отказа. Следовало просто сказать, что мне надо вернуться к друзьям, но он уже подозвал к себе экономку. Саксон устроился за столиком в углу и начал передвигать фигуры на шахматной доске, так что я хотя бы не осталась с лордом Грейвсдауном наедине. Гудящее пламя окрашивало все вокруг в оранжевый, отчего библиотека выглядела очень уютной.

– Спасибо, лорд Грейвсдаун, с удовольствием, – произнесла я, чтобы не показаться невежливой.

Он протянул руку, предлагая снять верхнюю одежду. Я сбросила пальто с плеч, и экономка тут же куда-то его унесла.

– Пожалуйста, зови меня Форд, – сказал он.

Меня проводили к креслу, стоящему напротив Саксона, а не рядом с его дядей.

– Вы играете? – спросил мальчик, не отрывая взгляда от фигур.

– Боюсь, что нет, – ответила я.

Форд вышел и через несколько секунд появился с маленьким деревянным стулом, который, видимо, принес из прихожей или кухни. Мне вдруг стало проще мысленно называть его по имени – он излучал полную беззаботность. Форд сел на стул боком между мной и Саксоном, лицом к столику. Так он выглядел обычным парнем, с которым я могла бы встретиться на танцах. Он мог быть Тедди Крейном, или Арчи Фойлом, или одним из случайных ухажеров Роуз, по-прежнему болтавшихся поблизости. Свет от камина подчеркивал его профиль, темные волосы, зачесанные назад на старомодный манер, как лет десять назад. Это должно было напомнить моего отца, но Форд совсем не походил на него. Он был чисто выбрит, и резкая линия подбородка смягчилась, когда он потер его, размышляя. Форд не отрывал взгляда от шахматной доски.

Когда мы вот так втроем собрались у шахматного стола, я чувствовала себя странно. Трудно даже описать, потому что меньше часа назад я ненавидела это огромное пугающее поместье и клялась, что никогда больше сюда не вернусь, а теперь меня словно выдернули из кошмарного сна и показали, насколько глупо бояться собственных фантазий. Теперь обстановка выглядела дружелюбной. Они были маленькой семьей и решили на мгновение включить и меня в свой круг.

Форд протянул руку и передвинул фигуру, вроде бы слона, но я не уверена, потому что не знала правил, а потом откинулся назад и стал наблюдать, как Саксон размышляет. Наконец Саксон тоже сделал ход и выжидающе посмотрел на дядю. По-прежнему глядя на доску, Форд тихо обратился ко мне:

– Это лишь мое мнение, но, по-моему, твои друзья недостаточно хороши для тебя.

Я открыла рот, чтобы ответить, но, пораженная его словами, не смогла ничего произнести. Я вспомнила его странные вопросы в лесу насчет того, люблю ли я головоломки, и решила, что он опять пытается сбить меня с толку. Поэтому ответила первое, что пришло в голову, вместо вежливой фразы, которую следует говорить, когда пьешь чай с владельцем поместья.

– Откуда тебе знать? – спросила я, не сводя глаз с доски. – Ты ведь едва со мной знаком. Я могу оказаться худшей из них.

Я быстро покосилась на Форда и заметила, что он пристально наблюдает за мной.

На лице лорда появилась широкая улыбка.

– Несомненно, – сказал Форд, снова посмотрел на доску и передвинул другую фигуру. – Но что-то мне подсказывает, что ты совсем не похожа на них.

Я решила не отвечать, но тут Форд наклонился ближе и прошептал:

– Теперь ты должна сказать, что я и с ними не знаком.

Во мне нарастал протест из-за уверенности Форда в том, что он успел хорошо меня узнать, хотя мне почему-то это нравилось.

– Может, в следующий визит ты заранее дашь мне сценарий. Тогда я выучу все свои реплики.

Я наконец посмотрела ему в глаза и мило улыбнулась.

Форд раскатисто рассмеялся и перестал напоминать деревенского парня. Оглядев библиотеку, я поняла, что он из совершенно другого мира. Его мир включал дорогие предметы искусства, купленные из-за мимолетной прихоти, и лондонские вечеринки. Редкие издания Шекспира и путешествия в такие места, о которых я могла лишь в книгах прочесть. Моя уверенность слегка дрогнула, ведь чем я могла заинтересовать такого человека?

И вдруг меня охватили противоречивые чувства, потому что мне очень хотелось его заинтересовать. Отчаянно хотелось.

Я сказала себе, что должна избавиться от этого глупого наваждения, а когда посмотрела на Саксона, выражение его лица помогло прочистить мне мозги. Мальчишка переводил ледяной взгляд с меня на своего дядю.

– Нам не нравятся ваши друзья, – произнес Саксон. – Они не нравились нам и раньше, когда здесь бывали.

– Не понимаю. Бывали здесь раньше? – медленно произнесла я. – Погоди-ка. Ты видел Эмили, когда она была здесь раньше?

Вопрос вылетел изо рта, прежде чем я поняла, что выдала Эмили, которая бродила по поместью. Но ни один из них все равно не отреагировал.

Когда Форд наконец посмотрел на меня, его лицо смягчилось. Это была не жалость, нет, но он смотрел на меня, как будто я сказала что-то милое и невинное. И вдруг я снова почувствовала себя совсем юной по сравнению с ним.

– Они приходят сюда уже несколько недель.

– Недель? – переспросила я, слегка запинаясь, и обвела взглядом библиотеку, словно могла найти ответ в какой-то из сотни книг на полках. Я заметила на серебряном подносе рядом с нами дымящиеся чашки с чаем. – Они вели себя так, будто никогда раньше здесь не были. В смысле, Эмили сказала, что была, но остальные... Зачем нужна такая дурацкая ложь?

Форд молчал, наблюдая, как я размышляю, но его глаза сверкали. Больше мне уже не хотелось производить на него впечатление – мне не нравилось, когда мной играют.

– А ты... – Я мысленно воспроизвела сцену в лесу, когда мы все «познакомились». – Почему ты притворился, будто их не знаешь? Зачем выделил меня и спрашивал о головоломках? Что это за игры?

Я начала злиться и с трудом держала себя в руках.

Форд не отреагировал на мою вспышку гнева, но и не сменил тему. Он неторопливо взял шахматную фигуру и покатал ее между большим и указательным пальцами.

– Я люблю хорошую игру, – в конце концов произнес он. – Я увидел возможность проучить твою подругу Эмили и воспользовался ей.

– Проучить? Но почему? И как?

Я мысленно перебирала все те случаи, когда мои друзья могли незаметно сюда пробраться, а в памяти всплывали оправдания, которые Эмили придумывала на протяжении последних недель. То она говорила, что ей нужно присмотреть за двоюродными сестрами, то утверждала, что Роуз приболела. Иногда Эмили говорила, что у Джона и Уолта снова проблемы с родителями и им не разрешают выходить на улицу после наступления темноты. Эмили всегда

находила отговорки, и я им верила. Неужели она врала? Но зачем? Почему они не брали меня с собой? Что я такого сделала?

Я собиралась быстро вернуться к друзьям, чтобы они не волновались, но, услышав о таком предательстве, решила здесь задержаться. Вообще-то я не бунтарка, но с тех пор как вошла в Грейвсдаун-холл, стала все более своевольной. Мне вдруг захотелось принять самостоятельные решения, без друзей. Пусть даже эти решения окажутся неверными.

Саксон передвинул фигуру на доске, и Форд пожал плечами.

– Может, они солгали, чтобы ты не чувствовала себя лишней, – равнодушно заявил он.

– Ты не ответил на мой вопрос про Эмили. Почему ты решил проучить именно ее?

Я не хотела быть пешкой в его игре с Эмили. Если она приходила сюда, можно не сомневаться насчет ее намерений относительно привлекательного миллионера. Вопрос заключался не в том, попробует ли она, а в том, получится ли у нее.

Форд, может, и казался равнодушным, но Саксон был полной его противоположностью. Он чуть ли не подпрыгивал, а вид у него был такой, словно он умирает от желания разболтать отличную сплетню. Еще одно странное подражание десятилетнего мальчишки взрослому человеку, и это выбивало меня из колеи.

– Ваша подруга Эмили несколько раз выводила дядю Форда из себя, – заявил Саксон. – Кажется, она надеется, что он ищет новую жену.

Он закатил глаза и фыркнул, наконец-то в соответствии со своим возрастом. Но когда дядя сердито покосился на него, резко замер.

У Саксона была странная манера говорить, но теперь, увидев его рядом с дядей, я наконец-то поняла причину этого. Если дядя – его единственная компания, да еще после трагедии с потерей родителей, то неудивительно, что Саксон разговаривал как миниатюрный взрослый.

– Они не такие уж плохие, – наконец произнесла я. На стороне друзей я почувствовала себя немного безопаснее, чем на стороне эксцентричного лорда, любителя игр. А исключить меня из игры – так типично для Эмили, но с ней я разберусь позже. И это также

объясняло, почему в последнее время Роуз сама не своя. Она же такая преданная подруга, и от подобных игр ей явно было не по себе. – Эмили и Уолт иногда делают гадости, – продолжила я. – И признаю, мы отдаляемся друг от друга. Но Роуз и Джон – прекрасные люди. Я знакома с ними всю жизнь.

– Уверен, они такие и есть, – скучающим тоном произнес Форд.

Конечно, глупо с моей стороны, но я разозлилась, что меня использовали, чтобы заставить Эмили приревновать, и чем дольше я здесь находилась, тем яснее понимала происходящее. Эмили и Форд стали бы прекрасной парой. Не знаю почему, но в последнее время Эмили видела во мне угрозу и все, что она делала – копировала меня и одалживала мою одежду, которую никогда не возвращала, – было не из лести. Это тоже была игра. В таком случае они с Фордом друг друга стоили. Только мне игры никогда не давались.

Мне пора было уходить, ведь Форд уже добился своей цели и донес до моих друзей что хотел, задержав меня здесь. Но при мысли о том, как неловко я буду чувствовать себя с Джоном и остальными... Может, я и не игрок, но стоило попробовать.

– Тогда расскажи мне о шахматах, – неожиданно сказала я и явно попала в точку.

Форд быстро переглянулся с Саксоном. Мальчик улыбнулся, смахнул фигуры и начал их расставлять по-новой.

– Вот, – Форд с дружелюбным смехом в глазах вручил мне шахматную фигуру. – Ты держишь королеву, то есть ферзя.

Я зажала фигуру в ладони и неспешно взяла с подноса чашку из тонкого фарфора. Чай был еще горячий.

Но когда я взглянула на фигуру в руке, по спине пробежал холодок. Я вспомнила слова гадалки: «Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твое медленное увядание». Но я не могла запаниковать прямо на глазах у Форда, не сводящего с меня взгляда.

В голове пронеслись мысли обо всех королевах, которых я в последнее время держала в ладони, как будто их вездесущность лишала предсказание силы. Королевы есть на всех монетах, и разве на прошлой неделе я не играла с братом в карты? Я точно держала в руках королеву. Все так, как сказала Эмили, купив цепочки с птичками: если превратить предсказание в нечто обыденное, оно покажется глупым.

Я глубоко вдохнула, взяв себя в руки. Но теперь, оглядываясь назад, понимаю, что именно в ту минуту все изменилось. Сбылась часть предсказания.

– Прежде чем мы перейдем к правилам и основным принципам, – продолжил Форд, – ты должна понять кое-что о шахматах. Многие считают их своего рода философией, и это близко к истине. Шахматы можно рассматривать как аллегорию жизни, но чаще их сравнивают с войной. Лично я думаю, что тем самым упускаются из виду самые тонкие аспекты игры, но об этом в другой раз. Хотя существует множество старых пословиц и фраз, сравнивающих шахматы с тем или иным элементом человеческого бытия, только одна, на мой взгляд, стоит выше всех, и я постоянно к ней возвращаюсь.

– И какая же? – спросила я, расслабляя плечи.

Он мягко забрал ферзя из моей руки. В ушах снова зазвенело предсказание, но на этот раз я почувствовала облегчение. Может, забрав ферзя, Форд спас меня. Я посмотрела на него, и у меня внутри что-то перевернулось. Он держал фигуру между нами, и мы оба смотрели на нее.

– Моя любимая шахматная поговорка очень проста: можно играть без плана, но, скорее всего, ты проиграешь.

Его улыбка стала шире, и он поставил фигуру на доску.

– У вас есть план, Фрэнсис? – спросил меня Саксон.

– Я и не знала, что мне нужен план.

У меня сложилось впечатление, что мы уже говорим не о шахматах.

– Ну что ж, – Форд закинул руки за спину. Он многозначительно посмотрел на меня и добавил: – Тогда тебе повезло, что наши пути пересеклись.

– А мне почему-то кажется, что это не имеет ничего общего с везением, – отозвалась я.

Он едва заметно дернул подбородком, как будто я заработала очко в игре.

Глава 12

Я уже собираюсь зарегистрироваться в гостинице «Касл-хаус», когда вбегает мистер Гордон. И хорошо, потому что я вспомнила, что забыла сумку с вещами в его кабинете.

– Ой, Энни, я так рад, что успел вас перехватить. – Он вытаскивает из нагрудного кармана помятый платок и снова вытирает лоб – похоже, у него такая привычка на нервной почве. – Фрэнсис попросила, чтобы до оглашения завещания, которое состоится завтра утром, вы остановились в Грейвсдаун-холле. На улице ждет такси, чтобы отвезти вас туда. Не возражаете?

– Я... – Откашлявшись, я следую за мистером Гордоном на главную улицу, к такси. – Конечно, звучит немного по-детски, но при мысли о том, чтобы остаться в одиночестве в большом доме, сразу после того как тетя Фрэнсис...

– Прекрасно вас понимаю, – отвечает мистер Гордон. – Но в последней воле Фрэнсис также упомянула Саксона и Оливера, и они тоже останутся в поместье. Думаю, Эльва уже там, она считает себя приложением к Саксону и... Ну вы сами с ней встречались. Просто не теряйте бдительности.

Он многозначительно смотрит на меня, и я киваю.

– Боюсь, мне придется задержаться здесь и кое-что доделать, – говорит он, сажая меня в такси. – Увидимся утром.

Я закидываю рюкзак на заднее сиденье, сажусь рядом, и такси трогается. Хотелось бы мне сказать, что я путешествую налегке только со всем необходимым, но рюкзак распирает от блокнотов, романов, открыток, многочисленных ручек, усталого ноутбука и нескольких непрочитанных книг о том, как написать роман.

Кожаная сумка с минимальным набором одежды и туалетными принадлежностями уже в машине. Я нашла эту сумку в подвале дома в Челси и только в такси заметила, что на ней выведены инициалы РЛГ. Как там звали мужа тети Фрэнсис? Если я та самая «дочь», мне следовало бы это знать. От осознания своей неуместности здесь у меня поникают плечи. Я не должна тут находиться, в сущности, я даже не член семьи, тетя Фрэнсис выбрала меня по каким-то причинам, смысл которых от меня ускользает.

Прежде чем все это обдумать, я звоню маме, мне хочется уцепиться хоть за что-то родное. Она отвечает после второго гудка, и тут я вспоминаю, что сегодня вечером ее выставка в «Тейт», не стоило беспокоить ее в такой важный день. Я удивлена, что она вообще ответила, но от этого на душе теплеет. Может, ей тоже необходимо услышать знакомый голос. Хотя, наверное, сейчас не время рассказывать ей о смерти тети Фрэнсис.

– Привет, Энни, – говорит она.

В ее голосе звучит наигранная легкость, которая появляется, когда она слишком старается куда-то встроиться, но не уверена в своих силах. У нас с мамой бывали взлеты и падения, но, услышав этот тон, я как никогда понимаю, насколько мы близки.

– Привет, мам. Прости, что беспокою, я только сейчас вспомнила, что сегодня открытие. Поздравляю! – Наигранная легкость закрадывается и в мой голос, как эхо маминой. – Как там все?

Слышу на заднем плане гул разговоров и звон бокалов с шампанским. Я представляю выставочный зал с тщательно подсвеченными стенами, чтобы в лучшем виде представить новые полотна в фирменном стиле Лоры Адамс: поначалу они кажутся хаотичными, но, если приглядеться, можно увидеть скрытые слои, прямо как у самой мамы. Ее главной темой всегда были разрушающиеся пространства городов, снова захваченные природой, и мама изображает это в весьма страстной манере.

– Все идет хорошо, – отвечает мама. – Здесь много знакомых критиков, и люди хвалят картины, многие уже куплены.

– Это же здорово, мам! – восклицаю я с искренним восторгом. Знаю, как многое значит для нее признание, тем более когда после успеха в девяностых у нее начался застой. И хотя она знала, что получит наследство от тети Фрэнсис, денег было всегда в обрез, потому что прибыль от продажи ранних картин испарилась вместе с моим отцом. – Не хочу тебя задерживать.

– Что ты, я рада услышать твой голос. Как у тебя дела? Тетя Фрэнсис все такая же чокнутая?

– Э-э-э...

Я замолкаю, пытаюсь найти способ, как не выдать новости про тетю Фрэнсис, но мама каким-то образом чует, что скрывается за моим молчанием.

– Энни, все в порядке?

– Не хотела тебе сейчас говорить. Я правда забыла, что сегодня у тебя выставка, – медленно произношу я.

Мама вздыхает, но не злится.

– Не бойся меня расстроить, Энни. Если у тебя плохие новости, выкладывай.

Я прикусываю губу и киваю, хотя мама меня и не видит.

– Тетя Фрэнсис умерла, мам. Мне очень жаль.

Повисает пауза.

– Мне приехать в Касл-Нолл?

Если мама и расстроена, то очень хорошо это скрывает. Она всегда это умела, и я знаю, что до конца вечера будет показывать всему миру лучшую сторону Лоры Адамс. Но я чувствую себя ужасно из-за того, что привела на открытие выставки призрак тети Фрэнсис.

– Пока нет, – отвечаю я. – Пожалуйста, не волнуйся, все под контролем. Если ты мне понадобишься, я дам знать.

При этих словах я мысленно вздрагиваю, потому что мы с мамой прекрасно знаем, что это неправда. Когда я нуждаюсь в маминой помощи, то всегда прошу кого-то другого или справляюсь сама. Она замечательная, но никогда не была моим спасательным кругом. Честная версия этого заявления звучала бы так: *«Если ты мне понадобишься, я позвоню Дженни»*.

– Ладно, – вздыхает мама. Снова возникает неловкая заминка. – Энни, можешь оказать мне услугу?

– Хм, конечно.

– Тетя Фрэнсис всегда вела подробные записи. Они в маленькой комнате рядом с библиотекой. Можешь привезти мне одну папку? Просто... очень важно, чтобы она не попала в чужие руки.

В голове бешено крутятся мысли и выплескиваются наружу.

– Я... Да, конечно. Какая из них тебе нужна?

Я слышу еще один вздох, он звучит устало.

– Под названием «Сэм Арлингтон».

Папа.

Я провожу рукой по волосам, забыв, что собрала их в неряшливый пучок, срываю резинку, и они рассыпаются по плечам. Наверное, я должна разозлиться на тетю Фрэнсис из-за того, что она вела записи о моем отце, но вся злость направлена на маму, знающую о

существовании этих записей. И, видимо, она знает, что в них. Мама вдруг кажется мне незнакомкой.

– Энни? Ты еще там?

– Ага, – откликаюсь я. – Я здесь. Я достану папку.

– Спасибо, – с облегчением благодарит она. – Можешь читать записи или не читать, дело твое.

Это приводит меня в бешенство, потому что решение в любом случае принимать мне. Это ведь я сейчас в Касл-Нолле, копаюсь в жизни тети Фрэнсис. А теперь еще в жизни мамы.

– Ладно, возвращайся к выставке, – говорю я, напомним себе, что сообщила о смерти тети Фрэнсис в такой важный для маминой карьеры день.

Как обычно, я коплю все чувства, с которыми она меня оставила, чтобы разобраться с ними позже.

– Да, я лучше пойду.

– Прости, что все так вышло. С новостями о тете Фрэнсис.

Мы завершаем разговор, и тут я замечаю, что таксист смотрит на меня в зеркало заднего вида.

– Резерфорд Лоуренс Грейвсдаун, – произносит он, встречаясь со мной взглядом в зеркале.

– Что-что?

– Инициалы у вас на сумке. Я сложил два и два. Я ведь везу вас в поместье Грейвсдаун. Семейное наследство?

– Э-э-э... ну да.

Я изучаю водителя. Я привыкла, что лондонские таксисты – безликие незнакомцы, но здесь, в Касл-Нолле, я только что разговаривала с мамой о сокровенном в присутствии того, кто с удовольствием посплетничает в местном пабе.

С заднего сиденья трудно разглядеть водителя, но он примерно мамин ровесник, с коротко стриженными седыми волосами и широкими плечами. И от него пахнет куревом.

Он сворачивает на круг перед Грейвсдаун-холлом и останавливается. Расплатившись, я подхожу к опущенному со стороны водителя стеклу. Таксист окидывает дом таким злым взглядом, что я невольно отшатываюсь.

Но когда мужчина видит меня, то снова натягивает на лицо приветливую маску.

– Вы ведь дочь Лоры, верно?

– Да.

Я немного его опасаюсь, но по привычке не могу вести себя невежливо.

Он ухмыляется:

– У нас с ней кое-что было. С Лорой. Очень давно. Когда мы были подростками. – Он опять злобно смотрит на дом. – Но вмешалась Фрэнсис и положила этому конец. Не хочу плохо говорить о покойной, но не удивляйтесь, если Лора не горюет из-за ее смерти. Между ними не было особой любви.

Ничего не могу с собой поделаться – у меня просто отвисает челюсть. Он не только подслушал мой разговор, но и встречался с мамой? А теперь с радостью лезет не в свое дело? Да кем он себя возомнил?

Таксист продолжает болтать, а я молча стою, вытаращившись на него.

– Вы так на нее похожи, – улыбается мужчина. – Передайте ей привет от Реджи Крейна.

– Ваша фамилия Крейн? Как у детектива Роузена Крейна?

Реджи кивает:

– Он мой сын. Вы наверняка уже с ним встречались.

– Да, – ошарашенно произношу я. – Встречалась.

Уравновешенный детектив совершенно не похож на этого любопытного таксиста, но дети часто отличаются от родителей и внешне, и по характеру.

Лишь когда такси уезжает, я вспоминаю слова Саманты из полицейского участка.

«Она третировала всю семью Крейнов».

Интересно, насколько сильно третировала и достаточно ли этого, чтобы желать ей смерти.

Глава 13

– Есть кто-нибудь? – тихо спрашиваю я, открыв огромную дверь в дом. – Эльва?

В ближайшем дверном проеме неожиданно появляется голова Арчи Фойла.

– Она поехала в деревню, – говорит он почти радостно.

Я внимательно смотрю на него.

– Я думала, у вас нет ключей.

– У меня их и нет. Они есть у моей внучки Бет. Она на кухне. Она попросила меня принести с фермы свежие овощи. Я не говорил, что она иногда готовит для Фрэнсис? Обычно по вторникам Бет сюда не приходит, но, учитывая обстоятельства... – Арчи на секунду задумывается. Его темные глаза внезапно фокусируются на мне, словно он только что меня увидел. – Уолт сказал, оглашение завещания будет завтра утром, так что Бет приготовит для всех вас завтрак. Фрэнсис этого хотела бы.

– Ясно, – медленно произношу я, вкладывая в это слово больше подозрений, чем намеревалась.

Надо мне научиться не выдавать свои эмоции. Вероятнее всего, именно Арчи принес тете Фрэнсис те цветы, хотя у меня есть только одна причина так думать: он садовник и приносит ей свежие цветы каждое утро. Уж больно удобно все складывается.

И тут до меня доходит: Арчи появился из коридора, ведущего в библиотеку. Мало того что, найдя тело, мы наверняка затоптали какие-нибудь важные улики вроде волос или волокон ткани, у виновника смерти тети Фрэнсис еще больше причин их уничтожить. Мне становится тревожно при мысли, что библиотеку не осмотрела полиция и сюда может зайти кто угодно.

– Арчи, здесь была полиция?

– Ага, целая куча. Пришел даже детектив, внук Тедди Крейна, и другие, собирали тут улики, как положено. После их ухода библиотеку заперли, ключ от нее только у Уолта. Но вы ведь ее уже видели, если хотите, могу показать вам остальной дом.

– Пожалуй, в другой раз, – говорю я со слабой улыбкой. – Я лучше поброжу тут сама и найду себе комнату. А когда устроюсь,

познакомлюсь с Бет.

– Как хотите, – отвечает Арчи и, насвистывая, идет в глубь дома, видимо, на кухню.

Оставляю сумку в прихожей и с рюкзаком за спиной иду через большую столовую к двери в библиотеку. Я не собираюсь ее взламывать, но мне не по себе из-за того, что оттуда появился Арчи.

Дергаю за ручку, и оказывается, дверь не заперта. Она легко открывается, никаких признаков, что полиция опечатала место преступления. Либо Арчи ошибся, либо наврал.

Шагнув в комнату, я отмечаю, что все выглядит нетронутым, и вдыхаю слабый запах хвои. Дверь с другой стороны, ведущая в маленькую комнатку, слегка приотворена, и я снова задумываюсь, зачем Арчи так старательно объяснял, что библиотека заперта. В маленькой комнате никого нет, и выглядит она, как и прежде.

Одну стену подпирают шкафы, словно группка унылых подростков, и, приближаясь к ним, чувствую мурашки по коже. Я стараюсь не смотреть на предсказание, написанное на стене, но взгляд все равно натывается на слово «ладонь», и моя собственная ладонь начинает пульсировать под бинтами, и это совпадение кажется зловещим.

Всего здесь десять металлических картотечных шкафов. Выглядят они так, словно стоят с восьмидесятих годов, но, может, это просто мои предубеждения. Они выкрашены в старомодный зеленый цвет, но от частого использования краска на швах облезла и стал виден серебристый металл.

Каждый ящик пронумерован черным маркером. Верхний ящик слева слегка приоткрыт: в металлическом замке торчит связка ключей. На ней два больших ключа, вероятно, от дома и каких-то хозяйственных построек. Но меня больше интересуют маленькие ключи. Склонив голову набок, я провожу по ним пальцами. Они звякают, как крошечные колокольчики. Все они похожи и пронумерованы в соответствии с ящиками. Пока мы с Эльвой, Оливером и мистером Гордоном ждали «Скорую», ключей точно здесь не было. Наверное, их нашла полиция. И просто оставила здесь?

Начинаю с первого ящика, поскольку он не заперт, а я предполагаю, что папки расположены в алфавитном порядке. Значит, папино имя, Сэм Арлингтон, должно быть здесь.

Но его нет, только куча других фамилий. Я не вижу в их расположении никакой системы и раздраженно листаю папки в поисках знакомых имен.

И вдруг натываюсь на собственное.

Я вытаскиваю хлипкую папку. В ней моя фотография вместе с мамой, с выпускного в колледже, и несколько записей, которые вряд ли кто-либо посчитал бы интересными. Какие-то старые школьные отчеты, мое резюме с «Линкедин» и, наконец, ксерокопия счета из компании грузовых перевозок, которой я отправила старые сундуки Фрэнсис из подвала. Внизу моя аккуратная подпись. Интересно, зачем она хранила настолько малозначительные документы?

Больше здесь нет папок, посвященным членам моей семьи, ни маминной, ни бабушки Тэнси и дедушки Питера. Все остальные имена мне незнакомы. Под конец я замечаю перед всеми папками кусок толстого картона с надписью «Секреты, подлежащие раскрытию».

Я быстро открываю следующий ящик и обнаруживаю несколько кусков картона, разделяющего папки, с очень тревожными заголовками. На первом написано «Поджог», и за ним три папки. К счастью, я не узнаю ни одного имени. Следующий заголовок – «Нападение», за которым пугающее количество имен, потом «Банкротство» и так далее.

Выходит, система все-таки есть, только не сразу поймешь какая.

У меня сосет под ложечкой, и с каждым открытым ящиком мне становится все хуже. Я не знаю, злиться ли на тетю Фрэнсис за то, что она классифицировала друзей и соседей по их неблагоприятным поступкам, или пожалеть за то, что всю жизнь та барахталась в море недоверия.

Наконец я нахожу раздел «Измена», и здесь обнаруживается нужное имя – Сэм Арлингтон. Я осторожно вытаскиваю папку, толстую как роман. Категория «Измена» занимает весь ящик, и при мысли о стольких разбитых сердцах я ощущаю кислый привкус во рту. Тетя Фрэнсис сама раскрывала эти секреты? Или случайно натывалась на них, пытаясь избавиться от неведомого врага? Я не знаю, почему распался брак моих родителей, это случилось еще до моего рождения и не играло для меня никакой роли. А мама никогда не рассказывала. Мы просто жили без папы.

Но когда взгляд натывается на фамилию Крейн в конце ящика, я отметаю все мысли. Машинально достаю эту папку. Она толстая, даже толще папиной. Я не открываю ее, чтобы посмотреть, кого из Крейнов затрагивает содержимое, но с удивлением понимаю, что надеюсь не обнаружить там детектива.

При встрече я не заметила на нем обручального кольца, так что, если он и виновен в неверности, это его личное дело. Разве что тетя Фрэнсис считала это дело своим. На Грейвсдаунов тоже есть папка, но мои руки уже заняты. Кто там, Саксон или Эльва? Или собственный муж Фрэнсис?

Я вспоминаю, как яростно Эльва срывала записки со схемы по расследованию убийства, опускаюсь на колени и кладу папки «Крейн» и «Арлингтон» на пол. Потом вытаскиваю папку Грейвсдаунов, быстро открываю ее и листаю содержимое. Там много всего, но касается только незнакомых мне Грейвсдаунов. Никаких упоминаний Саксона, Эльвы или Резерфорда. Внутри папки документы сгруппированы по именам. Там есть некий Харрисон Грейвсдаун, Этта Грейвсдаун и, наконец, Оливия. Похоже, Грейвсдаунам не присуща супружеская верность.

Возвращаю папку Грейвсдаунов на место и закрываю ящик, решив, что пора найти комнату, где я могу уединиться и поразмыслить, насколько сильно мне хочется знать про их неверность.

Поднявшись на второй этаж, замечаю, что некоторые спальни уже заняты: в первой комнате, куда я заглянула, рядом с огромной кроватью с балдахинем висит белый дизайнерский блейзер Эльвы. Это на меня не похоже, но я забегаю внутрь. Может, все дело в том, что совсем недавно я копалась в секретах половины города, но я не испытываю стыда, выворачивая карманы Эльвы.

Пальцы нащупывают записки, сорванные со схемы тети Фрэнсис, и еще какой-то сложенный листок. Засовываю все это в собственные карманы, быстро ухожу и прикрываю за собой дверь.

На кровати следующей просторной комнаты с видом на розарий валяется пустая сумка для ноутбука Оливера. Пожалуй, подглядываний на сегодня хватит. Конечно, Оливер говнюк, но кажется мне относительно безобидным, поэтому я оставляю его вещи в покое. На фоне скандальной семьи Грейвсдаунов он выглядит скучным.

Почти бесшумно бреду дальше по коридору, ноги утопают в красной ковровой дорожке, расстеленной по центру отполированного деревянного пола. Наконец я нахожу маленькую комнату с большим окном и бросаю рюкзак на железную кровать у стены. Окно обрамлено витражами, и последние вечерние лучи света отбрасывают веселые цветные тени на пол.

Интересно, кто раньше жил в этой комнате? Она меньше остальных, и кровать попроще по сравнению с элегантной мебелью в других спальнях. На полу простые выбеленные доски и маленькая аккуратная циновка по центру. Вероятно, комната экономки или еще кого-то из прислуги?

Сев по-турецки на кровать и разложив перед собой папки, чтобы почитать их, я вдруг замечаю, что моя дорожная сумка стоит рядом со шкафом у противоположной стены.

Я удивленно моргаю. Наверное, это услужливый Арчи, но все равно меня это слегка нервирует. Тут наверняка есть и другие комнаты, так откуда он знал, что я выберу именно эту? Или это заявление: *дескать, твое место здесь, в комнате прислуги. Дом тебе не принадлежит.*

Кажется, у меня потихоньку начинают плавиться мозги, вдобавок я ужасно проголодалась. Я целый день ничего не ела, с самого поезда. Честно говоря, до сих пор мне не хотелось есть, но внезапно я почувствовала себя страшно голодной, желудок словно переваривал сам себя.

Засовываю папки в рюкзак, между зеленым дневником тети Фрэнсис (еще один пункт в списке для изучения тайн Касл-Нолла) и стопкой собственных блокнотов. Рюкзак я запикиваю под кровать, хотя и уверена – если кому-то захочется покопаться в моих вещах, первым делом этот человек заглянет туда. Но не могу же я оставить папки на всеобщее обозрение.

Опять спускаюсь и без труда нахожу кухню. Я слышу, как насвистывает Арчи, и тихий гул разговора. Интересно, что делает на кухне Бет, если она собиралась готовить завтрак. Хотя, как я знаю, чтобы испечь хлеб, придется поработать загодя.

Огромная кухня ярко освещена. Она размером со среднюю квартиру в центре Лондона. У дальней стены расположилась большая плита, а напротив – здоровенный кухонный остров с толстой

деревянной столешницей. В другом конце кухни находится такой гигантский каменный камин, что я легко могу в него поместиться, а перед ним стоят два кресла. На подлокотнике одного из них лежит фиолетовый кардиган. Стоящая у острова женщина разворачивается и смотрит на меня.

Бет Фойл выглядит лет на десять старше меня, у нее темные кудри и лицо нестандартной красоты – вытянутое, с орлиным носом, причем она не скрывает, а подчеркивает эти черты, отчего становится не просто симпатичной, а сногсшибательной. Она с головы до пят одета по моде 1930-х, и кажется, что красная губная помада и темно-синее платье – вполне подходящий наряд, чтобы заниматься выпечкой. Даже старомодные туфли на каблуках выглядят вполне уместными. Поверх платья повязан фартук из 1950-х, а может, специально так сшитый. Она тщательно замешивает тесто на засыпанном мукой острове, но, увидев меня, замирает.

– А! – Ее рука взлетает к виску, и даже этот жест кажется винтажным и идеально уместным, как будто она Ингрид Бергман и собирается поцеловать на прощание Хамфри Богарта^[8]. – Вы ведь Лорина... Энни, верно?

– Да, это я, здравствуйте.

Слабо взмахиваю рукой, но Бет обходит остров, вытирая руки о фартук, чтобы пожать мне руку.

– А я Бет.

Арчи здесь нет, хотя могу поклясться, я только что слышала его свист. Может, это Бет насвистывала ту же мелодию.

– Приятно познакомиться. – В животе у меня громко урчит, и я решаю перейти сразу к делу. – Арчи сказал, вы готовите завтрак на утро. А сейчас можно чем-нибудь перекусить? Не хочу показаться невежливой, но я умираю с голода.

– Конечно! Могу предложить кое-что получше. Вы любите суп? Я приготовила минестроне и хрустящие хлебцы дедушке на обед, а он почти к ним не притронулся.

Она идет к большому холодильнику, достает оттуда чугунный сотейник (дорогой, от французской фирмы Le Creuset) и засовывает его в духовку. Плита выглядит новенькой, а красная эмаль на ней точь-в-точь того же оттенка, что и помада на губах Бет.

– Спасибо, – я подхожу к плите и люблюсь сверкающими хромированными ручками.

– Вам нравится? – спрашивает Бет. – Фрэнсис разрешила мне самой выбрать плиту, когда нужно было заменить старую.

При упоминании тети Фрэнсис лицо Бет грустнеет, но ее истинные чувства все равно трудно прочесть. Хотя она – само воплощение чопорности другого столетия, мне не кажется, что она похожа на Эльву, для которой все происходящее спектакль. Я не знаю, что о ней и думать.

– Мне жаль, – говорю я. – Наверное, вы хорошо ее знали. Сегодняшний день для вас стал кошмаром.

Бет слабо улыбается:

– Я готовлю, чтобы приглушить эмоции. Это помогает. Но спасибо.

Она достает нагретый суп из духовки, наливает в тарелку и ставит ее передо мной. Я набрасываюсь на суп, и он великолепен. Проглотив почти всю тарелку, я смотрю на пустые кресла.

Бет следует за моим взглядом к фиолетовому кардигану, висящему на подлокотнике одного из них, и вздыхает.

– Это Фрэнсис, – объясняет она. – Я не смогла его убрать.

Ее глаза опять увлажняются, девушка отворачивается и начинает суеется у плиты, а когда снова смотрит на меня, лицо у нее слишком веселое.

Я вспоминаю слова Арчи о том, что их ферма стоит на земле Грейвсдаунов, и гадаю, как скажется на их судьбе смерть тети Фрэнсис. Несколько секунд я борюсь с собой, но в итоге решаю, что вопросы о ферме не покажутся невежливыми. Бет даже обрадуется, что кто-то думает о будущем ее семьи.

– Бет, я тут задумалась, что будет с вашей семейной фермой после смерти тети Фрэнсис?

Бет снова вытирает руки об фартук и морщит лоб.

– Ну это решать наследнику, – говорит она беззаботным, но явно фальшивым тоном. – Признаюсь, было бы здорово, если б Фрэнсис оставила ферму нам, но мистер Гордон уже сообщил, что мы не упомянуты в завещании.

– Мне жаль.

И мне правда жаль. Несправедливо, что тетя Фрэнсис не позаботилась о том, чтобы ферма осталась у Фойлов. Поместье и без того огромное, кому нужна ферма? Наверное, за этим кроется что-то еще.

Бет кивает и благодарно улыбается.

– Остается надеяться, что все будет хорошо, – она снова посыпает столешницу мукой, а потом замешивает еще один большой шарик теста.

Меня одолевает любопытство – не для того ли она затеяла приготовление завтрака, чтобы находиться поблизости и держать руку на пульсе. Я бы на ее месте так и поступила.

Вдруг я замечаю, что за нами наблюдают.

Несколько ступеней за кухней ведут вниз, в большую открытую оранжерею. Едва ли это подходящее слово для такого грандиозного сооружения, но пышная зелень скрывает его объем. Сквозь древовидные папоротники и пальмы просачивается вечерний свет, заливая все вокруг сладким сиянием. Это первая часть дома, которую мне захотелось исследовать (не считая библиотеки, но к ней у меня теперь смешанные чувства). Я так и сделала бы, если б не лицо, прижатое к окну, выходящему на кухню.

– На нас смотрит какая-то худая женщина, – медленно произношу я. – Впустить ее?

Глаза Бет округляются, а потом и она замечает лицо. Девушка снова вздыхает, но теперь скорее раздраженно, чем печально.

– Роуз, – медленно выговаривает она, повысив голос, чтобы было слышно через стекло. – Не хочешь чашку чая?

Роуз. Я мысленно возвращаюсь к той фотографии – тетя Фрэнсис, пропавшая девушка Эмили Спарроу и третья подруга, Роуз Форрестер. Она мама Джо из «Скорой», так что, видимо, после замужества стала Роуз Лерой. И она владеет гостиницей «Касл-хаус».

Лицо в окне исчезает, и откуда-то из джунглей доносится дребезжание стеклянной двери. Наверное, это задняя дверь оранжереи, выходящая в сад. Из-за папоротников появляется Роуз с розовым цветком гибискуса в одной руке и завязанным платком в другой. Выглядит она в точности как на фотографии, только старше. У нее по-прежнему волосы до плеч, даже блузка и жакет сшиты как будто из полиэстера шестидесятых. Теперь ее волосы подернуты сединой, но ей

идет. Ее скулы стали выделяться еще сильнее, и от этого карие глаза кажутся больше. Глядя на Роуз, я вспоминаю, что Эмили и тете Фрэнсис сейчас было бы слегка за семьдесят, а это не такая уж глубокая старость.

Но как только Роуз замечает меня, ее черты в ту же секунду меняются. В глазах вспыхивает злость, а потом тревога. Женщина мнет платок в руке, и в конце концов я замечаю в ее глазах печаль, когда она видит пустое кресло.

– Проходи, садись, Роуз, – мягко говорит Бет и ведет Роуз к креслам, а затем возвращается к раковине за стаканом воды.

Роуз закрывает глаза и вдыхает аромат свежего хлеба, расплывающийся по кухне.

– Ты, должно быть, Аннабель, – наконец произносит она будничным тоном. – Рада встрече. Прости, поначалу я удивилась, увидев тебя здесь. Но я знала, что ты приедешь. Фрэнсис говорила об этом.

– Я тоже рада познакомиться. Тетя Фрэнсис упоминала обо мне? Я не думала...

Но Роуз прерывает меня, всхлипнув.

– Прости, – она промокает глаза. – Я сама не своя. Ты же понимаешь, потеря Фрэнсис...

Голос Роуз срывается, одна рука внезапно взлетает к лицу, словно птичка, которую спугнули из укромного уголка. Роуз сморкается и щиплет себя за переносицу, будто таким способом может сдержать слезы.

– Примите мои соболезнования, – говорю я. – Я знаю, вы с тетей Фрэнсис дружили.

– Я была ее лучшей подругой, – пылко заявляет она.

Внезапная перемена тона удивительна, но я знаю, горе – странная штука, судя по тому, что я видела. Печаль за секунды сменяется злостью. Внезапно я чувствую себя совсем юной.

– Роуз, – мягко произносит Бет, – я могу чем-то помочь?

– Я просто... Мне надо было увидеть... – Роуз подавляет рыдания и немного приходит в себя. – Когда Джон сказал, что Фрэнсис умерла, я почувствовала себя виноватой! Никто ей не верил. – Ее голос дрожит от злости. – А она оказалась права! Все эти годы она была права насчет убийства.

– Этого пока никто не знает наверняка, – возражает Бет.

Я решаю, что еще не время делиться собственными теориями. Бедняжка недавно узнала о смерти своей лучшей подруги. Сказать ей, что Фрэнсис убил житель деревни, вероятно, знакомый... было бы слишком жестоко.

– Но скоро узнают, – спокойно говорит Роуз. – Я верю Фрэнсис. Она готовилась к этому шестьдесят лет. Полиция найдет виновного, да? – Женщина переводит взгляд с Бет на меня и обратно. – Фрэнсис всегда выступала за правосудие, ее убийца не должен остаться безнаказанным!

– Детективы этим занимаются, – говорю я. – Они сделают все как надо, не сомневаюсь.

На самом деле я не уверена, но эти слова кажутся мне уместными. Роуз немного успокаивается и кивает, сморкаясь.

– Энни, – произносит Бет, – вы не могли бы сходить за моим дедушкой, чтобы он отвез Роуз обратно в деревню? Он в саду, я вижу его через окно.

Роуз щурится.

– Я же не древняя старуха и сама приехала на машине! – огрызается она.

– Все равно, лучше пусть тебя отвезет дедушка, – настаивает Бет. – Ты очень расстроена, а при таких обстоятельствах случаются катастрофы.

– Я уже наездилась с Арчи Фойлом, – бормочет Роуз.

Бет многозначительно смотрит на меня, я киваю и иду искать Арчи.

Он обрезает темно-красные розы. Когда мы возвращаемся на кухню, Роуз выглядит собранной. Она приглаживает рукой волосы, платок куда-то делся.

– Привет, Розы, – говорит Арчи. – Подвезешь меня к пабу? Мой рабочий день окончен.

– Конечно, – отвечает Роуз.

Вставая, она забирает фиолетовый кардиган с подлокотника кресла, на мгновение сжимает его в руках и накидывает на плечи.

Арчи берет ее под руку, словно ведет на танцы, и они скрываются в зарослях папоротников.

Глава 14

Я рассчитываю весь вечер просматривать папки, которые засунула в рюкзак, но, когда добираюсь до своей комнатки после согревающего супа Бет, мои глаза буквально закрываются от усталости. Просыпаюсь я только утром от стука Оливера – он сообщает, что через десять минут меня ждут внизу на оглашении завещания тети Фрэнсис.

Стараюсь наскоро привести себя в приличный вид, но у меня только одно платье, и оно не вполне подходит для такого случая. Другой вариант – надеть то, в чем я была вчера, а это гораздо хуже. По крайней мере, платье купила Дженни в «Харродсе», так что оно дизайнерское. Верхняя часть облегающая, а юбка расклешенная, и в нем я чувствую себя как на витрине, в отличие от мешковатых вещей, в которых обычно прячусь. Я снова собираю волосы на макушке и смотрю на свое отражение в высоком зеркале.

Я приятно удивлена. Может, потому, что вчера постоянно слышала, как похожа на маму, но платье выглядит элегантно, и я чувствую себя в нем другим человеком. Делаю глубокий вдох, разглаживаю синий шелк и спускаюсь по лестнице.

Мистер Гордон торжественно ведет нас в библиотеку. Воздух внутри спертый, но после моего вчерашнего визита кое-что изменилось. Цветы убрали, даже красивые букеты у окон, и от этого комната выглядит какой-то тесной. Сквозь окна струится утренний свет, а на лужайке лежит роса в ожидании, когда ее высушит солнце. Я замечаю, что Бет подала завтрак на длинном столе у стены, и мне слегка не по себе оттого, что никто к нему не притрагивается. Кто-то придвигает стулья, и мистер Гордон садится за большой деревянный стол в центре библиотеки, а все остальные, кроме Саксона, который так и не появился, устраиваются напротив. Все очень официально, именно так я и представляла себе оглашение завещания очень богатого человека.

Эльва Грейвсдаун сидит слева, рядом – пустой стул ее мужа. С другой стороны от пустого стула я, справа от меня Оливер Гордон. В его кармане постоянно гудит телефон, и время от времени он наклоняется, чтобы его проверить. Судя по измученному виду

Оливера, сообщения либо от начальника, либо от придирчивой подружки.

Еще одно любопытное дополнение к нашей группе – детектив Крейн, хотя он держится в стороне. Удивительно, но я даже рада его видеть. С ним как-то спокойнее, безопаснее. У него под мышкой папка, по виду важная; он прислонился к окну, наблюдая за нами. Когда я сажусь, он кивает мне, но на этом все. Могу поспорить на любую сумму, что в папке результаты вскрытия от доктора Овусу, и мне страшно интересно узнать их.

Мистер Гордон откашливается и многозначительно смотрит на часы, а потом на Эльву.

– Не понимаю, почему Саксон опаздывает на встречу, находясь в доме. Эльва, если он не явится через пять минут, мне придется обыскать все комнаты и притащить его силой.

Эльва выглядит смертельно оскорбленной, причем кажется, что ей просто необходимы оркестр и огни рампы. В ней нет ничего естественного, настоящая актриса.

– Не смей меня, Уолт. Это дом Саксона. Он здесь вырос. Бога ради, имей сострадание, ему приходится разбираться со старыми призраками.

– Я в курсе, Эльва, – тихо произносит мистер Гордон. – Но ты забыла, что мне уже доводилось вытаскивать Саксона из укромных мест, и не удивлюсь, если он так и не избавился от детской привычки, прежде чем войти, подсмотреть за всеми.

Мое любопытство достигает пика, но дальнейших разъяснений я не получаю, а спрашивать было бы странно.

Эльва решает сменить тему.

– А почему здесь Оливер? – спрашивает она.

Я и сама этому удивляюсь. Я знаю, тетя Фрэнсис упомянула его в завещании, хотя причина остается для меня загадкой. Но тайно радуюсь тому, что Эльва с готовностью задает вопросы, которые я задать стесняюсь.

– Это вскоре получит объяснение, когда мы перейдем к оглашению завещания, – отвечает мистер Гордон.

Чувствую взгляд детектива Крейна с другой стороны комнаты. Когда дверь библиотеки хлопает и входит мужчина с густыми седыми волосами, все, кроме детектива, вздрагивают.

– Прошу меня простить, – говорит он с теплой улыбкой.

– Ну наконец-то, Саксон, – восклицает мистер Гордон.

Саксон одет в дорогой серый костюм, который прекрасно сидит на его стройной фигуре. Он излучает уверенность, причем подлинную, в отличие от бесконечного позерства Эльвы. У него квадратный подбородок и зеленые глаза, Дженни назвала бы его «серебристым лисом». Заметив мой пристальный взгляд, он отступает на шаг.

– Вы не Лора, – произносит Саксон, но улыбка не исчезает, и он не добавляет дежурную фразу, что я вылитая мать.

– Точно, не Лора, – соглашаюсь я и выпрямляюсь, вспоминая, что чувствовала несколько минут назад, глядя на себя в этом платье.

– Саксон, это Аннабель Адамс. Энни. Лорина дочь, – представляет меня мистер Гордон. – Теперь она фигурирует в... – Он смотрит на разложенные перед ним бумаги и хмурится так, что сморщивается все лицо. – В этом кошмаре.

Последние слова он бормочет себе под нос, но совершенно ясно, как он относится к завещанию.

Саксон садится на пустой стул рядом со мной, наклоняется и говорит:

– Рад знакомству, Энни. Надеюсь, все пройдет быстро и просто и бедняга Уолт не сляжет от нервного напряжения. А если Эльва не создала вчера атмосферу гостеприимства, прошу ее простить. Думаю, она перенесла свои сложные отношения с Лорой на вас.

Не знаю, чего я ожидала от встречи с Саксоном, но точно не этого. Может быть, копию Эльвы или человека слишком занятого и важного, чтобы обратить на меня внимание, учитывая его позднее появление. Однако Саксон безмятежно сидит рядом и выглядит настолько же разумным и понимающим, насколько неловко чувствую себя я. И это очень приятный сюрприз.

– Спасибо, – говорю я.

На мгновение я задумываюсь, чем мама так разозлила Эльву, но, судя по тому, что я видела, они с Эльвой как небо и земля. Мама наверняка подтрунивала над ней, и при этой мысли у меня теплеет на душе.

– Так, ладно, я объясню все простым языком. – Мистер Гордон надевает очки и раскладывает перед собой бумаги. – Фрэнсис решила не делить имущество. В него включается также дом в Челси и ферма

на земле, прилегающей к поместью Грейвсдаун, как и сам дом и территория поместья. А также сорок миллионов фунтов.

Эльва хлопает в ладоши и охает, но быстро пытается скрыть эмоции кашлем. Саксон тут же цыкает на нее, а мистер Гордон окидывает каменным взглядом поверх очков.

Все умолкают, и мистер Гордон продолжает говорить.

– Наследниками являются Саксон, Оливер и Энни, с недавнего времени заменившая Лору, только с этого места начинаются сложности. Лучше всего объяснить это вам, зачитав письмо Фрэнсис.

Дорогие Саксон, Аннабель и Оливер!

Поверьте, мне хотелось бы сделать это проще. К Оливеру я перейду чуть позже и сначала обращаюсь к Саксону и Аннабель. Я давно знала, что мою жизнь прервет убийство, поэтому оставляю все свое имущество, включая деньги на счетах, тому, кто его раскроет.

Долгие годы жители деревни относились ко мне с предубеждением из-за того, во что я всегда верила. Все так держатся за свои секреты, и никому не нравятся мои способности вытаскивать их наружу, поэтому меня всячески старались выставить полоумной. Но я всегда знала, что в Касл-Нолле не все ладно, что секретами забиты все трещинки на улицах и в церковных стенах, даже в моем собственном доме, все мы прогнили до глубины души. Я давно знала, что эти секреты могут привести к смерти. Так уже случилось.

Мое последнее действие на этом свете – сделать так, чтобы вы поверили мне, и, надеюсь, мне поверит вся деревня.

Пусть лучший из вас унаследует все мое состояние, но не мою судьбу...

С отвисшей челюстью я пытаюсь осмыслить слова Фрэнсис. И снова ощущаю мурашки, потому что это сама судьба. С тех пор как мы нашли тетю Фрэнсис, именно этим я и занимаюсь. Пытаюсь заниматься. Я чувствую себя частью предсказания, той самой «дочерью».

– Что?! – выплевывает Эльва. – Да как она могла так с нами поступить? Зачем она устроила такое светопреставление?

Детектив Крейн смотрит на папку в своих руках, как будто не слыша слов Эльвы.

Мистер Гордон снова откашливается.

– Эльва, нет никаких «нас». Здесь говорится о Саксоне и Энни. Есть еще Оливер и детектив, но я до этого дойду, если позволишь мне закончить.

Конечно, есть условия. Я не хочу, чтобы вы болтались без дела, пока мой труп гниет в земле и не свершилось правосудие. Я даю вам неделю. Если по истечении этого срока вы не раскроете мое убийство, все мои владения будут распроданы, этим займется юный Оливер Гордон и его работодатель, компания «Джессон филдс». Мне все равно, станет ли поместье торговым центром или каменоломней; если у вас ничего не выйдет, вся деревня будет ощущать это на протяжении многих поколений. Деньги от продажи и остальное мое состояние отойдут государству.

Я ничего не могу с собой поделаться и прерываю его:

– Но что будет с фермой, с Бет и ее бабушкой?

Мистер Гордон окидывает меня долгим взглядом, и я чувствую, как он благодарен, что кто-то задумался не только о собственном благосостоянии, а может, просто устал, ведь я напомнила, что от этого завещания пойдет волна по всей деревне, словно от разорвавшейся бомбы. Он не отвечает, просто продолжает читать дальше.

Но я не хочу, чтобы вы поспешно предложили фальшивые ответы, лишь бы получить желаемое. Поэтому результат должен подтвердить детектив Крейн, произведя арест. Финальное решение вынесет Уолт. В его власти также дисквалифицировать любого из вас, если по какой-то причине его приговорят к тюремному заключению...

– То есть мы можем убить друг друга, если это сойдет нам с рук, – сухо заявляет Саксон. – Как элегантно, Фрэнсис. – Он наклоняется ко мне и добавляет: – Не волнуйтесь, Энни, я не собираюсь вас убивать.

– Спасибо, Саксон, я тоже вас не убью.

И мы оба улыбаемся – уж больно странно это звучит через десять минут после знакомства.

– Вообще-то это элегантное дополнение к завещанию, – говорит Уолт. – Таким образом, вы будете присматривать друг за другом. Фрэнсис не хотела бы, чтобы поместье попало в руки нечистоплотного человека.

Он подносит письмо почти к носу и продолжает:

Я не стану добавлять ничего, касающегося смерти по естественным причинам, поскольку убеждена, что предсказание сбудется. И поверьте, если б у меня было хоть малейшее представление о том, кто планирует меня убить, я заранее подала бы заявление в полицию. Детектив Крейн может подтвердить – я несколько раз пыталась. Я уже много лет пробую разгадать личность моего убийцы, но трудно раскрыть преступление, которое еще не произошло, поэтому придется предоставить это вам.

Я пыталась спланировать игру, но, похоже, проиграла. Поэтому мой план продолжит осуществляться без меня.

*Удачи,
Фрэнсис*

Несколько минут мы сидим в оглушительной тишине, пока я не решаюсь ее нарушить:

– А что будет, если мы раскроем убийство вместе?

– А если его совершил один из нас? – спрашивает Саксон.

Детектив Крейн поворачивается, чтобы посмотреть на Саксона, и уголок его губ слегка приподнимается.

– А что? Вы хотите признаться?

– Чисто научный интерес, – отвечает Саксон. – Хочу знать, насколько тщательно Фрэнсис все продумала. Схема просто потрясающая.

Саксона, похоже, эта ситуация веселит, будто занимательная игра. Оливер, до этого копавшийся в телефоне, вдруг вскидывает голову и говорит:

– Не то чтобы я пытался помочь в расследовании убийства, я ведь здесь только как гарант... – У него такое кислое лицо, будто он проглотил лимон, и я внезапно понимаю, что он в ярости. – Но раз уж

милая Фрэнсис решила, что моя карьера – всего лишь игрушка, которой можно позабавиться на том свете, и я не хочу, чтобы меня убили во сне, если все пойдет слишком далеко... – Он косится на Эльву. – Я хотел бы отметить, что у всех нас есть алиби, поскольку во время убийства мы находились вместе, в офисе в Касл-Нолле. Ну кроме Саксона.

– Это не играет роли, – вставляю я. – Цветы ей могли принести когда угодно, убийца имел в запасе кучу времени, чтобы скрыться.

Детектив Крейн легонько отталкивается от подоконника, к которому прислонялся.

– Она умерла не из-за цветов, – тихо произносит он.

– Что? Как?

Я несколько раз моргаю, пытаюсь понять, как это болиголов в крови не убил человека.

– Значит, она ошиблась? Ее не убили? – уточняет Саксон.

– Этого я не сказал, – отвечает Крейн.

Он пристально смотрит на Эльву и Саксона, оценивая их реакцию. Саксон тоже смотрит на него, понимая намерения детектива. Эльва как будто ничего не замечает.

– Что ж, когда она умерла, мы все были в офисе мистера Гордона, – произносит Эльва. – Разве Фрэнсис не звонила, чтобы сообщить о переносе встречи? Значит, она еще была жива, когда мы были в офисе. А Саксон возвращался из больницы... Наверное, в это время он как раз был на пароме.

– У меня есть билет, если кто-то хочет удостовериться, – ровным тоном сообщает Саксон.

– Почему-то все обходят стороной один важный вопрос, – буркает Оливер, на удивление сердито.

– Всего один? – брякаю я, потому что вижу множество таких вопросов.

Проигнорировав меня, Оливер обращается к детективу:

– Какова причина смерти, детектив Крейн? Или вы не желаете нам сообщать, хотя, как я вижу, держите в руках отчет о вскрытии?

– Ах, этот вопрос, – тяну я.

Детектив Крейн не двигается с места. Просто смотрит на Оливера и слегка улыбается.

– Ясно, – говорит Оливер. – Но что будет, если она умерла не от рук убийцы?

– В смысле, ты считаешь, что она покончила с собой, чтобы заставить нас плясать под свою дудку? – спрашивает Эльва, как будто и впрямь в это верит. Не люблю судить людей, но я начинаю думать, что Эльва Грейвсдаун не очень умна.

– Нет, я о том, что у нее мог случиться сердечный приступ. Или инсулиновая кома, или еще что. Откуда мне знать? Что будет в этом случае?

Детектив Крейн наконец делает шаг вперед. Он подходит к мистеру Гордону и кладет папку на стол.

– У нее и правда был сердечный приступ, – медленно произносит он.

Оливер стонет и опять сует руку в карман за телефоном.

– Но не по естественным причинам, – продолжает детектив Гордон, открывая папку. – Фрэнсис была права. Ее убили.

Глава 15

Записи из Касл-Нолла, 23 сентября 1966 года

Джон вел себя отстраненно, уклоняясь от моих вопросов о поместье Грейвсдаун и о том, куда они ходили без меня. Предупреждение Саксона прилипло ко мне, как дурной запах: «Я знаю, что вы считаете меня мерзким типом, но ваш дружок еще хуже».

На каждый вопрос, от которого Джон уклонялся, он отвечал каким-нибудь милым жестом: заказанными из Лондона духами, покупкой моей любимой книги. Он вырезал наши инициалы на деревьях и признавался в любви. И постепенно, где-то через неделю, лед между нами начал таять.

К счастью, Джон согласился с тем, что лес в поместье Грейвсдаун – не самое романтическое место в мире. Он предлагал массу других вариантов для нашего первого раза, например проникнуть в темноте в руины замка или одолжить на вечер машину Уолта. Но после того вечера с Фордом и Саксоном я слегка настороженно относилась к друзьям.

Эмили по-прежнему настаивала, что поместье Грейвсдаун – лучшее место, чтобы хорошо провести время, и это утверждение было подкреплено полицией, которая однажды в семь вечера прогнала нас из парка за то, что мы слишком шумели. Как обычно, шумел в основном Уолт. Он решил отлечь за деревом, распевая You Really Got Me группы The Kinks, и заявил, что может мочиться ровно столько времени, сколько длится песня. Уолт вечно вот так ребячился.

Роуз снова сошлась с Тедди Крейном, после того как я убедила ее, что прыщи у него пройдут и тогда он станет очень симпатичным. Я не врала: под прыщами у него и правда было милое лицо. Темные волосы, крепкие мышцы и немного покровительственная уверенность в себе. Мне просто казалось, что Роуз не всегда видит перспективу.

Когда Джо и Тедди пошли купить еще пива, как раз перед тем как Уолт привлек своим пением полицию, я наконец улучила момент, чтобы обсудить с Роуз все свои противоречивые чувства. Прошло две недели, с тех пор как мы пробрались в поместье, и я постоянно прокручивала те события в голове. В глубине души я понимала, что должна быть настороже, потому что друзья меня обманули, а я не

хотела, чтобы меня держали за дуру. Но было ужасно утомительно так долго копить гнев и недоверие.

Я села рядом с Роуз на расстеленное одеяло и взяла ее под локоть. На мне было два свитера, потому что Эмили одолжила мое шерстяное пальто и не вернула его. А носила она его с таким видом, будто оно всегда принадлежало ей. Я на секунду взглянула, как Эмили хохочет и болтает с Уолтом. Пальто шло ей больше, чем мне: двойной ряд золотых пуговиц и расклешенный край все равно не мой стиль. Мне было жаль только пуговицы, ведь именно из-за них я выбрала это пальто. Уникальные, со скачущими оленями, я никогда не видела других пальто с такими пуговицами.

– Боже, да ты, наверное, заледенела, Фрэнни, – сказала Роуз и потерла мою руку, чтобы согреть.

– Ну не настолько уж, – ответила я, но апрель только начался, стояла полная темнота, и я нагло солгала.

– Я надавлю на нее и верну тебе пальто, обещаю. Это зашло слишком далеко.

– То, что Эмили одалживает вещи? Это же Эмили, ты сама прекрасно знаешь. А кроме того, я никогда не даю ей то, с чем не могла бы расстаться навсегда.

– Как ты не понимаешь? Все гораздо серьезнее. Она изо всех сил пытается копировать тебя. Ты слишком добрая, смотришь на все сквозь пальцы, но она... по-настоящему расчетлива.

На мгновение меня затопили чувства, бурлящие эти две недели. Я только устало покачала головой.

– Ты обращаешь на нее слишком много внимания, – сказала я, однако задумалась над словами Роуз.

Они были эхом моего потаенного и мрачного предчувствия – Эмили объявила меня своим врагом. Она расчетлива, это всем известно. Но я не понимала, почему она вдруг выбрала мишенью меня. Обычно все ее расчеты касались парней.

– Фрэнсис, просто...

Роуз провела рукой по волосам и прикусила губу. На мгновение показалось, что она хочет мне что-то сказать, но потом Роуз опустила взгляд и ничего больше не добавила.

Джон и Тедди закурили, стоя перед винным магазином, и я решила воспользоваться моментом.

– Роуз, почему никто не рассказал мне, что вы уже приходили в поместье Грейвсдаун без меня?

Роуз вздрогнула, словно я уколола ее шипом, но не подняла голову.

– Прости, Фрэнни, это все Эм. Ты же ее знаешь. Она угрожала мне, чтобы я тебе не рассказала.

– Ну ладно, – твердо сказала я. – А почему ты вообще туда с ними пошла?

Роуз посмотрела на свои руки, а потом снова на меня.

– Я была там только в первый раз и до недавнего времени не понимала, что Эмили мне соврала. Она сказала, что ты приболела и осталась дома. После этого я с ними не ходила, честное слово.

– Ладно, – медленно произнесла я. – Но я все равно думаю, что ты чего-то недоговариваешь. Форд сказал, что уже встречался с Эмили, и пытался отвести меня от всех вас. Что случилось в ваш первый визит туда?

Роуз посмотрела на магазин, в котором Эмили и Уолт покупали пиво.

– Джон, Уолт и я гуляли как обычно. Но Эмили на некоторое время пропала, а появилась, только когда пора было уезжать. Уолт разозлился на нее, и они поссорились, потому что было ясно, куда она ходила.

– Она ходила к дому, – заключила я.

Не знаю, почему я до сих пор не догадалась, хотя многое подозревала. Я провела там всего час за болтовней и чаем. Но, узнав, что Эмили побывала там первая, почувствовала горечь на языке. И в голове всплыла фраза Саксона: «Ваша подруга Эмили несколько раз выводила дядю Форда из себя. Кажется, она надеется, что он ищет новую жену».

Все остальные уже шли к нам по лужайке, а я смотрела на Эмили в моем пальто. Она покачивалась и смеялась, схватив Уолта под руку. Ее светлые волосы выделялись в темноте. Уолт смотрел на нее как на падающую звезду в ночном небе, которую можно увидеть всего несколько раз за всю жизнь.

Уолт подстригся, как и Джон, расставившийся со своей шевелюрой. Странно, потому что Уолту нравилась его прическа. Правилось получать косые взгляды от старушек, которые шипели себе под нос «шпана». Он обожал, когда девушки на пляже

останавливали его и говорили, что он похож на Джорджа Харрисона^[9]. Видимо, мода менялась, а я просто за ней не успевала.

К такому заключению легко было прийти, потому что я последней узнаю о модных веяниях. Но мне следовало задать себе вопрос, с чего вдруг Уолт пытается походить на Джона.

– А у меня классный сюрприз! – воскликнула Эмили, приблизившись. Она широко улыбнулась, села рядом со мной и вытащила из кармана пальто (моего) некий предмет из тусклого металла, чьи очертания скрывала темнота.

Тедди выругался, а Роуз схватила меня за руку и оттащила от Эмили.

– Какого черта, Эм? – вскрикнула я. Револьвер лежал в ее руке почти как игрушечный, театральный реквизит. – Где ты его взяла?

– И зачем? – добавил Тедди.

Роуз в ужасе молчала.

– Я нашла ключ к папиному оружейному шкафу, – ответила Эмили, проглотив смешок, превратившийся в возмущенное фырканье. – Это было нетрудно. А что касается причины... – Она посмотрела на Тедди с прищуром, как будто обвиняя его в том, что он испортил все веселье. – Почему бы нет? Вы когда-нибудь играли в русскую рулетку?

Тут Уолт решил помочиться и начал горланить песню, что, к счастью, привлекло внимание людей, и они крикнули, что вызвали полицию.

Эмили вздохнула со вселенской усталостью, которой явно не испытывала. Пусть она и вела себя в Касл-Нолле как бунтарка, но была не взрослее нас.

– В другой раз, – буркнула она, засовывая револьвер обратно в карман. – Давайте сядем в машину, прежде чем нас не погнали отсюда палками.

Эмили снова повисла на Уолте, и, когда она повернулась спиной, Роуз потянулась к воротнику своего пальто.

– Она зашла слишком далеко, – сказала Роуз, и я увидела, как блеснула тонкая цепочка с птичкой, словно слабый крик в ночи, когда Роуз ее растянула.

Она сняла ожерелье и швырнула его в кусты.

– И ты от своего избавься, Фрэнсис.

Я и правда об этом подумывала. Но мы с Эмили и Роуз так тесно были связаны общей историей... Конечно, эта связь истончалась, но я решила напомнить Роуз, что не все еще потеряно.

– Мы ведь знаем Эмили, Роуз. Задумайся, когда она ведет себя вот так...

– Раньше она никогда себя так не вела, – оборвала меня Роуз.

– Верно, но вела себя почти так. И ты ведь знаешь, из-за чего. Вряд ли сейчас что-то изменилось.

Фиона Спарроу, мать Эмили, всегда была настоящей красавицей и при этом следовала традициям. Она многого ожидала от дочери. Отец Эмили был членом городского совета. В общем, идеальная семья, на которую все хотели произвести впечатление.

Старшая сестра Эмили в пятнадцать лет сбежала в Лондон, и ее имя никогда больше не произносили в доме. С Эмили обращались как с единственным ребенком, но третиная, которую оставила ее сестра, означала, что Фионе еще более страстно хотелось добиться успеха с Эмили, раз со старшей дочерью она потерпела неудачу. Фиона контролировала каждый шаг Эмили, выбирала для нее одежду и наряжала как живую куклу.

Даже в темноте я заметила, что Эмили до сих пор носит туфли на каблуке, как у матери, и чулки со швом сзади, каких теперь уже не сыщешь в магазине. Я была в брюках-дудочках и чувствовала себя модницей, потому что нашла ткань в клетку (подкладку от дождевика с распродажи) и сшила их по фото в журнале. Мне помогала мама, и мы много смеялись, когда резали плащ на куски, чтобы сделать из него брюки в стиле Одри Хепберн.

Вдруг Эмили посмотрела на меня, как будто прочла мои мысли, и это было немного пугающе.

Я вспомнила, как нам было по десять лет и я решила заскочить к Эмили. Тогда наша дружба была такой простой. Летом мы делали тарзанку над рекой Димбер, а в августе объедались ежевикой. Мы верили, что дикие кролики, выскакивающие из живых изгородей, умеют говорить и что мы можем приручить их. А Эмили всегда придумывала самые лучшие игры, фонтанируя идеями.

Наверное, в определенном смысле именно я сняла с Эмили все маски, слой за слоем. Может, она винит меня в этом?

В тот день их входная дверь была распахнута настежь, чтобы поймать хоть намек на ветер в удушливом летнем зное. Эмили держала на голове книги, как будто училась в выпускном классе, и при этом пыталась расставить чашки, но недостаточно тихо, по мнению Фионы. Слова Фионы разнеслись по комнате с громким шипением:

– Если ты не способна делать даже такие элементарные вещи, в тебя никто не влюбится! Ты навсегда застрянешь в Касл-Нолле, в этой жизни! Ты красива, Эмили, пока все не испортишь, открыв рот. Красота – твоя единственная валюта, потому что все остальное в тебе заурядно. Ты должна научиться использовать свою внешность, чтобы не опозорить семью.

Чашка снова звякнула, потому что у Эмили слишком тряслись руки.

Фиона смахнула со стола весь чайный сервиз, и он разбился об стену, засыпав пол осколками. А Эмили просто молча сидела и смотрела.

– До конца дня будешь склеивать чашки и размышлять о своей неуклюжести, – прорычала Фиона. – Мужчины из приличных семей не женятся на нескладных девицах. С такими манерами ты и Фойла не завлечешь, не говоря уже о Грейвсдауне.

Эмили опустила на колени и начала подбирать осколки. Меня затопило негодование, и я сжала кулаки. Фиона сидела ко мне спиной, но Эмили стрельнула глазами в мою сторону. Ей было больно и стыдно, а потом на ее лице появилась злая решимость. Она почти незаметно покачала головой, как бы говоря: «Не смей вмешиваться, Фрэнсис».

И я не стала.

Но после того случая Эмили начала предлагать все более мрачные и опасные игры. Не сразу, постепенно, и сперва это даже захватывало. Когда мы были подростками, Эмили выдумывала лучшие страшилки, мы вызывали призраков или занимались черной магией. Шпионили за жителями городка и сплетничали, узнавая их тайны, пусть и наполовину выдуманные. Но никому не причиняли зла и не обижали друг друга.

– Нельзя винить Фиону во всем, что делает Эмили, – сказала Роуз. – Ее же с нами нет, Эмили сама принимает решения.

– Может, и так, – согласилась я. – Но порой мне кажется, Эмили играет с нами, только чтобы ощутить, что сама контролирует свою жизнь и Фиона до нее не дотянется. Или наказывает нас за то, что мы слишком много знаем.

Тедди сидел молча, тактично притворившись, что сосредоточенно разглядывает облака над головой. Лунный свет подчеркивал их неровные края в темноте. Кто-то крикнул нам, чтобы поторапливались, и мы пошли по лужайке, а в воздухе повисли невысказанные мысли об Эмили.

Когда мысок моей туфли задел ожерелье Роуз, я решила, что это знак свыше, и вытащила его из травы.

– Ты же знаешь, что тебя предаст птица, Фрэнсис, – мягко произнесла Роуз, когда я попыталась вернуть ей цепочку.

Она отказалась ее брать, и тогда кулон взял Тедди.

– Я думала, ты не веришь в предсказание, – сказала я.

– Начинаю верить.

По моей спине пробежал холодок. Мне хотелось поддержать Эмили, несмотря на ее ужасное поведение, но предсказание подтачивало мое доверие ко всем и вся вокруг.

Крейн, Спарроу, королевы на шахматных досках, банкноты и игральные карты... Похоже, я не справлюсь самостоятельно. Мне нужна помощь. Я почувствовала себя ужасно, чудовищно одинокой.

И тут я подумала: Форд. Форд умеет планировать. Он знает, как играть и выигрывать. И после этого я уже не могла не думать о нем.

Глава 16

Саксон подходит к столу и, слегка приподнимая брови («Не возражаете?»), берет папку. Детектив кивает, и Саксон несет папку обратно к остальным. Полагаю, всем нам положено знать о результатах вскрытия, а Саксон обладает нужными навыками, чтобы в них разобраться.

– Каким образом вскрытие произвели так быстро? – спрашиваю у Крейна.

– Вместе с доктором Овусу работал коронер из соседнего графства, он как раз не был занят. А их лаборатории справляются быстрее, чем в Сэндвью. Вскрытие занимает всего часа четыре. Задержка происходит из-за того, что приходится заполнять кучу бумаг и ждать результаты из лаборатории. Но в этом случае все нужные люди были свободны, так что получилось быстро.

– А, ясно. Так что же с ней случилось, если дело не в болиголове? Тот букет... Доктор Овусу сказала, что болиголов смертелен при попадании в кровь, а все ладони тети Фрэнсис были порезаны.

Решаю отодвинуться от Саксона, который что-то бормочет себе под нос, а Эльва нависает над его плечом. Я подхожу к Крейну, вернувшемуся к своему месту у окна. Мистер Гордон стоит у стола, давая понять, что давно уже обо всем знает.

– Ее убил не болиголов. Похоже, это случайное совпадение, – произносит Крейн.

– Случайное? Даже если букет ее не убил, то явно мог убить. А значит, это относится к делу.

Крейн чуть наклоняется ко мне и касается моего локтя.

– Я этим занимаюсь, Энни. Позвольте мне выполнять свою работу, – отвечает он с обезоруживающей настойчивостью.

Вдруг я осознаю, что именно это он и делает – обезоруживает. Тетя Фрэнсис умело создала осиное гнездо, стравив нас друг с другом, чтобы мы разгадывали ее убийство. Мы начнем путаться у него под ногами, и, чтобы ни случилось... ему трудно будет сохранить лицо.

Тикающие часы уже перегрузили мой мозг, и я с трудом соображаю. Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. По завещанию, у меня неделя, чтобы все выяснить, но на самом деле и у меня, и у

Саксона ровно столько времени, сколько для этого понадобится другому.

Теперь у меня несколько причин стремиться к победе.

Если я найду убийцу, маме останется дом в Челси. Дом, в котором она всегда была счастлива и получала вдохновение. Переезд может нарушить творческий процесс, ведь именно там она создала свои ранние работы, пользовавшиеся успехом. Если дом заберет Эльва, это разобьет сердце и мне, и маме.

И я не могу допустить, чтобы Оливер и «Джессоп филдс» уничтожили поместье Грейвсдаун, понастроив тут парковки и кинотеатры. Грейвсдаун-холл, может, и пощадят, как здание исторического значения, но, безусловно, продадут какой-нибудь сети отелей. А лес наверняка срубят, чтобы застроить домами. Конечно, я понимаю, что людям нужны квартиры, но уверена, для строительства есть и более подходящие места.

Но самое главное – я хочу разгадать загадку. Ведь меня вызвали сюда именно для этого. Требуется моя помощь. Моя. Энни Адамс, начинающей писательницы детективов. И у меня есть чувство, что здесь что-то случилось. Не только вчера с тетей Фрэнсис, но и вообще за последние десятилетия.

– А что будет, если первым раскроет убийство детектив Крейн? – врезаются в мои мысли протяжные слова Оливера.

Саксон вскидывает голову, и все смотрят на мистера Гордона.

– Если первым убийство раскроет детектив, поместье будет продано с помощью Оливера.

Лицо у мистера Гордона мрачное, как будто внутри грохочет буря и он всеми силами пытается ее сдержать. Касл-Нолл – его дом, и, насколько я поняла, внук всячески старается проводить здесь как можно меньше времени. Сильно сомневаюсь, что мистер Гордон обрадуется, если на земле Грейвсдауна появится жилой квартал или автомагазин.

– Итак, – медленно произносит Оливер, – у меня есть выбор – занять сторону детектива или...

– Мы не команда, – в ту же секунду прерывает его Крейн.

– Или просто сидеть и ждать, пока эти двое не справятся, – продолжает Оливер, не обращая на него внимания.

Мы с Саксоном переглядываемся, и я понимаю, что до него наконец доходит: мы соревнуемся не только друг с другом, Оливер и детектив Крейн тоже имеют профессиональные ставки в этой игре. Оливеру нужно, чтобы у нас ничего не вышло, а Крейн не хочет, чтобы мы мешали расследованию. А мы помешаем. Самое логичное для нас с Саксоном – скрывать от полиции любые существенные находки. Я снова смотрю на Крейна и понимаю, что он давно за мной наблюдает. У меня такое чувство, будто он всегда на пять шагов впереди, и от этого мне становится не по себе. В его распоряжении ресурсы полиции, и к тому же он слишком обаятелен. На его месте я попыталась бы привлечь на свою сторону одного из нас, и, уверена, это будет не Саксон.

От стольких переменных голова идет кругом. Мистер Гордон тоже не вполне нейтрален. В голове всплывает дневник в зеленой кожаной обложке, который я вчера взяла, надо прочитать его при первой же возможности.

Решительно сжимаю зубы. Мне нужен блокнот, все это следует записать. Хорошо, что я взяла с собой несколько пустых блокнотов.

Я снова чувствую прикосновение Крейна к своему локтю, детектив наклоняется и спрашивает:

– Все в порядке?

– Никто не пострадал, и я не собираюсь падать в обморок, – шиплю сквозь зубы.

– Просто хотел проверить.

Оливер наблюдает за нами холодным и расчетливым взглядом. Когда я стою между ними, мне кажется, что именно меня считают слабым звеном. Энни Адамс, недавно уволенная помощница администратора, начинающая писательница (по вечерам). Склонна к обморокам в самый неподходящий момент. Дочь Лоры, современной художницы, оторвавшейся от реальности.

Саксон подходит с результатами вскрытия и протягивает мне папку. Как и я, он взвешивает положение, но его лицо непроницаемо.

– Ее план почти гениален. Конечно, мне это ненавистно, но игра отличная. Дядя Форд гордился бы Фрэнсис.

С другой стороны, если я не смогу раскрыть убийство, Саксон, вероятно, лучший из вариантов. Пожалуй, я могла бы договориться с ним, если он победит, и попросить оставить нам дом в Лондоне.

Конечно, я настроена приложить все усилия, но надо рассматривать любой исход. Отдать землю застройщику – самый ужасный из вариантов. Вот оно, еще одно проявление гениальности тети Фрэнсис.

Вся деревня с готовностью поделится с нами информацией, как только жители узнают, что случится, если у нас не получится. Ну, не считая убийцы, конечно же. Но тетя Фрэнсис отлично все продумала. Даже те, кто до сих пор сомневался, теперь воспримут ее всерьез.

Я смотрю на папку в руках.

– Так что же произошло? Как она умерла? – тихо спрашиваю я.

Крейн берет из моих рук пару страниц. Он вопросительно смотрит на меня, и я снова злюсь, как вчера, когда он слишком мягко обращался со мной после обморока.

– Я справлюсь, – я сердито смотрю на него.

– Ее отравили, но способом, который почти не оставляет следов. К счастью, доктор Овусу очень дотошна, потому что Фрэнсис была ее пациенткой, и заметила то, что другие пропустили бы.

– Какой яд почти не оставляет следов?

– Тот, который на самом деле не яд. Доктор Овусу колола Фрэнсис курс витаминов. У Фрэнсис был дефицит витамина В₁₂, и просто таблеток было недостаточно. Но некоторые витамины и минералы в больших дозах смертельны.

– Что, и витамин В₁₂?

– Нет, например железо. Именно оно и вызвало сердечный приступ. Уровень железа в крови Фрэнсис был смертельным, и доктор Овусу обнаружила на теле Фрэнсис следы нового укола – видимо, кто-то вколол ей железо. Но возникает вопрос: такую дозу железа не так-то просто найти. В обычном кабинете врача нет таких инъекций.

– Тогда откуда оно взялось?

Крейн кладет бумаги обратно в папку, которую я по-прежнему держу открытой в руках.

– Это мы и пытаемся выяснить.

Саксон вдруг торопится к выходу. Он бросает взгляд на Эльву, и она присоединяется к нему. Перед уходом Саксон поворачивается ко мне:

– Энни, я дам вам фору, чтобы уравнять шансы.

Его улыбка кажется искренней, но она более сдержанная, чем при знакомстве.

– С чего бы это? – спрашиваю я.

Не представляю, как будут развиваться наши отношения. Станем ли мы противниками, борющимися за наследство? Или напарниками по команде, заключившими сделку о разделе имущества, чтобы увеличить шансы вырвать его из лап Оливера и «Джессоп филдс»?

– Раз уж вы здесь новичок и не знаете деревню, как знаю ее я, это будет справедливо, – ровным и деловым тоном отвечает он.

Похоже, Саксон принимает игру всерьез, и мы резко стали соперниками. Но он хотя бы собирается играть честно, и я уверена, что Эльва так не поступила бы.

Саксон похлопывает по папке с результатами вскрытия, которую я держу в руках.

– Крейн прав, ни один терапевт не хранит в кабинете такие дозы железа. Но кое-кто в поместье Грейвсдаун хранит.

– Что-что? – пораженно моргаю я, потому что не представляю, кого имеет в виду Саксон.

– У Миюки, подруги Бет, ветеринарная клиника на ферме Арчи Фойла. Судя по данным вскрытия, Фрэнсис вкололи лошадиную дозу железа.

Глава 17

Записи из Касл-Нолла, 26 сентября 1966 года

Когда нас прогнали из городского парка, мы набились в машину Уолта, а Эмили села за руль. Если б вела машину не она, возможно, мы оказались бы где-нибудь в другом месте, но она привезла нас к той дыре в заборе на краю поместья Грейвсдаун.

– Если мы получили разрешение гулять в этом лесу, то зачем красться через забор как воры? – спросила я.

– Красться как воры, – музыкально хохотнула Эмили. – Говоришь прямо словами моей бабушки.

– Оставь в покое Фрэнсис, Эм, – устало сказал Джон.

Я сидела у него на коленях, потому что в машине Уолта было всего три места на заднем сиденье, а Роуз и Тедди пока находились на той неуклюжей фазе отношений, когда ходили вокруг да около в ожидании, что будет дальше. Я точно знала, что Роуз лишилась девственности с Арчи Фойлом на этом самом заднем сиденье, и гадала, слышал ли эту сплетню Тедди. Такого рода сведения Эмили выбалтывала при первом удобном случае, только чтобы посмотреть, к каким неприятностям это приведет.

Роуз хотела поладить с Тедди, она всегда говорила, что мы с ней найдем лучших парней в Касл-Нолле, а потом одновременно выйдем замуж и родим детей. Эмили уедет в Лондон, где будет блистать, а мы останемся и будем спокойно жить в Касл-Нолле.

– А я не собираюсь гулять по лесу, – заявила Эмили. – Я же говорила, у меня есть доказательство того, что Форд убил свою жену.

Она улыбнулась как Чеширский кот, а я почувствовала себя Алисой в кроличьей норе, очутившейся в мире, правила которого знают все, кроме меня.

– Похоже, ты с ним на дружеской ноге, – съязвила я, и Роуз бросила на меня суровый взгляд. – Вообще-то, Эм, я не удивлюсь, если выяснится, что ты уже бывала у него дома.

Мне было интересно, будет ли она отнекиваться, а Роуз застыла с тревогой на лице. Наверное, вот так дразня Эмили, я подставила

Роуз, но вообще-то это Форд рассказал мне, что они гуляли тут без меня, и, если придется, я выложу это Эмили.

Улыбка Эмили стала только шире.

– А как прошла твоя встреча с Фордом, Фрэнни? Он принес тебе чай и учил играть в шахматы? И предупредил, что твои друзья опасны?

Меня как будто окатили ледяной водой. Я не рассказывала друзьям подробностей того, как провела тот час в поместье, сообщив только, что поболтала с Фордом и Саксоном, а потом ушла.

Я пыталась придумать ответ, но застыла с открытым ртом, словно у меня закончился воздух. Джон крепче сжал мою руку, и у меня возникло странное чувство, будто меня застучали за чем-то нехорошим.

– И что ж это за доказательство? – наконец спросила я, не проглотив ее наживку. – Что Форд убил свою жену. Ты хотя бы знаешь, как ее зовут?

– Конечно, знаю. Оливия Грейвсдаун. Я покажу доказательство, но только когда мы проникнем на заброшенную ферму. Это нужно увидеть.

Уолт раздраженно застонал и положил руку на сиденье за головой Эмили.

– Да брось, Эм! Что нам делать в какой-то развалюхе? Здесь гораздо веселее. И Форд сказал, чтобы мы туда не ходили. Фактически назвал это место смертельной ловушкой.

– И почему же, по-твоему, он так хотел отвести нас оттуда? Неужели тебе не хочется узнать, что он там скрывает? Я уверена, что свою мертвую жену.

– Ты вечно преувеличиваешь, Эм, – вздохнула Роуз. – Но мне хочется хоть раз увидеть, как ты выставишь себя душой. Давайте сходим в этот прогнивший старый дом, где нет ничего, кроме крыс и твоих выдумок.

– Ого, Роуз, когда это ты успела стать такой смелой? – воскликнула Эмили.

Но выглядела она довольной, словно Роуз сыграла нужную роль.

Роуз не ответила. Но когда Эмили припарковала машину и все вышли, они с Роуз уставились друг на друга в молчаливом поединке.

Роуз первой отвела взгляд и начала протискиваться сквозь дыру в заборе.

Пока мы пробирались по лесу, начался дождь, и нам пришлось со всех ног бежать по лужайке к северной части поместья, где оно граничило с фермой. Дом стоял черным пятном в ночи, скрючившись на берегу реки как жаба.

Когда мы подошли ближе, я с удивлением обнаружила, что он вовсе не развалился, просто выглядел жутковато, будто населен призраками. Для фермерского дома он был довольно большим и построен из белого камня с ближайшего карьера. Но так зарос мхом и плющом, что выглядел почти полностью зеленым. Дверь не была заперта, и внутри дом оказался совсем не таким, как я представляла. Эмили достала карманный фонарик, и все, кроме меня, отряхнули капли дождя с пальто. А я дрожала в сырых свитерах, глядя на самодовольную Эмили в моем пальто.

Но все-таки удивительно, что здесь не было ни сломанных окон, ни гнилых полов. Дом отлично сохранился и совершенно не казался опасным. Почему Форд не хотел, чтобы мы сюда приходили?

– Тут кто-то живет, Эмили, – прошептал Джон, когда мы на цыпочках вошли внутрь.

И он был прав – дом не пустовал. Хорошая мебель, лампы, часы, даже фарфоровые тарелки в серванте. Как будто кто-то просто вышел и с минуты на минуту должен был вернуться.

– Нам здесь не место, – сказала Роуз.

Я чувствовала то же самое – все изменили свое мнение об этом доме, как только переступили порог. Все, кроме Эмили.

– Погодите, – отмахнулась она и повела нас дальше.

Свет фонарика отражался от зеркал под странными углами. Эмили провела нас в кабинет, и я поняла, отчего он пробудил в ней мрачные фантазии. Комната была полностью разгромлена, как будто кто-то в ярости объявил войну самим стенам.

Весь пол был усыпан осколками стекла от разбитых фотографий, книги свалены в кучи, а стулья разбиты в щепки. Оторваны были даже полосы обоев, и я живо представила нож, которым это сделали – каждый его взмах остался на стенах навечно, как жестокие отпечатки пальцев.

– Вот где он ее убил, – произнесла Эмили мелодраматичным тоном.

Роуз вытащила фотографию из разбитой рамки и, наморщив лоб, попыталась разглядеть изображение на ней.

– Это дом Арчи, – тихо сказала она. – И здесь никого не убивали, Эмили. Арчи сказал мне, что семью выселили. Он никогда не говорил, что жил именно здесь, только что жил на ферме. А когда ушел отец, Арчи оказался в приемной семье.

– Погодите, так кто это? Проньера Арчи? – спросил Тедди.

– О да, у Роуз были романы с плохими парнями. Мне жаль, Тед, – проворковала Эмили. – А семью выселили, потому что отец Арчи был пьяницей и игроком и завел роман с женой Форда. Форд сам мне сказал, что разгромил несколько комнат в доме, чтобы выплеснуть ярость, после того как вышвырнул обоих из поместья. Но думаю, он не только разгромил дом.

– Ничего ты не знаешь, – огрызнулась Роуз. – Просто все выдумала, хотя на самом деле понятия не имеешь, о чем говоришь.

– Вот как? – отозвалась Эмили с невинным личиком. – Я нравлюсь Форду. Он сказал, что может мне довериться.

Лицо Уолта помрачнело.

– Мне нужен воздух, – сказала Роуз.

– Я с тобой, – я взяла ее за руку, когда она пошла к двери.

Дождь не закончился, но теперь просто моросил.

– Роуз, – осторожно начала я, – у тебя правда были чувства к Арчи Фойлу?

– Вообще-то нет, – медленно выговорила она. – В смысле, да, но больше из жалости, у него такая унылая жизнь. Ему пришлось нелегко. Но я понятия не имею, что здесь произошло.

– А я знаю, – прорезал темноту голос Саксона.

– Саксон! Господи, ты меня напугал! – прошипела я. – Тебе правда нравится выскакивать как черт из табакерки, да?

– Простите, – сказал он так, как будто и впрямь раскаивался. – Но вы не должны были сюда приходить. Это не опасно, дядя солгал, но здесь для него слишком много личных воспоминаний. В общем, лучше уходите, пока он не узнал, что вы здесь были. У него есть удивительная способность узнавать обо всем, что происходит на нашей территории.

– Я вытащу оттуда Эмили, – сказала я. – А остальные пойдут за ней. Роуз, подожди здесь с Саксоном, а потом мы отведем его домой.

Саксон многозначительно посмотрел на нас.

– Прежде чем вы уйдете, давайте сыграем в игру.

– Саксон, ну в самом деле! У нас нет времени на игры, – сурово произнесла я.

– Для этой время найдется. Она очень простая, – с непроницаемым выражением лица заявил Саксон. – Она называется «Секрет в обмен на секрет». Я рассказываю секрет вам, а вы мне другой взамен.

– Ни у кого из нас нет секретов, – заметила Роуз.

– Она права, и могу поспорить, ты знаешь в пять раз больше секретов, чем мы, ведь ты постоянно шпионишь.

Саксон ухмыльнулся, потому что, конечно же, дело было именно в этом – еще в прошлую встречу его распирало от желания поделиться сплетнями, нужен был только предлог.

– Ну ладно, Саксон, я расскажу тебе секрет, – вздохнула я. – Но ты первый.

– У вашей подруги Эмили есть вот такущий секрет. – Он подчеркнул свои слова, изобразив огромный живот. – Она получила этот секрет от вашего приятеля, прямо тут, в лесу.

Глава 18

– Повтори еще раз, – просит Дженни.

Я сижу на кровати в своей комнатушке, снова во вчерашних джинсах и футболке. Я дополнительно побрызгалась духами, но скоро они перестанут помогать, и надо будет принять ванну и найти новую одежду.

Я уже устала объяснять, в каком странном положении очутилась, поэтому просто утомленно фыркаю и говорю:

– Я участвую в игре по расследованию убийства тети Фрэнсис.

– Так. Это я поняла. Но меня смущают секреты в папках и почему ты не открыла папку своего отца.

Я смотрю на две папки, лежащие передо мной на кровати.

– Честно говоря, – медленно произношу я, – мне интереснее, что в папке Крейнов. Я просмотрела первые страницы папки Сэма Арлингтона, и он выглядел незнакомцем. Там были банковские счета, налоговые документы, вероятно, доказывающие, что он крутил роман, когда мама была беременна, но все это касается мамы. Может, меня это и заинтересовало бы на каком-то жизненном этапе, но сейчас лучше сосредоточиться на том, кто убил тетю Фрэнсис.

– Ну ладно, согласна, – отвечает Дженни и меняет тему: – Ты же любитель детективов, так с чего начнешь? Подозреваемые? Мотив? Я могла бы стать твоим доктором Ватсоном, если б обладала хоть какими-то полезными навыками в этом деле, но боюсь, самое большее, на что я способна, это воспроизвести сцену убийства в миниатюре, если тебе вдруг понадобится.

– Если б речь шла о герметичном детективе, точно понадобилось бы.

– Что ж, если из просмотра телевизора и можно что-то почерпнуть, так это то, что процент убийств в маленьких деревушках непропорционально высок. Так что держи меня в курсе, потому что ты наверняка еще столкнешься с загадкой запертой комнаты.

– Я просто предупреждаю, что с этого момента буду принимать любые предсказания будущего всерьез, – говорю я. И это только наполовину шутка. Предсказание тети Фрэнсис неотступно меня преследует. – И кстати, неплохо для начала мыслить как детектив из

телесериала. В большинстве детективных сериалов сразу после смерти жертвы сыщик задает несколько стандартных вопросов. С некоторыми вариациями. Например: «У нее были враги?» и «Было ли что-то странное в ее поведении накануне убийства?», а еще «Кто последним видел ее живой?»

– Ага, и «Кто нашел тело?» – возбужденно добавляет Дженни.

– Да, хороший вопрос. Если начнем отсюда, то это Эльва, мистер Гордон, Оливер и я. Но теперь мы знаем, что тетя Фрэнсис умерла от инъекции железа, а не от отравления розами, поэтому маловероятно, что ее убил кто-то из них. Однако Эльва и Оливер опоздали, а, учитывая время смерти... от поместья Грейвсдаун до деревни пятнадцать минут езды, времени мало, но все возможно.

Я умолкаю, копаясь в рюкзаке в поисках ручки и блокнота, и вытаскиваю блокнот с подходящей иллюстрацией на обложке – лесными грибами. Чтобы действовать методично, я записываю все имена и вычеркиваю мистера Гордона, отметив на полях причину. Что-то по-прежнему беспокоит меня насчет букета, поэтому на обороте страницы под заголовком «*Вопросы без ответов*» я пишу: «*Цветы – кто их прислал и почему?*»

– А что насчет собственного расследования Фрэнсис? – спрашивает Дженни. – Кого она подозревала в своем убийстве?

Вспоминаю схему тети Фрэнсис, всю расчерченную цветными линиями, идущими к разным фотографиям. Она подозревала, что у всей деревни есть причины желать ей смерти, хотя совершенно упустила из виду, что именно ее подозрения и бесконечные попытки обнаружить чужие секреты и могли послужить причиной для убийства.

Мне приходит в голову, что Оливер вызывает еще больше подозрений, ведь он встречался с Фрэнсис за завтраком, когда они обсуждали возможную продажу поместья «Джессоп филдс».

– Мне надо еще раз взглянуть на схему расследования убийства, – говорю я. – И сфотографировать ее, она пригодится.

– Сначала составь собственный список, – предлагает Дженни. – Тогда ее паранойя не повлияет на твои выводы.

– Легче сказать, чем сделать. Ее паранойя довела кого-то до убийства, и самое полезное, что я могу предпринять, – это разобраться, что было у нее в голове.

Возникает дружеская пауза, и я записываю еще несколько имен потенциальных подозреваемых. Я уже узнала фамилию Роуз после встречи с ее сыном Джо, а Бет и ее подругу Миюки нахожу в Гугле по названию клиники. Верхняя часть моего списка такова:

~~Уолтер Гордон~~
Оливер Гордон
Эльва Грейвсдаун

Я зачитываю Дженни следующие имена в списке:

– Саксон Грейвсдаун, Арчи Фойл, Бет Фойл, Миюки Такага, детектив Роуэн Крейн и Роуз Лерой.

– Не хочу сообщать очевидное, но если Серебристый лис Саксон сказал тебе, что поставщиком железа, скорее всего, была Бет, я сразу усомнилась бы, что это она, – говорит Дженни.

– Он сказал, что играет по-честному.

– Ну-ну. Конечно, ведь вполне естественно играть по-честному с родственницей из Лондона, с которой никогда не встречался и которая может отобрать дом твоего детства, – язвит Дженни.

– Ну ладно, ладно, – сдаюсь я. – Признаю, нельзя верить Саксону на слово. Но мы по крайней мере знаем, что во время убийства он возвращался на пароме из больницы Сэндвью. Когда детектив спросил, может ли Саксон подтвердить свое местонахождение, он даже показал билет.

Дженни издает стон.

– Ты что, так ничему и не научилась после Эндрю?

Я тут же понимаю, о чем она. Эндрю вместе со мной и Дженни изучал искусство в колледже Святого Мартина, и на первом курсе я без памяти в него влюбилась. В конце концов я обнаружила, что он встречается с другой и врет мне, показывая парковочные квитанции, когда якобы ездил «на работу». Да, он оплачивал парковку, но его машина стояла в другом месте.

– Если у Саксона был билет, это еще не значит, что он им воспользовался, – медленно произношу я.

– Вот именно, – соглашается Дженни.

При воспоминаниях об измене Эндрю мысли снова возвращаются к лежащим передо мной папкам.

– Кстати, об изменах. Хочешь узнать, кого из Крейнов тетя Фрэнсис подозревала в неверности?

– А я-то гадала, почему сексапильный детектив попал в список подозреваемых.

– Я никогда не употребляла такого прилагательного, – ровным тоном заявляю я.

– Да. Я просто немного приукрасила.

– Ну так можешь отложить свои краски.

Я открываю папку, и из нее выпадает стопка бумаг. Здесь все – от квитанций за номера в гостинице «Касл-хаус» до фотографий во время слежки. Я тут же узнаю Реджи Крейна, таксиста и отца детектива: поздно вечером он сидит в машине с блондинкой. Похоже, они ссорятся, причем это не банальная ссора из-за какой-то ерунды.

Листаю дальше и натываюсь на более старые документы. И тут вздрагиваю, узнав на фотографии маму. Это вырезка из газеты, когда мама впервые попала в прессу. Она на каком-то приеме, а рядом с ней Реджи Крейн в пиджаке с тремя пуговицами, по ужасной моде девяностых.

Больше в папке нет ничего, касающегося мамы и Реджи Крейна, но я помню, как он сказал, что они встречались, будучи подростками. Когда закончится суэта с новой выставкой, я спрошу маму о нем.

– Ау, ты еще там? – разносится эхом голос Дженни из телефона.

– Да, прости. – Я возвращаюсь к началу папки и замечаю, что случайно пропустила первые страницы. А там буквально вопят слова **«прекратите противоправные действия»**, написанные жирным шрифтом. – Просто... я нашла гневное письмо, в котором тете Фрэнсис угрожают судом, если она не оставит в покое семью Крейнов.

– Дай угадаю, озлобленный таксист попытался получить судебный запрет, а когда твоя тетя не остановилась, решил взять дело в свои руки, чтобы заставить ее замолчать?

Я морщусь.

– Письмо не от Реджи. А от детектива Роуэна Крейна.

– Хм. Но ты сказала, что детектив выглядел искренне опечаленным, когда узнал о смерти Фрэнсис. И вроде говорил, что она ему нравилась, да? – уточняет Дженни.

Я чувствую, как лоб прорезают мелкие морщинки разочарования.

– Судя по тону письма, похоже, он солгал.

Я рассеянно подчеркиваю имя детектива Крейна в блокноте, и внимание снова привлекает заголовок *«Вопросы без ответа»*.

– Те цветы, – говорю я. – Это не может быть совпадением. Их прислали с очевидной и ужасной угрозой.

Я не могу избавиться от мысли, что цветы так или иначе связаны с убийством. И если чутье меня не подводит, к списку подозреваемых следует добавить еще одно имя.

– Викария зовут Джон, как его там, – бормочу я. – Я добавлю его в список подозреваемых, поскольку мистер Гордон сказал, что тетя Фрэнсис каждую неделю составляла букеты для церкви, а Крейн упомянул, что у нее с Джоном когда-то были отношения.

Слышу на другом конце линии фоновые голоса и догадываюсь, что перерыв на кофе окончен. Я быстро вношу викария Джона в список.

– Мне пора возвращаться к работе, – говорит Дженни. – Но ты должна постоянно держать меня в курсе, хорошо? Я серьезно насчет доктора Уотсона.

– Обещаю, – говорю я и завершаю разговор.

Но из своих мыслей не выныриваю, потому что слово «доктор», которое произнесла Дженни, напоминает о том, что к списку подозреваемых следует добавить новые имена. Вспоминаю визит к доктору Овусу и расписание ее приемов. Предположим, тетя Фрэнсис пришла на назначенный прием, тогда доктор начинает выглядеть подозрительно. Не могу представить причину, по которой доктор Овусу желала убить тетю Фрэнсис, но, если достаточно долго копаться в записях тети Фрэнсис, они, вероятно, обнаружатся.

Я дописываю:

Доктор Эси Овусу

Магда (из «Скорой»)

Джо Лерой (из «Скорой»)

Я хочу узнать фамилию викария Джона и открываю браузер на телефоне, чтобы поискать там. На сайте церкви есть фотография с подписью *«Джон Оксли»*. Он стоит перед открытой дверью церкви и улыбается, словно приглашая войти. Выглядит он подтянутым и безупречным, как и положено священнику. На фотографии он крепко

сжимает Библию, а одежда чистая и выглаженная, как у доктора. Очки в тонкой металлической оправе и аккуратно причесанные седые волосы создают впечатление, что у этого человека есть любимое кресло.

Я подумываю завести для каждого человека из списка отдельный блокнот, как для персонажей романа. Пододвигаю стопку блокнотов ближе и перелистываю один в пробковой обложке. И вдруг замечаю в стопке зеленую тетрадь, которую вчера украла. Осторожно вытаскиваю ее, стараясь не возлагать на нее слишком много надежд. Я знаю, там что-то написано про Уолта, но все остальное может быть посвящено определению цветов или гороскопам.

Но это не так. Заголовок на первой странице гласит: «Записи из Касл-Нолла, 10 сентября 1966 года». А начинается она так: «*Я пишу это, потому что знаю – наверняка видела то, что может иметь значение в дальнейшем*». Прочитав всего две страницы, я уже замороженно сжимаю тетрадь, заполненную витиеватым почерком подростка. Час спустя я все еще читаю. Я одолела около трети – Саксон только что сообщил о беременности Эмили, – и тут меня отвлекает телефонный звонок.

К этому времени я уже несколько раз подчеркнула одно имя в моем списке: **Джон Оксли**. Сейчас мне кажется, что из всех подозреваемых у него был самый серьезный мотив.

Я забыла задать еще один вопрос: *почему сейчас?* Фрэнсис, вероятно, доставала всех своими расследованиями с тех пор, как услышала предсказание. То есть последние шестьдесят лет.

Так что же случилось совсем недавно и наконец привело к судьбе, которую готовили ей шестьдесят лет?

Глава 19

Записи из Касл-Нолла, 26 сентября 1966 года

Саксон изобразил живот беременной во второй раз, чтобы я уж точно поняла.

Я вытаращила глаза и сжала зубы, но сохранила самообладание. Все это может оказаться враньем. Однако Роуз окаменела, но явно не удивилась, поэтому я взяла себя в руки и сказала:

– Ну ладно, это мы выясним.

Я пошла обратно в дом, в разгромленный кабинет, где Эмили завладела вниманием остальных, рассказывая очередную смехотворную байку.

– Нам пора, – сказала я. – И мне нужно мое пальто.

Увидев позади меня Роуз и Саксона, Эмили застыла с каменным лицом. Мои мысли бешено скакали: я вспомнила, как Джон не хотел отпускать меня вместе с Саксоном в тот вечер, а Эмили язвила насчет опытности Джона с женщинами. Неужели она говорила о его опыте с ней самой? Мне хотелось узнать правду, и немедленно.

Эмили посмотрела мне в лицо и заявила:

– Нет, я оставлю его себе.

– Верни пальто, Эмили, – твердо и яростно повторила я. – Я замерзла.

Мы с Эмили уставились друг на друга, и обе знали, что разговор не о пальто.

– Нет, не замерзла.

Я шагнула вперед и, не осознавая, что делаю, схватилась за шерстяную ткань и стала растягивать пуговицы, пока Эмили кричала мне в лицо. Она обзывала меня самыми ужасными словами, какие только могла придумать, и при этом царапала мне руки, а остальные спокойно наблюдали. Пальто было стильным, но дешевым, поэтому пара пуговиц легко растянулась. В одном кармане лежало что-то тяжелое и, когда пальто распахнулось, это ударило меня по ноге. Мой взгляд метнулся к ее животу.

– Это правда? – заорала я. – Ты беременна? От Джона?

Все остальные попятились и встали за моей спиной.

Эми распрямила плечи, и выпуклый живот стал еще заметнее.

– Наверное, это лишь вопрос времени, когда все станет очевидным, – с полным спокойствием заявила она.

– Какого черта, Эмили?! – рявкнул Уолт, шагнув из-за моей спины к ней. – А ты кормила меня сказками про «женские неприятности», когда вдруг начала отказывать в близости!

– Ты это переживешь, Уолт, – ответила она почти самодовольно, как будто мы только что раскрыли ее превосходный план.

Я тяжело и неровно дышала, глядя на нее.

– Значит, – проревела я, – судя по тому, что Уолт вот-вот тебя задушит, он уверен, что ребенок не от него.

Мои слова прозвучали как барабанная дробь, а горло саднило от ярости и предательства. Я не могла посмотреть на Джона. Просто не могла. Он молчал где-то сзади, как съездившаяся тень, но тот факт, что Джон не попытался ничего сказать в свою защиту, говорил обо всем.

– Мы не были вместе уже несколько месяцев, – произнес Уолт, на его лице отражалась смесь стыда и смятения. – А я как дурак верил, когда она говорила о проблемах со здоровьем, из-за которых плохо себя чувствует и набирает вес. Я боялся, что она теряет ко мне интерес, но думал, все придет в норму. – Его глаза остекленели, а на лице проступали то ярость, то отчаяние, как будто эти эмоции были слишком сильны, чтобы чувствовать их одновременно. – А на самом деле она все это время крутила шашни у меня за спиной. – Взгляд Уолта переместился куда-то за мою спину. – И с моим лучшим другом! – взревел он и шагнул к Джону, но Тедди Крейн преградил ему путь, и это, похоже, немного успокоило Уолта.

– Вот. – Эмили швырнула мне пальто. – Держи свое чертово пальто.

Я схватила его и, поддавшись странному порыву вернуть то, что принадлежит мне, надела. Рука нащупала в кармане холодный металл. Я не поняла, к чему прикасаюсь, пока не вытащила револьвер.

А потом все произошло очень быстро.

Уолт бросился к Эмили – весельчак Уолт, всегда ходивший за Эмили по пятам. Он ударил ее, по-настоящему ударил, а я закричала на обоих и слишком крепко сжала револьвер в потных руках.

Выстрел ударил в стену, оставив в старом доме еще один жестокий шрам.

От кулака Уолта у Эмили потекла кровь из носа, все что-то кричали, но я их не слышала. В ушах звенело так громко, что на глазах выступили слезы.

Я побежала, даже не подумав о том, куда деть оружие. Я задыхалась от рыданий, волосы растрепались и намокли от дождя.

Дверь открыл Форд.

– Давай заходи, – сказал он.

Я ничего ему не рассказала, да и не смогла бы рассказать, даже если б хотела, потому что зубы очень сильно стучали. Форд взял мое пальто и усадил у камина, а экономка принесла полотенце, чтобы высушить волосы.

Форд терпеливо сидел рядом и ждал, пока я успокоюсь. Когда мне наконец полегчало, я начала извиняться и никак не могла остановиться. Все так запуталось! Что я вообще здесь делаю?

Но рядом с Фордом я не чувствовала себя глупо. Он с легкостью перевел разговор на темы, не касающиеся моих друзей. Он показал мне нарды, купленные во время его поездки в Афганистан, и замысловатая инкрустация из разноцветного перламутра гипнотически зачаровывала в свете камина.

– Афганистан, – выдохнула я, проведя пальцем по лакированной поверхности. – Какой он?

– Это прекрасная страна. Еда, люди, потрясающее искусство. Ты любишь искусство, Фрэнсис?

– Я не особо образованна, – призналась я, – если ты об этом. Но люблю узнавать новое.

Я улыбнулась, надеюсь, не совсем печально.

Он вдруг вскинул голову. Вернулась экономка и привела с собой Роуз, а сзади шла Эмили с заплаканным лицом и красными глазами. Эмили икала и выглядела искренне расстроенной. Из носа у нее все еще текла кровь, и она зажимала его рукой, чтобы не запачкать пол.

Ощувив напряжение ярости в руках, я схватила подушку, сжав кулаки. Форд бросился на помощь, увидев только то, что происходило на поверхности: Эмили истекала кровью и плакала, Роуз выглядела потерянной. Он попросил экономку принести теплые полотенца для Эмили и усадил ее и Роуз у камина. Мне он предложил сесть на диван

рядом с собой, и мы впервые оказались так близко. На самом деле не так уж близко – можно было положить руки сбоку, не касаясь друг друга. Но я все равно остро чувствовала, что он рядом. Я сгорала от ненависти к Джону и Эмили, была совершенно раздавлена, но, сидя рядом с Фордом, чувствовала себя увереннее. И от того, как он нас рассадил, у меня возникло странное ощущение избранности. Когда я оглянулась, Роуз и Эмили смотрели на нас, словно на киноэкран.

– А где остальная компания? – спросил Форд.

Его голос звучал непринужденно, но с ноткой угрозы, которую, как мне показалось, я слышала в тот первый вечер. Но когда он посмотрел на Эмили, в его глазах почти блеснул смех. И это сбивало с толку.

Я пожалела, что, пока мы были наедине, не расспросила его об Эмили и ее визитах в Грейвсдаун-холл, вместо того чтобы говорить об Афганистане.

– Тедди поехал на машине Уолта обратно в деревню, Уолт уселся на заднее сиденье, а Джон – на переднее, – сказала Роуз. – Он вернется за нами, как только их отвезет, но вместе нам лучше не ехать, учитывая... возникшую ссору.

– Понятно. – Форд встал, и даже это он сделал элегантно, словно разворачивающийся папоротник. – Пойду проверю, как там Саксон, я слышу, как он шлепает грязными ботинками по коридору. А когда вернусь, мы решим, что вы предпочтете: чтобы я отвез вас в деревню или подождете друзей.

Мы слушали шаги Форда по каменному полу коридора, пока они не затихли.

– Какого черта, Эмили? – наконец рявкнула я. – Зачем ты хочешь заполучить все, что у меня есть? – Я встала с дивана и подошла к ней и хрипло прошептала: – Джон меня любит, по-настоящему любит.

Но тут меня охватили сомнения. А любит ли? В разгар той стычки он молчал.

– Я знаю, что любит, – тихо сказала она.

– Тогда почему? Зачем ты это делаешь? Все это настолько странно... Мои щетки для волос, мое пальто... Одежды тебе оказалось недостаточно? Понадобился еще и мой парень?

Эмили притихла, но неотрывно смотрела мне в глаза.

– Ну так вот, можешь его забрать! – выплюнула я. – И что дальше? Если Джон мне больше не нужен, ты будешь таскаться за мной в ожидании, что я положу глаз на кого-то другого?

Когда она заговорила, от ее улыбки у меня все внутри перевернулось.

– На этот раз, Фрэнни, все будет наоборот. – Она подалась вперед и понизила голос. – На этот раз я первой отхватила лучшего парня. Вот увидишь, я стану хозяйкой поместья.

Она ухмыльнулась, всколыхнув все мои чувства к Форду, и они показались глупыми и мелкими.

– Глупая потаскуха, – выплюнула я. – И кто же отец твоего ребенка?

Эмили промолчала, но ее загадочные слова по поводу моей встречи с Фордом в тот день зазвучали у меня в голове как звон колоколов. Возможно, она уже ответила на этот вопрос.

– Так вы решили, как вернетесь в деревню? – тихо спросил Форд, стоящий в дверях.

Его стальной взгляд был устремлен на Эмили.

– Я предпочла бы, чтобы нас подвез ты, Форд, – ответила Эмили.

– А я подожду Тедди, – сказала Роуз. Во время нашей перепалки она молчала, но что она могла сказать? Это касалось меня и Эмили. И, похоже, так было всегда, даже когда речь шла о щетке для волос. – Хорошо? Не хочу, чтобы он проделал весь путь и обнаружил, что нас нет. Ведь он старается помочь.

– Конечно, Роуз, – отозвался Форд. – Очень предусмотрительно с твоей стороны. Можешь выпить чаю и подождать здесь у камина, если хочешь. Экономка сообщит тебе, когда он придет. – Форд посмотрел на меня. – Фрэнсис, ты останешься с Роуз или поедешь со мной и Эмили?

Как странно было выбирать между двумя самыми близкими подругами. Еще до сегодняшней драмы я всегда выбирала Роуз. Однако сейчас колебалась – я опять очутилась в непрекращающейся игре.

– Я поеду с тобой и Эмили, – ответила я. – На случай, если придется кое-что рассказать, – пробормотала я, больше для Роуз.

Слабое объяснение, но мне надо было как-то оправдать странный порыв во что бы то ни было помешать планам Эмили.

Форд протянул мне шерстяное пальто, а Эмили окинула меня долгим взглядом, когда я накидывала его на плечи. Револьвер по-прежнему лежал в кармане, и если Форд это заметил, то решил промолчать.

Мы вышли под дождь к припаркованному на дорожке «Мерседесу». Эмили машинально потянулась к дверце переднего сиденья, но Форд добрался до нее первым.

– Впереди сядет Фрэнсис, – холодно произнес он.

Я удивленно моргнула, но проливной дождь скрыл выражение моего лица.

– Конечно, – сказала Эмили и провела рукой по округлившемуся животу, небольшому, но уже очевидному под обтягивающим свитером.

Уж не специально ли она так оделась сегодня? Она собиралась сообщить Форду новости и показать, насколько они реальны. В последние недели она носила только расклешенные платья под моим просторным пальто, вероятно, чтобы скрыть изменившуюся фигуру. Но сегодня оделась так, будто хотела, чтобы все увидели живот.

Ее юбку с глубокими карманами и резинкой на талии я хорошо знала, ведь сшила ее собственноручно, потратив на роскошный вельвет последние деньги.

Я не помнила, чтобы одалживала Эмили юбку. Уверена, что не одалживала. Форд уставился куда-то в пространство, а Эмили обошла машину спереди в свете фар, словно специально, чтобы подчеркнуть выпирающий из стройной фигуры живот.

Мы молча тронулись, но когда я посмотрела в зеркале заднего вида на Эмили, она улыбалась.

Глава 20

На экране телефона вспыхивает имя детектива Крейна, и я неохотно откладываю дневник тети Фрэнсис.

– Алло.

– Аннабель. Это Роуэн Крейн.

– Да. – Я улыбаюсь тому, как неуклюже он начинает разговор, но тут вспоминаю его подпись на письме с угрозами. – Чем могу помочь? – спрашиваю с холодком.

– Я возвращаюсь в поместье Грейвсдаун. Не хочу вас волновать, но меня немного беспокоит ваша безопасность. Можете запереть свою дверь?

– Почему? Что-то случилось?

– Я проверил камеры одиннадцатичасового парома, чтобы подтвердить алиби Саксона.

– Дайте угадаю, – говорю я, снова вспоминая обман Эндрю. – Его не было на пароме.

– Не было. Он приехал раньше, и во время убийства Фрэнсис его машину сняли камеры Касл-Нолла.

– Я знала, что он врет.

– Каким образом? – спрашивает Крейн.

– Вижу лжецов насквозь.

Фраза повисает в воздухе, и я надеюсь, что у Крейна возникает приступ вины. Потому что чем дольше я об этом думаю, тем больше мне жаль Фрэнсис, она мне нравится, и я никак не могу представить, за что ей можно угрожать судебным преследованием.

– В общем, я еду. Я допрошу Саксона, но, пожалуйста, не пытайтесь припереть его к стенке, как бы вам ни хотелось получить наследство. Он может придумать какую-нибудь другую причину, по которой сказал Эльве, будто делал вскрытие в Сэндвью. А после убийства ему якобы пришлось придерживаться прежней лжи.

– Почему, например? У него другая женщина?

Сколько измен может быть в такой маленькой деревне? Я отношусь к этому скептически, но, может, я немного наивна.

– Откуда мне знать? Просто ничего не предпринимайте до моего приезда. Заприте дверь и дождитесь меня, хорошо?

И хотя я знаю, что Саксон теперь один из главных подозреваемых в убийстве тети Фрэнсис, мне не нравится, что детектив мне указывает. И у меня не сложилось впечатления, будто Саксон может сделать мне что-то плохое. Все это выглядит как удобный способ помешать мне вести расследование. Крейн, похоже, не хочет, чтобы я бродила по дому и копалась в его секретах.

– По возможности я не стану разговаривать с Саксоном, – уклончиво отвечаю я, потому что под растущими подозрениями теплится крошечная надежда, что Крейн не сделал ничего дурного, только написал то письмо в защиту отца. Пусть моя совесть будет чиста, я не стану ему лгать. Пока что.

Когда он отключается, я убираю ноутбук и прячу дневник Фрэнсис в рюкзак. Выхожу из комнаты в огромный дом, чтобы забрать папки тети Фрэнсис.

В библиотеке я обнаруживаю Саксона и Эльву. Я ощущаю звоночки тревоги, потому что, судя по валяющимся на полу выпотрошенным папкам, мне вряд ли удастся так просто ими завладеть. Похоже, я прибыла к свадебному столу слишком поздно, остались только вялый салат и высохшая картошка.

С моим приходом в воздухе повисает напряжение, но Саксон вежливо здоровается. Эльва полностью меня игнорирует, почти с головой зарываясь в ящик.

Решаю не пытаться отеснить Эльву от ящиков и сосредотачиваю внимание на остальной комнате. Мне интересно, как работал мозг тети Фрэнсис, кого она боялась больше всех. Потому что, читая зеленый дневник, я начинаю узнавать юную Фрэнсис. Но какой она стала в зрелом возрасте? Как девушка с таким острым умом превратилась в женщину с паранойей?

Видимо, началось все с предательства близкого человека.

Первым делом я осматриваю книжные полки, чтобы понять, какой была Фрэнсис незадолго до смерти. Книжные полки – это окно в разум их хозяев. Замечаю книги по астрологии и таро, втиснувшиеся между научными изданиями, словно чудаковатые родственники на семейном сборище. Повсюду фигурки птиц, а по центру полки с энциклопедиями и определителями растений стоит древняя пишущая машинка. Тетя Фрэнсис увлекалась составлением букетов, но жила она убийством.

Я слышу, как Саксон ругается себе под нос, копаясь в папках. И тут замечаю то, что пропустила, когда забирала папки Крейна и Арлингтона. Один единственный ящик заперт на кодовый замок, и Саксон перебирает комбинации, с каждой попыткой раздражаясь все больше.

– Монтировка упростила бы дело, – ворчит он.

Я подхожу к замку и лениво кручу наборный диск.

– Испортить все веселье?

Саксон с прищуром смотрит на меня, но ухмыляется одним уголком губ.

– Я мог бы ответить, что веселье тут неуместно.

Я слегка улыбаюсь в ответ – у меня сложилось впечатление, что он из тех людей, которым разгадка кода доставит удовольствие. Если б в основе не лежали убийство и соперничество, мы с Саксоном составили бы отличную команду. Он совершенно не похож на странного десятилетнего ребенка из дневника Фрэнсис, и я гадаю, по какой причине он так изменился, превратившись из раздражающего мальчишки в успешного и уверенного в себе человека. А еще я думаю о первых словах Саксона, когда он узнал о замысле тети Фрэнсис. *«Ее план почти гениален. Дядя Форд гордился бы Фрэнсис»*. Первая его реакция – похвалить Фрэнсис за интересную игру, и я уверена, он предпочтет элегантное решение загадки, а не взлом бульдозером.

Поэтому я парирую:

– В этой фразе «веселье» обычно означает, что вы пропустите нечто интересное, если обойдете острые углы. В этом случае – набор цифр, достаточно важный для Фрэнсис, чтобы использовать его в качестве кода для замка, и, вероятно, играющий роль и в других аспектах ее жизни. – Я бросаю взгляд на предсказание, написанное на стене. – Она не производит на меня впечатление человека, который выберет случайные цифры.

В глазах Саксона мелькает какая-то мысль, и он немедленно возвращается к замку. Здесь у него преимущество, он ведь давно знаком с Фрэнсис. Самое интересное, что он говорит мне, какие цифры набирает и что они значат. Он вводит день рождения Фрэнсис, потом собственный и день рождения ее покойного мужа, дату его смерти (выглядит жутковато, но вполне в духе тети Фрэнсис с ее

мрачной одержимостью) и – вот так сюрприз – день рождения моей мамы, который помнит наизусть.

Ничего не подходит, и я спрашиваю, когда родились Роуз и Эмили Спарроу.

– Откуда мне знать? – вскидывается Саксон.

От двери доносится голос мистера Гордона, тихий и печальный.

– Эмили родилась первого декабря 1949 года.

В комнате повисает тишина. Саксон крутит диск направо, к первой цифре, потом налево ко второй, а затем снова направо, к сорока девяти. Когда и этот набор не срабатывает, мистер Гордон вздыхает и идет дальше по коридору, скрываясь из вида.

Саксон возвращается к другим ящикам, в которых по-прежнему роется Эльва. Я беру маленькую связку ключей, чтобы открыть новый ящик, но Эльва слишком шумит, мешая мне думать. Она возбужденно шуршит бумагами, все равно что ногтями по грифельной доске моего методичного ума.

Саксон, похоже, перенимает ее манеру, ныряет в ящики и бормочет себе под нос, даже не пытаясь скрыть свои мысли:

– Фрэнсис явно убил кто-то из деревни, на кого она накопила компромат – она только этим и занималась. И вся эта чепуха здесь.

Я решаю вернуться, когда они закончат, а пока исследовать дом. Вытаскиваю телефон, фотографирую схемы с расследованиями на стенах и оставляю Саксона и Эльву мародерничать дальше.

Я иду через кухню, но там нет ни следа Бет. Наверное, подав завтрак, она вернулась в свой магазин. А у меня еще столько дел. Я хочу осмотреть ферму – тот выстрел 1966 года отдается эхом у меня в голове. Надо навестить ветклинику подруги Бет Миюки и расспросить насчет железа. Но чем дольше я брожу по дому, тем живее представляю сцены из старого дневника тети Фрэнсис.

Делаю круг по библиотеке и воображаю темный апрельский вечер, гудящий огонь в камине и барабнящий по окну дождь. За большим письменным столом высятся книжные полки, и мое внимание привлекает шахматная доска. Рядом лежит искусно сделанная доска для нардов, закрытая на защелку, я достаю ее с полки и ставлю на стол.

Я беру фотографию, которую нахожу за ней, и пристально рассматриваю: Форд, Фрэнсис и Саксон стоят в саду, залитом солнечным светом. Внизу подпись от руки: «Сад Пагман, Кабул. Медовый месяц, 1968 год». Это первая фотография Форда, которая попала мне на глаза. Он привлекателен, но все внимание притягивает Фрэнсис. Она немного отличается от фотографии на схеме по расследованию убийства – той, где Фрэнсис с Эмили и Роуз. Она и раньше была красива, но здесь выглядит роскошной и уверенной в себе. В то лето, когда пропала Эмили, им всем было по семнадцать, так что на этой фотографии ей около двадцати.

Я брожу без цели, мне просто нравится думать во время ходьбы. В конце концов я оказываюсь в прихожей и, вместо того чтобы свернуть налево, в столовую, возвращаюсь на кухню, еще раз взглянуть на впечатляющую оранжерею.

За кухней есть еще одна гостиная, которую я не заметила раньше, видимо, потому, что туда ведет длинный коридор. Большие стеклянные двери гостиной выходят на террасу в саду. С задней стороны дома – крутой склон с лужайками, и оттуда открывается идеальный вид на сад. Я смотрю через стеклянные двери на просторы поместья.

Теперь я вижу все через призму дневника, поэтому не останавливаю взгляд на тщательно стриженных кустах и взбирающихся по каменным стенам розах. Я едва замечаю огромные фонтаны с журчащей водой и зеленый лабиринт где-то вдали. Мои глаза останавливаются на том, что я надеялась найти. Отсюда я вижу детали, о которых писала Фрэнсис. С южной стороны лужайку ограждает густая полоса деревьев. Где-то там была дыра в заборе. Интересно, думала ли когда-нибудь тетя Фрэнсис, стоя на этом месте, как тот сломанный забор изменил ее жизнь.

Я вглядываюсь в полосу деревьев и вижу маленькую полянку. Представляю, как Эмили и Уолт курят, сидя на греческих развалинах, а Эмили подшучивает над Фрэнсис, потому что та еще девственница.

Была ли Эмили в самом деле беременна от Форда? Но ведь... замуж за него вышла Фрэнсис. И у Форда не было детей, кроме племянника. По крайней мере, детей, которых он признал. Нас с мамой включили в завещание, потому что мамин отец был братом Фрэнсис. У нас нет кровного родства с Грейвсдаунами, мы связаны с ними только через Фрэнсис. Я испытываю искушение задержаться в этой

солнечной комнате и почитать дневник, но слышу голоса из библиотеки. Видимо, приехал детектив Крейн и допрашивает Саксона.

Я нахожу взглядом вдалеке фермерский домик. Он стоит в долине, за небольшим каменным мостом через реку Димбер. Выглядит он как с открытки или из зачарованного сна. Колесо водяной мельницы на самом деле крутится, а от реки отведен канал в большой пруд, почти полностью огибающий дом, так что тот словно стоит на острове. Я пытаюсь представить, каким дом был тем вечером, когда Уолт (мистер Гордон) ударил Эмили по лицу, а Фрэнсис в панике выстрелила из револьвера, найденного в кармане пальто.

Связано ли исчезновение Эмили с теми событиями или это отдельная загадка, которая невольно меня затянула? Или я просто теряю время зря и в итоге лишусь наследства? Прошло всего два дня после убийства тети Фрэнсис, но мне уже кажется, что передо мной поставили непосильную задачу и ее не решить за оставшееся время.

Возвращаюсь в оранжерею, соединенную с большой кухней. По стеклянной стене карабкается жасмин, а воздух наполнен ароматом апельсиновых деревьев в кадках. Такое впечатление, будто здесь собраны все мыслимые растения и за всеми хорошо ухаживают и поливают.

Интересно, кто поливает растения после смерти тети Фрэнсис? Доступ в дом есть у Бет и Арчи, и я решаю еще раз поговорить с Арчи, посмотрим, что он скажет. Открываю дверь в выбеленной боковой стене оранжереи, думая, что та ведет наружу.

Но я попадаю в темную и, надо сказать, вонючую кладовку. Как и все в доме, она слишком огромная. У одной стены – плащи и резиновые сапоги, у другой – сложенные друг на друга чемоданы и сундуки, хотя в тусклом свете их трудно разглядеть. Здесь нет окна, только мутное витражное стекло другой двери пропускает слабый свет. Я представляю этот вход глазами Фрэнсис – должно быть, это тот самый черный вход, через который Саксон провел ее в первый вечер, когда она пришла в Грейвсдаун-холл.

Через секунду я узнаю один сундук, который сама отправила из подвала дома в Челси. Узнаю его по рисунку мелом на боку – две пальмы, пересекающиеся на фоне синего неба, их зеленые листья почти выцвели и слились с черной кожей старого сундука. Я нарисовала их, когда мне было семь.

Сундук выглядит гораздо хуже, чем в Челси. Может, его испортила грузовая компания, но его почти расплющило, а из трещины в боку торчит старая черная ткань. Сверху прилеплен счет за перевозку. Наверное, тетя Фрэнсис сделала копию и положила ее в мою тощую папку. Я смотрю на свое имя и подпись внизу, и замечаю, что тетя Фрэнсис дописала кое-что своим замысловатым почерком.

В голове у меня что-то щелкает, и учащается сердцебиение.

«Но дочери – ключ к правосудию, найди одну нужную и не отпускай от себя».

Через несколько дней, после того как я отправила сундуки тети Фрэнсис, она решила, что мама – не та дочь. Это из-за моего имени на счете?

Взгляд привлекает блеск золота на черной шерстяной ткани, торчащей из сундука, и я потрясенно понимаю, что передо мной пуговица с прыгающим оленем.

Теперь мне точно нужно знать, что внутри.

Трясущимися руками отстегиваю металлические задвижки и поднимаю крышку.

Сначала я вижу остальные золотые пуговицы, и скачущие олени наполняют меня тревогой, пока я следую за ними вниз по черному пальто, пока взгляд не останавливается на костях человеческой руки, лежащей в складках ткани.

Когда я снова обретаю способность дышать, из груди вырывается крик.

Глава 21

Я еще кричу, когда сзади меня обхватывают чьи-то руки, и я пытаюсь вырваться, потому что уверена – кто-то хочет убить и меня. Но это детектив Крейн, он шепчет что-то мне на ухо, успокаивая. Я зарываюсь лицом в его грудь и стараюсь не думать о том, что сейчас увидела.

Я не слышу его слов, но что-то мне подсказывает – он говорит: *«Все хорошо, вы в безопасности»*. Он гладит меня по спине, пока я задыхаюсь от рыданий и отвращения. Наконец я отстраняюсь и поворачиваюсь, так что сундук оказывается на периферии зрения. Саксон загоразживает обзор, в руках у него шариковая ручка, которой он роется в сундуке.

– Женщина, пулевое отверстие в голове, – говорит он в пространство. – Судя по состоянию тела, оно пролежало здесь весьма долго.

– Ну еще бы! – кричу я. – Это же Эмили Спарроу!

– Успокойтесь, Энни, – просит Саксон, окидывая меня взглядом врача. Жутким взглядом.

Я делаю шаг назад и натываюсь на детектива Крейна. Внезапно мальчик, о котором писала Фрэнсис, возвращается – тот, что шнырял по округе и собирал информацию о людях, чтобы потом использовать против них. И это в десятилетнем возрасте!

Саксон вытаскивает из кармана латексную перчатку и надевает ее. Он снова наклоняется к сундуку, но Крейн его останавливает.

– Теперь это дело полиции, Саксон.

– Врачи всегда носят с собой латексные перчатки? – спрашиваю я, срываясь на визг.

Это нервный, неуместный вопрос, и я чувствую, что либо задам еще тысячу таких, либо меня стошнит.

– Я постоянно имею дело с трупами, – спокойно отвечает Саксон, и в комнате внезапно становится холоднее.

Я тру руки, чтобы не дрожать, но это не помогает.

Детектив Крейн смотрит на меня, беспокойно наморщив лоб. В прошлый раз, когда он видел меня в таком состоянии, я упала в

обморок. Нервное напряжение стирает все чувства – слух, зрение. Внутри все переворачивается.

Я глубоко дышу, уткнувшись Крейну в плечо. Сейчас не время думать о том, что я так близко к нему и вдыхаю запах его лосьона, а сам детектив вроде бы и не возражает. Я поспешно выкинула из головы опасения насчет того письма о судебном запрете. Пусть об этом беспокоится будущая Энни.

Саксон с вызовом смотрит на Крейна и снова наклоняется к сундуку. Он вытаскивает шерстяное пальто, идеально соответствующее описанию тети Фрэнсис. Ее дневник словно ожил, здесь все детали – от наполовину оторванных золотых пуговиц до револьвера, который Саксон вынимает из кармана.

– Немедленно уйдите отсюда, оба! – тут же приказывает Крейн.

Саксон пожимает плечами, медленно кладет револьвер обратно в сундук и выходит из кладовки. Через секунду я отцепляю пальцы от рукава Крейна, но детектив ободряюще смотрит на меня.

– Я приду к вам, как только смогу, но сейчас должен заняться работой.

Киваю и шлепаю к двери, а когда оглядываюсь, Крейн уже что-то быстро говорит по телефону.

Бегу по гравийной дорожке, стараясь оказаться как можно дальше от дома. Некоторое время я брожу кругами, а потом устраиваюсь на лужайке рядом с дорожкой. Подъезжают еще несколько полицейских машин и «Скорая». Видимо, полицейские машины не приспособлены для перевозки трупов, поэтому, чтобы вывезти тело из поместья Грейвсдаун, во второй раз вызвали Магду и Джо.

Я решаю пройти до розария, чтобы проветриться, но останавливаюсь прямо перед ним, когда слышу ссору на повышенных тонах. В дальней стороне сада из-под перголы, увитой буйными желтыми розами, раздаются хриплые крики Арчи Фойла. Сквозь них прорываются пронзительные вопли Оливера, и я делаю несколько шагов вперед, чтобы лучше их слышать.

– Черта с два ты это сделаешь! – орет Арчи. – Ты не имеешь права разгуливать по деревне со своими холеными лондонскими клиентами и мерзкими предложениями. Гольф-поле, твою мать! Фермерскому дому больше сотни лет, это же памятник архитектуры! Тебе не позволят его снести, ни за что!

У меня сжимается сердце, но я даже рада, что могу сосредоточиться на чем-то помимо трупа Эмили Спарроу.

– Вообще-то позволят, – огрызается Оливер. – Мы уже получили разрешение на снос, поскольку дом в аварийном состоянии. – Я слышу шуршание бумаг, и Оливер говорит: – Видишь? Законное разрешение из администрации.

На мгновение наступает тишина – Арчи задумывается.

– Ты заплатил кому-то, это ложь, – шипит он. – Балки вовсе не прогнили, и фундамент в целости! К тому же никто не приходил осматривать дом. Это наглая фальшивка! Я привлеку тебя и твою компанию к суду за мошенничество!

– Ах, вот как? – резко и уверенно отвечает Оливер. Я высовываюсь из-за перголы и вижу, как он делает шаг к Арчи. – Можешь попытаться, но еще прежде чем на заявлении высохнут чернила, в твою дверь постучится полиция, чтобы привлечь за кое-какие делишки.

Арчи отступает, на его лице написана тревога. Он нервно сглатывает и на полтона понижает голос:

– Ты врешь.

– Ничего подобного. Может, остальные жители деревни и закрывают глаза на твои преступления, но я все знаю.

Оливер окидывает Арчи презрительным взглядом.

Арчи опять понижает голос, и я подбираюсь ближе. Но тут кто-то неожиданно задевает меня, проходя мимо, и я оказываюсь прямо на дорожке.

Мое присутствие обнаружено, но это уже не играет никакой роли. Арчи и Оливер потрясенно смотрят, как к ним подбегает Джо Лерой и хватает Оливера за грудки. Пикает прикрепленная к форме Джо рация, но тот не обращает на нее внимания.

– Если б я сам не занимался неотложной помощью, то сломал бы тебе нос, – ревет он.

От его слов Оливер теряет, но ненадолго.

– У тебя-то какие ко мне претензии? С тех пор как я приехал, мы и словом не обмолвились!

– Ты совсем не понимаешь, что натворил? – Джо стоит так близко к Оливеру, что брызжет ему в лицо слюной, когда говорит. – Да как ты посмел пытаться купить нашу гостиницу! Мама вложила в нее всю

душу! После смерти Фрэнсис эта гостиница необходима маме, чтобы не сойти с ума! А тут являешься ты и заливаешь, будто она слишком стара, чтобы управлять гостиницей, надо все продать и жить дальше.

– Это же логично, Джо, – ровным голосом заявляет Оливер. – Почему ты не хочешь, чтобы она заработала денег на продаже? О ней будут заботиться до конца жизни!

– О ней и так заботятся, и ты прекрасно знаешь, что дело не в деньгах. Или ты так давно не был в Касл-Нолле, что думаешь, будто всех интересуют только деньги?

Рация Джо снова оживает, и на этот раз четко слышен голос Магды: *«Так ты уже нашел его и все высказал? Нам пора ехать»*.

Джо резко выдыхает и отступает от Оливера. Я едва успеваю заметить, как Арчи Фойл проскальзывает через дверь в сад за стеной, явно решив, что с него достаточно.

– Я еще не закончил, – рывкает Джо. Он подносит к губам рацию и нажимает на ней кнопку. – Да, я нашел крысеныша. Спасибо, что прикрыла, Магда, я скоро буду.

Вежливо кивнув мне, Джо выходит из сада. Я смотрю на Оливера, пытаюсь разобраться в цепочке угроз, которые только что слышала.

– Похоже, у тебя много врагов, – медленно выговариваю я.

Оливер лишь пожимает плечами и разглаживает рубашку, которую помял Джо.

– Такая уж работа. Если честно, Джо не первый, кто говорит мне подобное. А Роуз не первый пожилой владелец гостиницы, которую я пытаюсь купить. В конце концов Роуз согласится, и тогда у «Джессоп филдс» будет новое отделение на южном побережье. Когда неподалеку появится гольф-поле и загородный клуб, мы сможем управлять ими напрямую, и они станут первыми из многих в этом районе.

Я прищуриваюсь.

– Как элегантно, – говорю с отвращением. – Манипулировать горюющей женщиной, выманивая у нее единственное, что поможет ей пережить потерю лучшей подруги, и все лишь ради того, чтобы твоя компания превратила прекрасную гостиницу в свой офис. Должна признаться, я на стороне Джо.

– Ну ладно, тогда хорошо, что я не тратил время, чтобы произвести впечатление на Энни Адамс, – ехидно отвечает Оливер и проходит мимо меня по гравийной дорожке.

Я слишком поздно осознаю, что следовало придержать язык. Надо было притвориться, будто поведение Джо меня потрясло и я на стороне Оливера.

Потому что теперь он точно не расскажет, чем шантажирует Арчи Фойла.

Глава 22

Я снова подхожу к парадному входу в дом.

На дорожке по-прежнему стоят полицейские машины и «Скорая», и меня опять охватывает ужас при мысли о теле Эмили. Я опускаюсь на гравий и прижимаю колени к груди. Кладу на них подбородок и сосредоточенно рассматриваю странные волны живой изгороди.

Слышу сзади решительные шаги, но не оборачиваюсь. Мне хочется, чтобы дом оставался за спиной, но все равно краем глаза я вижу, как из парадной двери вывозят каталку. На нее поставили весь сундук и накрыли его полиэтиленом, вероятно, чтобы не испортить улики.

На ум приходит фраза: *«Я вижу в твоём будущем скелет»*.

– О боже, – подвываю я.

Это ведь я отправила ей тело. К счастью, вслух я этого не произношу, потому что рядом садится детектив Крейн.

– Как дела, Энни? – тихо спрашивает он.

– Ну... Мне вроде бы лучше, – откликаюсь я со слегка истерическими нотками, а может, опять готова разреваться.

Детектив долго смотрит на меня.

– Вы знали о трупе в сундуке?

Я накрываю голову руками.

– Почему вы задаете этот вопрос?

– На прикрепленном к крышке сундука счете написано ваше имя.

Я снова поднимаю взгляд на детектива Крейна.

– Нет, я не знала. Понимаю, звучит дико, но мама попросила меня помочь расчистить подвал дома в Челси, а времени было в обрез, так что я не заглядывала в каждый сундук. Их было так много, и, обнаружив в нескольких только старые бумаги и хлам, я просто попросила грузчиков их забрать.

Нервно сглатываю и стараюсь не думать о том, что столько лет в детстве играла в подвале, всего в нескольких шагах от трупа.

– Как вы думаете, ваша мама знала о трупе в сундуке? Никто не заметил странный запах?

– Конечно, нет! Сундук стоял в подвале много лет, а мы переехали после моего рождения. Эмили Спарроу пропала в 1966 году, верно?

Значит, до нашего приезда она пролежала там уже несколько десятилетий!

Я тяжело дышу и не могу поверить, что пытаюсь писать детективы, в то время как у нас в подвале столько лет лежал мертвец.

– Ладно, ладно. Я вам верю. – Крейн не смотрит на меня, и я следую за его взглядом вдоль гравийной дорожки, к воротам и лоскутному одеялу полей и изгородей за ними. Справа видны теплицы Арчи Фойла.

Крейн явно ушел в свои мысли, он открывает и закрывает рот, словно передумав говорить. Его следующие слова застают меня врасплох.

– Я знаю, вы забрали папку Фрэнсис на семью Крейнов, – напряженно произносит он.

Я медленно киваю, пытаюсь найти лучший способ докопаться до сути проблем тети Фрэнсис с Крейнками. Но главная проблема не в том, что детектив разозлился на тетю Фрэнсис из-за нападок на его отца, а в том, что его реакция на смерть тети Фрэнсис никак не вяжется с гневными словами о судебном преследовании.

– Вы солгали? – наконец спрашиваю я. – Когда сказали, что сожалеете о смерти тети Фрэнсис?

– Нет, – быстро отвечает он. Но потом вздыхает, размышляя. – Я понимаю, как это выглядит. Для моей семьи ее смерть очень кстати. Не стану отрицать, Фрэнсис доставляла много проблем.

Я морщю губы, отпускаю колени и сажусь по-турецки.

– Она разрушила брак ваших родителей, верно? – осторожно произношу я.

Его лицо дергается, и кажется, он вот-вот улыбнется, это сбивает с толку. Но он молчит.

– Я не пытаюсь вынюхивать, – добавляю я.

– Нет, пытаетесь, – возражает детектив ровным голосом, но не зло, поэтому я продолжаю:

– Но даты на фотографиях и судебный запрет... Меня мучает вопрос, почему сейчас? Почему после того как она столько лет раскапывала чужие секреты, кто-то вдруг решил убить ее?

– Вы заметили, что брак моих родителей распался совсем недавно, и решили, что причиной послужила Фрэнсис. Думаете, этого хватило, чтобы ее убил полицейский?

Он вскидывает брови, и у меня внутри появляется червячок сомнений. Но я стою на своем.

– Честно говоря, мне кажется, что тот, кто расследует убийства по долгу службы, лучше других знает, как выйти сухим из воды, совершив его.

Теперь детектив и правда улыбается, открыто и обезоруживающе.

– Но по воле Фрэнсис теперь это касается и вас с Саксоном.

– Да, но ни один из нас до сих пор не расследовал убийства. Это не значит, что Саксон не подозреваемый, но мне пока не приходит в голову, какой у него может быть мотив. Он много лет знал, что тетя Фрэнсис решила не оставлять наследство ему. Поэтому в его интересах, чтобы она жила подольше – вдруг изменит решение.

– Разве что он знал об условиях завещания и убил ее, чтобы подставить кого-то другого, а потом «разгадать» собственную постановку и получить наследство, – говорит Крейн с игривой улыбкой.

Понятно, что на самом деле он не рассматривает такой вариант.

– Это был бы отличный сюжет для романа. Возможно, я использую его в новой книге.

Повисает пауза, и я снова задумываюсь о том, на что мог пойти Роуэн Крейн ради своего отца.

– Вы умны, Энни, – медленно произносит он, глядя на меня. – Но вы должны кое-что знать о записях Фрэнсис. Не забывайте, что, когда любой свидетель сообщает какие-то сведения, он преподносит их как непреложный факт.

Я поднимаю брови.

– Это неофициальный урок, как вести расследование, или вы пытаетесь уговорить меня вычеркнуть вас из списка подозреваемых?

Произнеся эти слова, я сразу понимаю, что на самом деле не подозреваю его в убийстве тети Фрэнсис. Но я также знаю, что надо отделять чутье от логики. Если б здесь была Дженни, она сказала бы, что убийство не раскроешь, основываясь на смутных ощущениях.

– Скажем так, и то и другое, – отвечает Крейн. – Но раз эти папки – главный источник для вашего расследования, вы должны понимать, что иногда Фрэнсис ошибалась.

Я морщю лоб.

– Но Фрэнсис не делала никаких выводов на основе этих документов. Вряд ли они могут послужить уликами. Записи телефонных разговоров, сделанные тайком фотографии. И вы хотите сказать, что фотографии вашего отца и моей матери... Что именно вы хотите сказать?

– Эти фотографии не разрушили брак моих родителей. Фрэнсис не разрушала брак моих родителей. И кроме того, мне тридцать три года, Энни, я понимаю, что люди меняются, а браки не всегда длятся вечно. – Детектив проводит рукой по подбородку. Как я уже знаю, этот жест означает, что он размышляет. Крейн улыбается своим мыслям и продолжает: – Мои родители развелись, потому что папа всегда был другим и не подходил для семейной жизни. Они с мамой остались в прекрасных отношениях. Оба сейчас счастливее, чем были в браке.

– Но... те фотографии с моей мамой и... Откуда взялось письмо о судебном запрете?

Я пытаюсь понять, как это связано, но фрагменты не складываются.

– Ваша мама была единственной, кто по-настоящему знал моего папу. Подростками они встречались, но в основном были просто друзьями. И до сих пор друзья, насколько я понимаю.

– Тогда почему мама не рассказывала мне о нем? – спрашиваю я.

Мне немного грустно, но я возмущена, что мама скрывала от меня целый пласт своей жизни. Зачем скрывать дружбу? Я добавляю это к длинному списку тем, которые следует обсудить с мамой.

Крейн лишь пожимает плечами.

– Что касается судебного иска, я беспокоился, что Фрэнсис знает все о папе и выболтает это до того, как он будет готов. Но когда я обнаружил, что она считала, будто у него была интрижка с Лорой, то сказал ей правду, и она оставила его в покое. Папа волен рассказать о себе, когда захочет и как захочет.

– Неужели тетя Фрэнсис могла так с ним поступить? Это жестоко. Детектив Крейн задумчиво смотрит на меня.

– Нет, она не стала бы, – наконец произносит он. – Но я боялся и хотел его защитить. Их поколение не принимает такое. Пример тому – мой собственный дед. Фрэнсис и Тедди дружили, я опасался, что она может ему рассказать, и не знал, как он это воспримет.

– Простите, – морщусь я.

– Спасибо. В любом случае я на его стороне и у него отличные друзья. Викарий Джон Оксли помог папе пережить тяжелые времена. А еще мама и Лора.

На несколько секунд он умолкает, размышляя. Благодаря детективу Крейну я увидела архивы тети Фрэнсис в новом свете. И теперь должна прочитать их заново, зная, что иногда даже самые надежные улики могут привести к неверным выводам.

А сколько моих собственных теорий так же, как эта, рассыплются от первого же серьезного вопроса? Выясню ли я когда-нибудь, кто убил Фрэнсис, если Саксон знает всех жителей деревни и историю тети, а детектив всегда на пять шагов впереди благодаря холодному профессионализму?

– У вас такое выражение лица... – начинает Крейн, толкая мое плечо своим.

– Какое?

Я на секунду выныриваю из своих мыслей и смотрю на него с прищуром.

– Как будто вы сомневаетесь в себе и своих методах. Не надо. Вы были правы, подозревая меня. Я тоже подозревал бы, если б у меня в руках оказалась та папка.

– Еще один вопрос... Откуда вы узнали, что в ней? Вы видели все папки?

– После того как я подал в суд, Фрэнсис пришла в участок и показала мне папку. Мы все прояснили. Если хотите проверить, наш администратор Саманта слышала каждое слово и может подтвердить.

Я выставляю вперед ладони, показывая, что сдаюсь, но при этом едва заметно улыбаюсь.

– Вы не сказали, что видели все папки.

– Я и не видел.

У меня возникает нехорошее предчувствие.

– Вы собираетесь изъять их как улики?

– Если понадобится, – ровным тоном сообщает он. – Сейчас у нас есть труп, связанный с давно сданным в архив делом, которым была одержима Фрэнсис. Неофициально, – поправляет себя детектив. – Я не могу утверждать наверняка, что это Эмили Спарроу, пропавшая подруга Фрэнсис.

– Но тело находилось в доме в Челси.

– Которым владела Фрэнсис, – парирует Крейн.

Мой мозг работает на полных оборотах. Неужели Фрэнсис убила Эмили?

«Я вижу в твоём будущем скелет». Тетя Фрэнсис изменила завещание, включив в него меня, сразу после того, как я отправила ей сундуки. И она наверняка обнаружила труп Эмили в разбитом сундуке. Он же практически вываливался оттуда. *«Но дочери – ключ к правосудию, найди одну нужную и не отпускай от себя».*

– Фрэнсис не убивала Эмили, – заявляю я. – Найдя труп Эмили, она решила изменить завещание, включив в него меня, потому что я невольно свершила правосудие, доставив тело к ней на порог. Могу поспорить: обнаружив тело, Фрэнсис наконец-то сложила все фрагменты шестидесятилетней головоломки и поняла, кто убил Эмили. – Я тут же замолкаю, понимая, что не стоит размышлять вслух перед Крейном. А потом снова говорю: – Тетя Фрэнсис когда-нибудь спрашивала у вас насчет Эмили Спарроу? В смысле, недавно? Потому что я почти уверена, что она нашла тело прямо перед тем, как ее убили.

– Она никогда не упоминала Эмили, – отвечает Крейн. – Думаете, Фрэнсис встретила с убийцей Эмили и тот убил вашу тетю, чтобы заткнуть ей рот?

Я пытаюсь не менять выражение лица, но, судя по кивку Крейна, получается не очень. В конце концов я решаю воспользоваться его знаниями, вместо того чтобы скрывать от него свои мысли. Остается только верить, что я справлюсь с расследованием быстрее него или что он не сразу выложит результаты – ради спасения своей деревни. Надеюсь, я в нем не ошиблась. Надеюсь, он такой, как мне хотелось бы.

– Чтобы узнать, кто убил тетю Фрэнсис, надо найти убийцу Эмили Спарроу. – Я поворачиваюсь к нему, прикусив губу. – Можете поделиться со мной информацией, которая есть у полиции по поводу исчезновения Эмили?

– С какой стати? – смеется Крейн.

Я глубоко вдыхаю, приготовившись нажать на несколько кнопок, чтобы узнать, готов ли Роуэн Крейн, скрывающийся под видом непоколебимого профессионала, пойти на небольшое преступление.

Я достаю из рюкзака дневник тети Фрэнсис.

– Потому что у меня есть улика, касающаяся некоего револьвера. Доказательство, что из него стреляли в присутствии Тедди Крейна.

Если б детективом был Оливер, он стал бы флиртовать, чтобы забрать у меня дневник. А Саксон сделал бы вид, будто ему все равно, а потом подбил Эльву украсть его. Эльва только этим и занимается – берет все, что ей хочется присвоить.

Но Крейн другой. Он пристально смотрит на меня и наконец улыбается.

– Я впечатлен. Но надо полагать, вы не собираетесь показывать мне это доказательство, да?

– Я так понимаю, вы уже знаете, о чем идет речь?

Чувствую себя такой проницательной, что еле сдерживаюсь. Проницательность буквально пульсирует во мне, и я даже не моргнув глазом перехожу на тон адвоката.

Могу поспорить, что инцидент с револьвером, о котором я узнала из дневника Фрэнсис, наверняка окажется в деле о пропаже Эмили. Полиция точно опросила всех ее друзей после исчезновения, и хотя Роуз, Уолт и Фрэнсис могли бы договориться и молчать, честный Тедди Крейн сразу признался бы. *«Как, по-вашему, у Эмили были враги?»* Хорошая тактика, чтобы вытащить из человека информацию, – дать ему какую-то версию, и он невольно либо подтвердит ее, либо опровергнет.

– Да, это есть в деле Эмили.

– Победа, – шепчу я. – Значит, вы уже видели то дело, и раз уж я вынудила вас признаться в том, что там есть...

В уголках его глаз снова появляются морщинки улыбки.

– Это не вы меня подловили, я сам решил поделиться информацией. – Он проводит рукой по темным волосам, приглаживая их с одного бока. – Потому что вы попросили, – говорит детектив с многозначительным взглядом.

Я пропускаю его слова мимо ушей, потому что сейчас не в состоянии думать еще и о том, флиртует ли со мной детектив Крейн или нет. Он привлекателен, хотя и не в моем вкусе. Его лицо с твердыми чертами вряд ли сильно изменится с возрастом.

Я не сразу замечаю, что Крейн продолжает говорить.

– Недавно я попросил найти дело в архиве. Тедди Крейна, моего деда, допрашивали после исчезновения Эмили. Он рассказал об

инциденте в заброшенном фермерском доме, когда в пылу ссоры Уолт ударил Эмили по лицу и прогремел выстрел.

– Он рассказал полиции, кто стрелял?

– Фрэнсис Адамс. После этого полиция заинтересовалась ею, но Резерфорд Грейвсдаун нанял маститых адвокатов, и полиция потеряла к ней интерес.

– Тедди сказал полиции, что Эмили была беременна?

По лицу Крейна мелькает удивление, но лишь на долю секунды.

– Нет, ничего такого в деле нет. Вы уверены, что она была беременна?

– Фрэнсис, похоже, была уверена, – говорю я, глядя на дневник в руках. – Я его еще не дочитала, но Фрэнсис подозревала, что Эмили использует свою беременность, чтобы заманить в ловушку Резерфорда Грейвсдауна.

– Да, в деле упоминаются интимные отношения между Резерфордом Грейвсдауном и Эмили Спарроу, хотя он все отрицал. В то время он был самым влиятельным человеком в Касл-Нолле, и хотя его допросили в связи с исчезновением Эмили, но довольно... – Он кашляет, как будто хочет скрыть свои эмоции. – Поверхностно.

– А кто рассказал полиции об интимных отношениях лорда Грейвсдауна и Эмили?

– Уолтер Гордон. У него имелись собственные причины втянуть в дело семью Грейвсдаунов, потому что он был главным подозреваемым в исчезновении Эмили.

– Мистер Гордон упомянул других мужчин, с которыми у Эмили была связь?

Крейн удивленно моргает.

– Нет. А Фрэнсис писала о ком-то еще?

Шестеренки у меня в мозгу вращаются так быстро, что причиняют боль.

– Уолт выгораживал Фрэнсис, – бормочу я. – Потому что у Эмили была связь с Джоном Оксли, парнем Фрэнсис. Если б Уолт рассказал полиции про Эмили и Джона, подозрения пали бы на Фрэнсис.

– А что, если она и вправду... – тихо произносит Крейн.

– Что? Виновна? Нет. Вряд ли Фрэнсис убила Эмили. В той комнате была схема с фотографией Эмили в центре. Думаю, Фрэнсис пыталась расследовать исчезновение подруги. – Моя вера в

невиновность Фрэнсис слегка колеблется, когда я вспоминаю, что вообще-то даже никогда с ней не встречалась. Поэтому я смотрю на детектива и спрашиваю: – Она была похожа на человека, которого мучают угрызения совести?

– Честно говоря, что-то ее точно мучило.

В тревоге кручу на пальце свое ожерелье. Благодаря дневнику я прикипела к Фрэнсис. Признаюсь честно, она мне нравится. Но я очень хорошо понимаю, что совершенно не знаю ее.

И все же предпринимаю еще одну попытку выступить в защиту тети.

– Но разве она могла убить свою подругу? В семнадцать лет? – Я держу зеленый блокнот между мной и Крейном. – Я прочитала эти страницы, и Фрэнсис не показалась мне убийцей. Она чувствительна, умна и...

– Наверное, в вашей семье две писательницы, раз ей так легко удалось вас завоевать.

– Было две, – печально поправляю я. – В семье было две писательницы.

Крейн медленно и понимающе кивает. Он кладет руку мне на плечо и на секунду сжимает его. Он понимает, почему я так опечалена из-за смерти родственницы, которую никогда не знала по-настоящему. Женщины, так описавшей свои приключения в юности, что мне больше всего на свете хочется прибежать к ней и расспросить обо всем. Мне хотелось бы дружить с Фрэнсис из этого дневника. И я жажду узнать, чем закончится история.

Не только история со страниц дневника. А вся ее история.

– Наверное, хорошо, что один из нас детектив, – говорю я и чувствую, как уголок губ растягивается в улыбке. – Должен же кто-то относиться ко всему этому непредвзято.

– Я никогда не говорил, что отношусь к этому непредвзято. – Крейн отряхивает джинсы. – Но мне надоело играть роль адвоката дьявола. Я по-прежнему считаю, что ее убили из-за секрета, который она обнаружила.

Детектив протягивает мне руку, помогая встать.

– Фрэнсис поставила нас в сложное положение, – продолжает он. – Больше всего я боюсь, что кто-то был готов пойти на убийство,

чтобы Фрэнсис никому не рассказала о том, что обнаружила. А теперь, когда вы с Саксоном стали в этом копаться, то заняли место Фрэнсис.

– То есть стали мишенью.

– Именно так.

– И что же нам делать?

– Пока все это не закончится, я буду приглядывать за домом. Полиция будет присутствовать здесь в любом случае, потому что совершено преступление и снова открыто старое дело.

– Так вы останетесь здесь?

– Наверное, придется поменяться на несколько смен с коллегами, но я буду здесь столько, сколько смогу.

Я киваю.

– Это одновременно обнадеживает и пугает.

Он обезоруживающе смеется, застав меня врасплох. А потом его лицо снова мрачнеет, и я уверена – Крейн собирается сказать то, что мне не понравится.

– Боюсь, мне нужен этот дневник, Энни.

Чувствую, как из легких выходит весь воздух, и машинально сжимаю дневник покрепче.

– 3-зачем? – запинаясь я. – Это всего лишь подростковые сплетни, сомневаюсь, что там...

Меня останавливает его суровый взгляд.

– Я сделаю копию и верну вам, как только смогу, – заверяет он.

Видя мое расстройство, детектив добавляет:

– Подумайте вот о чем: скопировать дневник куда проще, чем разбирать весь архив. Если сначала я получу дневник, то смогу узнать, какие папки мне нужны, и мне не придется забирать их все.

– Но я его еще не дочитала! Дайте мне... хотя бы час. Полчаса?

Я изо всех сил пытаюсь не препятствовать расследованию, но мало что могу сделать.

– Простите, Энни, он нужен мне сейчас.

– Я могла не рассказывать вам о нем! – выкрикиваю я.

Это уже просто нечестно.

Крейн протягивает руку за дневником, и я съеживаюсь как ребенок, которого заставили отдать украденные конфеты.

– Убийство Эмили Спарроу, – произношу я, хватаясь за отчаянную идею. – А что, если мы поможем друг другу, а все заслуги в

расследовании припишем вам? А мне припишем заслуги в расследовании убийства Фрэнсис.

Он скрещивает руки на груди.

– Предлагаете мне раскрыть дело Эмили, чтобы отвлечь начальство от недавнего убийства, которое я обязан расследовать? Какой милый способ оттянуть время, чтобы вы успели поймать убийцу и получили наследство.

– Фантастика, я так рада, что вы посмотрели на это моими глазами.

– Нет, нет и еще раз нет.

– В смысле, вы не можете посмотреть на происходящее моими глазами? Или не хотите работать вместе?

Детектив раздраженно надувает щеки и многозначительно смотрит на меня.

– И то и другое. Ну ладно, я же пошел на компромисс. Я скопирую дневник и верну вам оригинал, чего вообще-то делать не обязан. – Он пристально смотрит на меня. – Или мне пойти официальным путем?

– Хорошо, – вздыхаю я, не пытаюсь избавиться от печали в голосе, и невольно сжимаюсь, когда отдаю дневник.

– Спасибо.

Я поворачиваюсь к дому.

– А пока что мне надо заняться и другими секретами, – напоминаю я.

Детектив морщится:

– И мне снова придется вытаскивать вас из беды?

– Сама справлюсь, – фыркаю я. – Как справлялась Фрэнсис.

Но тут наступает мой черед поморщиться, потому что Фрэнсис конечно же не справилась, попав в беду. В самую серьезную беду.

Глава 23

Кто-то побывал в моей комнате. И не особо пытался это скрыть. Я оставила на кровати смятое одеяло и скомканную в шар подушку. Но когда я вхожу в комнату, у меня сводит живот. Кровать аккуратно заправлена.

Я немного лучше начинаю понимать паранойю тети Фрэнсис, ведь стоит начать думать об убийстве, и потенциальные убийцы чудятся повсюду. Любые мелочи несут в себе угрозу. Выдыхаю, потому что, скорее всего, это просто горничная, с которой я еще не встречалась. Но потом я задумываюсь, а не Бет ли это. Или кто-то еще, чье будущее зависит от расследования убийства тети Фрэнсис.

Подхожу к кровати и осторожно провожу рукой по кипенно-белой хлопковой наволочке. Потом поднимаю подушку и обнаруживаю пожелтевший от времени листок бумаги с напечатанным на машинке текстом.

Решила, что можешь встать у меня на пути, мелкая тварь? Ты так привыкла получать все, что пожелаешь, с твоим-то милым личиком. Если ты не остановишься, я изуродую это личико. Я положу твои кости в ящик и отошлю его тем, кого ты любишь.

Я заберу у тебя все, что ты ценишь, а потом приду за тобой.

Меня окатывает волной ужаса, и я проверяю все вокруг. Под кроватью только мой рюкзак и дорожная сумка, а небольшой шкаф пуст, не считая моей одежды. Я даже дергаю за оконную ручку, но за окном только отвесная стена, и к тому же оно заперто.

Дрожащими руками снова беру записку с угрозой. Строчка с костями в ящике явно правдива. Но бумага выглядит старой, и я вспоминаю в точности такую же строчку из дневника Фрэнсис. *«Кто-то угрожал мне еще до того, как я пошла к гадалке. Я нашла в кармане юбки записку со словами: "Я положу твои кости в ящик"»*.

А потом я размышляю о последней строчке угрозы: *«Я заберу у тебя все, что ты ценишь, а потом приду за тобой»*.

Эмили. Очень похоже на ее слова, именно так она относилась к Фрэнсис. Как же мне нужен дневник Фрэнсис, прямо руки чешутся!

Но я хорошо помню, как описывала Фрэнсис тот вечер, когда узнала, что Эмили спала с Джоном. Что она прокричала Эмили у Форда в библиотеке: *«Ты хочешь забрать у меня все. Мои щетки для волос, мое пальто... Одежды тебе оказалось недостаточно? Понадобился еще и мой парень?»*

Я начинаю верить в силу предсказаний, потому что получить эту угрозу, все равно что унаследовать судьбу Фрэнсис. Детектив Крейн еще внизу, и я размышляю, не попросить ли его о помощи. Но дух соперничества в нашем последнем разговоре внушает сомнения. В детективах, когда человек, расследующий убийство, получает угрозы, это означает, что он близок к разгадке. Ну или, по крайней мере, на верном пути.

Тревога понемногу растворяется, уступая место безумному любопытству. Это ведь улика, связанная с тайной исчезновения Эмили. Если б кто-то угрожал мне, то, конечно, сделал бы это напрямую, и угроза имела бы большее отношение ко мне – в ней говорилось бы, что мне здесь не место и наследство мне не принадлежит.

Эту угрозу написали в 1965-м или 1966-м, примерно когда пропала Эмили. А если кто-то пытается мне помочь, подложив ее сюда? Чем больше я размышляю, тем вероятнее это кажется. Но кто?

Фотографирую записку на телефон – на случай, если с ней что-то случится или Крейн опять потребует отдать ему улику. Я слегка беспокоюсь, что меня могут обвинить в сокрытии улики. Но также знаю, что для этого расследования требуется много смелости и готовности преступать закон, пусть для меня это и непривычно, но никуда не денешься.

Перечитываю угрозу, и в голову закрадываются сомнения. Если записка предназначалась Фрэнсис, почему в итоге убили Эмили?

Кладу записку в мой «журнал расследования», как я его называю, и прячу в рюкзак. Все начинает погружаться в золотисто-зеленую дымку летнего вечера, и хотя я недавно нашла труп, мне хочется есть. От того, что приходится постоянно носить с собой рюкзак, болит спина, но в этой комнате оставлять его небезопасно, поэтому я надеваю его и спускаюсь по лестнице.

Я решаю пока не идти на кухню, потому что хочу узнать, что есть в архиве тети Фрэнсис на семью Фойлов. Неудивительно, что я снова застаю в маленьком кабинете Саксона, на этот раз он рассматривает

меньшую схему с расследованием. Эльвы и Оливера поблизости нет, а детектив Крейн по-прежнему снаружи, разговаривает с полицейскими из Касл-Нолла.

– Вы ее знали? – тихо спрашиваю я. – В смысле, Эмили Спарроу?

Саксон окидывает меня долгим и печальным взглядом. Странно, учитывая, как беспечно он себя вел, когда мы нашли труп.

– Да, – отвечает он. – Она была... особенной. Как и все они, включая Фрэнсис. Грустно осознавать, что теперь из трех осталась только Роуз. До исчезновения Эмили они были неразлучны.

Саксон не знает, что я в курсе драмы, случившейся незадолго до исчезновения Эмили. Незадолго до ее смерти. Я решаю проверить на Саксоне теорию детектива Крейна. От этого Саксон не получит никаких преимуществ, но, возможно, поделится со мной информацией.

– Крейн считает, что это Фрэнсис убила Эмили.

Саксон почти не реагирует, только хмурит брови, не сводя взгляда со схемы.

– С чего вдруг он так решил?

– Тот сундук стоял в подвале дома в Челси, – объясняю я. – Как минимум двадцать пять лет, а то и дольше. Именно тогда в дом переехали мы.

– Я удивлен, что Крейн решил обвинить Фрэнсис. Почему не моего дядю? Эмили исчезла за много лет до его смерти, а в то время дом в Челси принадлежал ему.

Я и правда задумываюсь – а вдруг Эмили убил Форд? Тут у Саксона определенно преимущество – я не знаю о Резерфорде Грейвсдауне почти ничего, а Саксон рос под его присмотром. Решаю, что буду донимать детектива Крейна просьбой как можно скорее вернуть дневник; мне страшно хочется узнать, что писала Фрэнсис о человеке, за которого однажды выйдет замуж.

Но Резерфорд Грейвсдаун давно умер. Если Форд убил Эмили, это никак не связано с убийством Фрэнсис. Я подумываю, не спросить ли Саксона, что ему известно о беременности Эмили, но мне предстоит еще дочитать половину зеленого дневника, а я хочу обладать всей полнотой информации, прежде чем показывать свои карты.

«Я вижу в твоём будущем скелет».

«Кто-то угрожал мне».

«Я положу твои кости в ящик и отошлю его тем, кого ты любишь».

Мной снова овладевает беспокойство, и, пока я смотрю на схему, меня осеняет: а может, угроза предназначалась Эмили?

Взгляд падает на пишущую машинку, стоящую на полке.

И в голову приходит чудовищная мысль. Фрэнсис не сказала, когда получила угрозы, лишь что получила их. А вдруг она сама их написала? *«Я заберу у тебя все, что ты ценишь, а потом приду за тобой».* Ведь именно Фрэнсис вышла замуж за Форда.

Я замечаю, что Саксон заинтригованно смотрит на меня.

– Фрэнсис и Эмили поссорились из-за моего дяди, – говорит он.

Я смотрю на фотографию Эмили в центре доски и на отходящие от нее красные линии новыми глазами. Кто был ближе всего к Эмили и кому она досадила? Уолт, Джон и Роуз где-то на периферии. Ближе всего находятся Арчи Фойл, Саксон и, что удивительно, мои бабушка с дедушкой – Питер и Тэнси. С удивлением обнаруживаю здесь их имена, но, вероятно, я еще не прочла записи, относящиеся к ним.

Форда даже нет на схеме, хотя по логике он вполне мог убить Эмили. Судя по дневнику, причина у него была. А если Эмили шантажировала его своей беременностью, чтобы обманом женить на себе? У тети Фрэнсис наверняка были основания исключить его из числа подозреваемых. Или она влюбилась в него и была настолько ослеплена своими чувствами, что не замечала очевидного.

– Тут отсутствуют кое-какие переменные, – случайно произношу вслух.

– И какие же? – спрашивает Саксон, хотя, судя по его лицу, и так уже знает.

Я мчусь из маленькой комнаты в библиотеку, а оттуда на улицу. Детектив Крейн по-прежнему разговаривает с полицейскими в форме.

– Могу я оторвать вас на секунду? – спрашиваю я, запыхавшись. На его лице отражается удивление, но лишь на секунду. – Это важно, – добавляю я.

– Ладно.

Он бормочет что-то полицейскому, а потом идет следом за мной, пока мы не удаляемся подальше от чужих ушей. Скидываю с плеч рюкзак и расстегиваю молнию. Затем вытаскиваю блокнот с грибами на обложке, в котором спрятала записку с угрозой.

– Мне нужно снова посмотреть дневник, – говорю я.

Крейн даже не пытается скрыть раздражение и закатывает глаза.

– Энни, я даже еще не был в участке. Но дневник у меня, и теперь это улика. Я не могу вам его отдать.

– Я могу просто полистать его и кое-что проверить? Пока мы здесь стоим? – молю я, но детектив выглядит непоколебимым.

– Взамен я дам вам другую улику.

Он фыркает.

– О нет, так не пойдет. И вы прекрасно это знаете, Энни. Если вы нашли что-то, связанное со смертью Фрэнсис или Эмили Спарроу... Конечно, точно неизвестно, что тело принадлежит именно Эмили, но гипотетически...

Теперь уже я закатываю глаза.

– Я не заберу дневник. Мне просто надо посмотреть на страницу, которую я уже читала. А я отдам вам записку с угрозой, я все равно ее сфотографировала.

– Записку с угрозой?

Его поза меняется, а в голосе появляются стальные нотки.

Самым будничным тоном, на который сейчас способна, я объясняю, как нашла записку.

– Энни, разве я только что не предупредил вас, что в доме небезопасно? Обнаружив ее, вы должны были пойти прямо ко мне.

Крейн явно рассержен. Он кладет руки на бедра, откинув край пиджака, и вся его поза буквально кричит о возмущении и тревоге. Если б я не злилась на него из-за дневника, то даже растрогалась бы.

Я лепечу, что кто-то неуклюже пытается помочь мне выиграть гонку и раскрыть убийство тети Фрэнсис, но это успокаивает его лишь частично. Наконец я достаю из блокнота клочок бумаги.

– Вот, – я протягиваю записку Крейну. – Это вам. Но могу я хотя бы взглянуть на дневник? Пожалуйста!

Он оглядывается на полицейского в форме, но тот либо вошел в дом, либо завернул за него.

– Ладно, – медленно соглашается Крейн и достает из внутреннего кармана пиджака дневник. – Но смотрите прямо тут, пока я обдумываю происшествие с угрозами.

Когда он протягивает мне дневник, из моей груди вырывается вздох благодарности. Стараясь забыть о том, что Крейн стоит рядом и

внимательно наблюдает за мной, я ищу нужную страницу.

Мысли переносятся к Саксону, который сразу вспомнил день рождения моей мамы, когда пытался открыть запертый ящик. Откуда он знает ее день рождения? Мама рассказывала, что родители держались подальше от Грейвсдаун-холла, да и Саксон жил вдали от него, пока учился в школе-пансионе. Однако вспоминая Саксона со страниц дневника тети Фрэнсис, мальчишку, который шпионил за всеми и умело использовал собранные сведения, я начинаю понимать, откуда он узнал.

Листаю страницы, проверяя даты, пока не дохожу почти до самого начала. Вот то, что я искала.

15 сентября 1966 года

Пришел Питер и спорит с мамой. Никто не выносит его жену Тэнси, но теперь, когда у них наконец появился желанный ребенок, пути назад нет...

Хотя, должна признать, Лора – самое милое на свете создание. Ей всего месяц, и она так забавно гулит, когда видит меня.

Фрэнсис не написала «когда у них родился ребенок», она написала «когда у них появился ребенок». И теперь, когда я читаю во второй раз, фраза «*Жаль только, что похожа на мать*» приобретает совершенно другой смысл.

– Мне надо вернуться в дом. У меня много дел, – бормочу я.

Наверное, на моем лице отражается калейдоскоп эмоций, потому что раздражение Крейна немедленно прорывается наружу.

– Вот что я вам скажу, – заявляет он своим фирменным ледяным тоном. – Давайте поедem в деревню и зайдem в «Мертвую ведьму». Я возьму с собой кое-какие документы, закажем поесть, а вы сможете дочитать дневник и сделать заметки, если пожелаете. Обещаю, пока вы будете читать, я тихо поработаю, мы друг другу не мешаем, а когда поедим, я заберу дневник в участок.

В ту же секунду я соглашаюсь. Это лучшее, на что я могла рассчитывать, не говоря уже о том, что страшно проголодалась.

Крейн быстро переговаривается с кем-то по телефону и даже не забирает у меня дневник, пока мы пересекаем лужайку. Наконец, когда

машина уже трогается с гравийной дорожки, мне кое-что приходит в голову.

– А вы не пытаетесь просто увезти меня на время из дома?

Детектив вздыхает:

– Сержант Брейди собирается допросить всех в доме относительно записки с угрозами, которую вы нашли под подушкой. Так что да, в какой-то степени это так. Но скажу честно, только пусть это останется между нами, – говорит он, на мгновение повернувшись ко мне, а потом опять смотрит на дорогу, – мне просто хочется посмотреть, что будет, когда в вашем распоряжении окажутся все ключи.

Я улыбаюсь. Кажется, он почти признался, что мы в одной команде.

Глава 24

Записи из Касл-Нолла, 30 сентября 1966 года

Было уже далеко за полночь, когда в окно моей спальни постучала Эмили. Дождь прекратился, но было холодно, и она стояла, как сиротка, в огромном свитере не по размеру.

– Можно войти?

Я стиснула зубы и смерила ее презрительным взглядом.

– Ну перестань, Фрэнни, мне правда надо с тобой поговорить. Ты же не хочешь, чтобы я устроила сцену и перебудила весь дом?

А она могла. Я знала, что она на это способна. Поэтому я открыла окно, и Эмили влезла в комнату.

– Чего тебе надо? – спросила я.

Во мне бушевал гнев, и я надеялась, Эмили читает эмоции по моему лицу. Чтобы достать до моего подоконника, она забралась на дерево перед окном, и в порыве злости мне захотелось ее столкнуть. Порыв был мимолетный, но меня потрясло, что такое вообще пришло мне в голову. Я заставила себя успокоиться и проглотить бурлящий в душе ураган эмоций.

– Я ужасная, – быстро сказала она. – Я это понимаю, Фрэнни. Все, что я наговорила тогда в доме... Это было мерзко, и все неправда. Форд и знать меня не хочет. Думаю, он видит меня насквозь. И прежде чем ты разозлишься на него, знай все, на что я намекала, – ложь. Ну то есть насчет Джона и ребенка правда.

Она на секунду умолкла, сообразив, что этими словами не вызовет у меня сочувствия.

Но я тут же набросилась на Эмили, не желая, чтобы она вывернула разговор в свою пользу. Она ведь всегда так делала, и от этого у меня голова шла кругом.

– Почему? – рявкнула я. – Я просто хочу знать, почему ты переспала с Джоном?

На мгновение ее лицо сморщилось. А потом она встрепенулась, как истинная Эмили.

– Вообще-то Джон тоже в этом участвовал, не только я, знаешь ли! Это он сделал первый шаг, это он не сводил с меня глаз и заигрывал!

Я была готова к таким отговоркам.

– Сейчас я спрашиваю не о Джоне. С ним я поговорю позже. Сейчас я спрашиваю тебя, почему ты так поступила.

Мой голос был таким резким, что Эмили дернулась, словно я ее порезала. Меня этот результат вполне удовлетворил.

Она несколько раз открывала и закрывала рот, но все-таки в итоге ее маска слетела. Эмили явно недоговаривала чего-то важного. Я знала, что Джон ее не насильствовал – она бы тут же это выложила. И хотя я страшно злилась на Джона за предательство, я верила, что он ее не принуждал.

– Скажи правду, Эм.

Наконец она вздохнула так, будто выпустила весь воздух из легких. Она нервно прикусила локон волос – такого я не замечала за ней много лет. Помню, однажды мать дала ей пощечину за эту привычку, когда думала, что никто не видит.

– Я знаю, выглядит так, будто Уолт от меня без ума, – медленно выговорила Эмили, – но на самом деле он уже несколько недель как отдалился. Подозреваю, мама узнала, что мы встречаемся, и запугала его. Хотя, наверное, я просто пытаюсь отрицать правду. – Эмили подняла взгляд к потолку, и я с удивлением увидела, как она смаргивает слезы. – Он не любит меня, Фрэнсис. Думаю, он просто ждет, пока я сама с ним порву. Я пыталась планировать, как провести время вместе, но наскучила ему. Я ему надоела, Фрэнсис! Я! Ты можешь в это поверить?

Она показала на свое лицо, и этот жест напомнил Фиону Спарроу.

– Ты лжешь, – ровным тоном заявила я. – В тот вечер Уолт страшно разозлился. Я никогда его таким не видела, Эмили. Никогда не видела, чтобы он так разъярился. Разве ты забыла, что он тебя ударил?

– Уолту не понравилось, что, когда он перестал со мной спать, я нашла другого желаемого, – сказала она, как будто это пустяк и можно обсуждать ее отношения с Джоном как ни в чем не бывало.

Мы сидели на моей кровати, и я невольно стиснула в кулаках одеяло.

– Я п-просто хотела, чтобы кто-нибудь меня любил, Фрэнсис, – запинаясь, пролепетала она, а потом по ее щекам потекли слезы. – Я

видела, что Джон любил... любит тебя... И я... я тоже этого хотела. Не Джона, а такой вот любви.

Эмили судорожно вздохнула и всхлинула. Я лишилась дара речи и забыла о том, что собиралась ей сказать. Я никогда не видела, чтобы она так рыдала, никогда.

– Я так злилась, Фрэнсис! Почему все вокруг счастливы, окружены любовью и заботой родителей, и их считают особенными? Почему я получила лишь красоту и жестокость?

Я крепко сжала губы и попыталась понять, что чувствую. Не знаю, как вела бы себя я, если б меня воспитывала мать вроде Фионы Спарроу. Но я не готова была простить Эмили. И честно говоря, сомневалась, что ей это вообще нужно.

– Зачем ты пришла? – наконец спросила я. – Я никогда в жизни не слышала, чтобы ты о чем-то сожалела.

– Господи, ну конечно я сожалею! – Она схватила меня за руку. Выглядела Эмили совсем отчаявшейся. – Я искренне сожалею, Фрэнсис! А дома стало совсем невыносимо. Ты единственная, к кому я могу обратиться за помощью. И хотя я ужасно с тобой поступила, мы через многое прошли вместе. И теперь есть еще невинный младенец. Прошу тебя. Ты же знаешь меня, как никто другой.

Повисла пауза, и в комнату словно невидимый собеседник проник вес всех проведенных вместе лет.

– А что насчет Джона? – с несчастным видом спросила я. – Меня просто выворачивает при мысли о том, что вы поженитесь. В семнадцать лет ведь можно пожениться, да?

Я резко вздохнула. До сих пор мне не хотелось об этом думать, но придется расстаться с Джоном. Даже если Эмили никогда больше с ним не заговорит, даже если он будет умолять и придумывать всякие оправдания, лишь бы я к нему вернулась, надо двигаться дальше. Это не значит, что я не буду страдать от разбитого сердца, но я должна сделать первый шаг в неясное будущее.

«Я вижу в твоём будущем...»

Предсказание вдруг закрутилось в голове как молитва, прервав цепочку размышлений.

Птица и впрямь меня предала, гадалка не обманула.

– Я не хочу выходить за Джона и не хочу быть матерью. Пока не хочу.

Эмили вдруг стала выглядеть решительной и не такой отчаявшейся.

– Не понимаю, чем я могу помочь, Эм.

У меня возникло нехорошее предчувствие, что меня переиграли. Она явно обдумала все заранее и пришла сюда уже с готовым планом. А я-то наивно решила, что Эмили просит прощения. В голову пришли слова Форда о шахматах: «Можно играть без плана, но, скорее всего, ты проиграешь».

Эмили всегда все планировала. И я опасалась, что вот-вот проиграю.

– Мне просто надо найти кого-нибудь, кому нужен ребенок, а потом спрятаться, пока он не родится, и отдать его.

Вот оно что. Теперь до меня дошло, как гениальна ее схема. Эмили все настолько идеально продумала, что я почти испугалась. Вероятно, она размышляла над этим уже несколько недель.

– Питер и Тэнси, – медленно произнесла я.

И вообще-то с этим не поспоришь. Они постоянно ездили в Лондон, в разные агентства по усыновлению, но ничего не получалось. Эмили была у нас, когда они приходили, чтобы попросить у родителей еще денег, потому что усыновление стоит дорого. Они отчаянно хотели ребенка, но, похоже, им не суждено было его родить.

– Я поговорю с ними, но не стану внушать надежду, если на самом деле ты этого не хочешь. Не собираюсь разбивать брату сердце, если ты вдруг передумаешь.

– Не передумаю, обещаю. Мне не нужен ребенок.

Я глубоко вздохнула:

– И где же ты поселишься до рождения ребенка?

Внезапно Эмили обняла меня, сильно удивив этим порывом.

– Думаю, с этим ты тоже способна помочь. О беременности знаете только вы с Роуз, ну еще мальчики. Я взяла с них клятву, что все останется в тайне, хотя с Тедди может быть непросто, потому что Роуз снова дала ему от ворот поворот.

– А что насчет Форда и Саксона? – спросила я.

– Это вторая часть плана. Ты нравишься Форду. И могла бы замолвить за меня словечко.

– В смысле, спрятать тебя в поместье Грейвсдаун?

– Именно так. Это же идеальный вариант – там куча комнат, и я никому не помешаю.

– А Форду это зачем? С какой стати ему в это влезать?

– Думаю, мы сумеем его убедить, – сказала она с лукавым видом.

Мне это не понравилось, и я предложила другую идею.

– Мне кажется, сперва надо поговорить с Питером и Тэнси. Они будут рады, если ты поживешь у них.

Эмили закатила глаза.

– Терпеть не могу Тэнси. И они живут в маленьком доме в самом центре деревни. Я не только сойду там с ума, но и родители тут же меня разыщут, можно не сомневаться.

Мы не разработали план целиком, но надо же было с чего-то начинать. Эмили собиралась наврать родителям, будто ее приняли в лондонскую школу секретарш. Это так старомодно, но мама Эмили окончила подобные курсы во время войны и до сих пор считала, что их должна пройти каждая женщина. Фиона также верила, что должность секретарши позволит Эмили познакомиться с успешными лондонскими бизнесменами, поэтому, если Эм верно разыграет карты, долго работать ей не придется.

У лжи есть одна особенность: в нее гораздо легче поверить, если она тебе нравится.

Глава 25

На следующее утро я просыпаюсь поздно от щелканья ножниц Арчи Фойла, обрезающего изгородь. В окно бьет солнце, и я рада, что вчера успела купить в секонд-хенде Касл-Нолла юбку и футболку. Юбка из толстого вельвета, абсолютно не подходящая для летней жары, зато у нее большие карманы и шикарный темно-зеленый цвет, идеально гармонирующий с потрясающей свободной футболкой. Похоже, она на самом деле из шестидесятых – изображение группы «Кинкс» почти выцвело.

Я заскочила в магазин, пока Роуэн Крейн ждал меня за столиком. Верный своему слову, детектив позволил мне дочитать дневник, почти не обращая на меня внимания, пока сам сосредоточился на своих бумагах. Еда в пабе оказалась на удивление вкусной, и мы почти не замечали друг друга. Я уже многие годы так не расслаблялась в присутствии мужчины.

Уолтер Гордон тоже заглянул в паб, но лишь кивнул нам с Крейном и занял столик в углу. Садясь, он поморщился, вытащил из кармана пузырек с лекарством и проглотил несколько таблеток. Весь вечер он пил только воду и кофе и ничего не ел. Не знаю, зачем он вообще пришел, разве что чувствовал себя одиноким и ему нравилась атмосфера.

Единственным минусом вечера с Крейном было то, что я делала слишком много заметок и долго перечитывала первые записи, поэтому не успела дочитать дневник до конца. Когда паб уже закрывался, я попросила дать мне чуть больше времени, но детектив был неумолим. Хотя и пообещал вернуть дневник, как только сможет, но я терзалась, памятуя о том, что у меня не так много времени.

Посмотрев в окно, я увидела машину детектива Крейна. Похоже, он не преувеличивал, когда говорил, что полиция будет постоянно присутствовать в поместье.

Кажется, с каждым шагом вперед я лишь сильнее запутываюсь в этом странном лесу предательств и убийств в жизни тети Фрэнсис.

В конце коридора – большая ванная комната, с ванной на «львиных лапах» и огромным выбором разных шампуней и прочих туалетных принадлежностей, и несмотря на тикающие часы, я не могу

отказать себе в удовольствии принять ванну. Я выхожу распаренная, источая запах лаванды. Мокрые волосы оставляю распущенными, потому что, высохнув на летней жаре, они превратятся в довольно стильную копну. Та фотография Эмили Спарроу напомнила мне об этом, но, сопротивляясь порыву стянуть волосы в привычный узел, я стараюсь не слишком задумываться о нашем сходстве.

Мне необходим свежий воздух, а еще отвлечься от мыслей, как сильно моя история переплетается с историей Эмили. Выхожу из дома и яростно моргаю от яркого света. Чувствую себя летучей мышью, которую вытолкнули из пещеры. Полночи я разговаривала с мамой по телефону о Реджи Крейне, завещании тети Фрэнсис и, наконец, об Эмили Спарроу.

В типичном мамином стиле она скрывала свои чувства. Узнав о том, что ее настоящая мать, вероятно, Эмили Спарроу, она отреагировала примерно так же, как я на папку своего отца в архиве тети Фрэнсис. Эмили – просто какая-то незнакомка для нее.

Но когда я рассказала ей историю Эмили, рассказала о загадках, которые постепенно распутываются, паузы между словами мамы удлинились, а реакция стала более эмоциональной. Когда я сообщила о том, как тетя Фрэнсис помогла с усыновлением, мама прервала меня и сказала, что ей пора. Полагаю, у нее есть свой способ разобраться с этим.

Я привыкла рассматривать женщин своей семьи как одинокие столпы. Тетя Фрэнсис следила за жизнью соседей из Касл-Нолла, мама затворницей жила в Челси, рисуя свое прошлое. А я, дрейфуя между ними, пытаюсь понять, чью историю рассказываю и чью историю проживаю.

Задумчиво смотрю на стоящий у дома «Роллс-Ройс» и решаю, что могу выполнить несколько важных задач одновременно. Меня так захватили дневник и Эмили Спарроу, что я забыла о расследовании убийства тети Фрэнсис. Саксон, наверное, вырвался вперед, и хотя прошло всего два дня, я чувствую, что время на исходе. Я должна узнать, у кого был доступ к шприцам со смертельной дозой железа. И надо выяснить, как с убийством связаны цветы, потому что я убеждена – связь есть. Плюс еще Арчи Фойл и его темные делишки, которыми его можно шантажировать. Я иду в садовый сарай, надеюсь найти его там.

– Ау, – кричу я, сунув голову в дверь. – Мистер Фойл?

– А, еще раз здравствуйте! – улыбается он, выходя из сарая.

– Я хотела узнать, вы умеете водить «Роллс-Ройс», который припаркован у дома? Я надеялась, что кто-нибудь подвезет меня до деревни.

Арчи смотрит на старый автомобиль почти с тоской.

– Конечно, – отвечает он. – Я держу его на ходу для Фрэнсис. Точнее, держал.

Его лицо вытягивается, и я пытаюсь понять, искренне ли он огорчен. А потом прихожу в ужас оттого, что, глядя на каждого, кто был знаком с Фрэнсис, пытаюсь угадать, лжет ли он.

Потом мои мысли снова возвращаются к расследованию.

– Тетя Фрэнсис ездила на нем в деревню? – спрашиваю я.

Арчи смеется:

– Вообще-то нет. После смерти Билла Лероя, который служил в поместье шофером... – Арчи рассеянно вскидывает голову. – Билл был женат на Роуз, вы в курсе?

– Нет, я не знала.

– Ну так вот, после его смерти я иногда садился за руль и присматривал за машиной, но в основном ее водила Бет.

– Машину водила Бет?!

Я представляю, как Бет в винтажном платье и шляпке-таблетке возит Фрэнсис по окрестностям, прямо картинка из фильма. Интересно, что появилось у Бет первым – интерес к платьям из тридцатых или возможность посидеть за рулем машины из тридцатых.

Арчи смеется:

– Да! Не в своих смешных туфлях! Но она очень любила эту машину, и лет десять назад Фрэнсис попросила меня объяснить Бет, что к чему.

– Значит, Бет и повариха, и шофер, и при этом еще хозяйка магазина? Это же куча работы.

– В магазине у нее есть продавцы, но она и сама трудится не покладая рук. А если уж Бет научилась водить «Роллс-Ройс», то и вы сможете.

Я отмахиваюсь от этих слов.

– Не может быть и речи, хотя спасибо за вотум доверия. Но у меня есть кое-какие вопросы о машине, не возражаете?

– Валяйте, – улыбается он.

– Когда мы приехали сюда на встречу с тетей Фрэнсис, капот был открыт. Это вы чинили машину?

– Нет, хотя тоже заметил открытый капот. – Арчи задумывается на секунду. – Если подумать, я не знаю, зачем она возилась с мотором сама, вместо того чтобы позвать меня на помощь. Я же был здесь с самого утра, обрезал розы.

– У нее нет другой машины?

– Раньше был «Мерседес», я подшучивал над Фордом по этому поводу. Потому что, сами понимаете, Форд... – Арчи выжидающе смотрит на меня, но я предоставляю ему самому посмеяться над собственной шуткой. – Ездит на «Мерседесе», да?

Я слабо улыбаюсь и выдавливаю смешок, только из вежливости.

– Ага, примерно так же он это и воспринимал. В общем, я отремонтировал половину машин Касл-Нолла. – Он смеется, на мгновение погрузившись в воспоминания. Я уже поняла, что Арчи Фойл любит поболтать, но его нужно направлять в разговоре, чтобы он не менял тему. – Спросите Уолта Гордона о старом фургоне, я даже его пару раз чинил в незапамятные времена. Вот уж машина, которая многое повидала!

Арчи снова смеется, и мне приходится прикусить губу, чтобы на лице не отразился шок – я вспоминаю слова из дневника тети Фрэнсис о Роуз и Арчи на заднем сиденье той машины.

– Как думаете, вы сумеете починить «Роллс-Ройс»? – спрашиваю я.

– С удовольствием попробую. – Он подходит к пассажирскому сиденью и говорит: – Можно проверить аккумулятор, но я сам его ставил и уверен, что дело не в нем.

Арчи стучит по деревянному ящику, стоящему на длинной металлической пластине с внутренней стороны дверцы.

– Это... Неужели в ящике аккумулятор? – удивляюсь я.

– Нет, в нем надежды и мечты этой машины, – с серьезным видом заявляет Арчи.

Я смеюсь:

– Эта шутка получше.

Арчи ухмыляется, он явно получает удовольствие от того, что я абсолютно не разбираюсь в машинах. Но мне правда хочется понять,

потому что это немаловажная деталь – машина тети Фрэнсис сломалась именно в день убийства.

– Давайте, садитесь за руль, посмотрим, что там с двигателем. Нет, не сюда, – останавливает он меня, когда я направляюсь к водителскому месту. – Придется сесть со стороны пассажира.

Мне хочется спросить почему, но Арчи уже открывает капот и наполовину скрывается внутри. Я слышу странный лязг и ругательства, пока он разбирается во внутренностях автомобиля.

Он выныривает обратно и садится рядом со мной.

– Давайте ее заведем, – говорит он.

Арчи дает мне указания, что переключать, и я стараюсь запомнить последовательность действий, чтобы самой завести машину, если понадобится.

Ничего не происходит, и мой энтузиазм немного испаряется.

– Может, дело во мне, – говорю я.

– Чепуха. Ненавижу ошибаться, но придется все-таки проверить аккумулятор.

Арчи направляется к маленькому ящику, на который указал раньше, и возвращается уже через минуту.

– Починил. В этой машине аккумулятор приходится вынимать и заряжать. Видимо, когда я поставил его обратно, то плохо подключил. – Только морщины у него на лбу углубляются, и он озадаченно чешет подбородок. – Может, я просто старею, – неуверенно произносит Арчи.

Он снова показывает мне, как завести машину, и на сей раз «Роллс-Ройс» урчит и набирает обороты, когда я нажимаю на газ. Я радостно вскрикиваю, неожиданно получая удовольствие от того, что сижу за рулем этой большой машины.

– Так, теперь давайте прокатимся, – говорит Арчи.

– Погодите, вы что, хотите, чтобы я его вела?

– Почему бы нет? Если может Бет, и вы сумеете, – ободряюще улыбается Арчи.

– Наверное, вы правы, – говорю я, хотя мной снова овладевает страх. Но я стряхиваю его, потому что уж это я могу освоить. И мне нравится думать, что у меня получится хорошо. Оказавшись в деревне, я как минимум один раз теряла сознание и еще несколько раз испытывала панические атаки. Поэтому я стискиваю зубы и решаю,

что изо всех сил постараюсь вести эту проклятую машину как следует. – Итак... мне надо знать что-то еще? – спрашиваю сквозь рев двигателя.

– Ну на сельских дорогах эта машина выглядит смешно. Это же «Роллс-Ройс Фантом II», он принадлежал отцу покойного мужа Фрэнсис. Так что постарайтесь его не разбить. Он довольно дорогой и входит в наследство.

– О боже, только не надо об этом, – стону я. – Давайте прокатимся до поворота на вашу ферму, хорошо?

Арчи мрачнеет:

– Лучше до деревни. Мне и самому там кое-что нужно.

Чертыхаясь, я несколько минут борюсь со сцеплением и коробкой передач. Совсем не похоже на «автомат» в машине Дженни – единственной, которую я водила после сдачи экзамена. Арчи, кажется, в восторге от происходящего. Наконец мне удается понять принцип переключения передач в этой машине, и мы начинаем медленно катиться по дороге. По мере того как огромный дом уменьшается позади, у меня как будто отнимают спасательный круг, и я чувствую себя за рулем еще более крошечной. Но когда у меня начинает получаться, я испытываю чувство выполненного долга и вскоре и впрямь начинаю наслаждаться поездкой.

– Как я понимаю, тетя Фрэнсис забрала вашу ферму, – говорю я.

– Ну она то отдавала ее, то забирала, – отвечает Арчи, глядя в окно на окружающие просторы, и в его голос внезапно закрадывается обида.

– Все это немного запутано.

Приближается поворот с указателем «Ферма Фойла», и я внезапно принимаю решение. Быстро выкручиваю неповоротливый руль, и вот мы уже трясемся в сторону фермы.

– Эй! А как же деревня? – восклицает Арчи. Он явно раздражен, но не сердится.

– Я просто очень хочу увидеть вашу ферму! – с энтузиазмом и легкостью отвечаю я.

Мне и правда надо ее увидеть, и в основном потому, что Арчи, похоже, старается избегать ее. А еще я хочу поговорить с Миюки, главным ветеринаром Касл-Нолла.

Но когда мы останавливаемся у дома, рядом с живописной водной мельницей и ручейком с утками, все эти мысли вдруг улетучиваются. Я думаю только о компании подростков, которым велели держаться подальше от этого дома. О ссоре, раскрытом секрете и стрельбе из револьвера. И о маме, тогда еще не рожденной, спрятанной под украденным пальто, которое сорвала обиженная подруга.

Голос Арчи вырывает меня из мыслей:

– Тогда входите, – устало говорит он. – Я поставлю чайник.

Я смотрю на парники рядом с домом, поджаривающиеся на солнце как огромные гусеницы. За ближайшим стоит амбар, и женщина в крепких сапогах ведет к нему лошадь из фургона.

– Было бы здорово, – отзываюсь я, не сводя глаз с сарая. – Это подруга вашей дочери? Я с удовольствием бы с ней познакомилась.

Арчи кивает и настороженно смотрит на Миюки.

– Идите поздоровайтесь, а когда захотите выпить чаю, заходите через боковую дверь. Только не входите в теплицы, там очень хрупкая экосистема.

Он исчезает в доме.

Направляясь к амбару, я обхожу первую теплицу, но останавливаюсь, заметив, *что* растет между ними.

Кусты белых роз на длинных стеблях выглядят великолепно под летним солнцем. Глядя на стебли, я чувствую зловещий холодок. Они такие же, как те, с иглами, в этом я уверена. Кто бы ни послал тете Фрэнсис розы, они выросли на этой ферме.

Осторожно ступаю между кустами, и тут меня замечает Миюки. Она машет рукой, и я с трудом избавляюсь от напряжения на лице, делано улыбаюсь и машу в ответ.

– Вы Энни Адамс, – говорит она, когда я подхожу ближе.

Это не вопрос, да и нет нужды спрашивать. Учтывая связь Бет с поместьем Грейвсдаун, неудивительно, что она знает, кто я.

– Привет, приятно познакомиться. – Она не представилась, но я рада, что мы не притворяемся, будто не знаем, кто мы есть. – Миюки, верно?

Она кивает и проводит густой щеткой по крупу гнедой кобылы.

– Ваш пациент? – спрашиваю я.

Понятия не имею, как перевести разговор на инъекции железа. Я едва сдерживаю желание вбежать в амбар и тщательно все осмотреть.

Но внутри не видно ничего подозрительного, только стойла, много сена и висящие на стенах седла.

После моего неуклюжего вопроса Миюки поднимает бровь, но все равно отвечает:

– Нет, это моя лошадь. Я в основном посещаю пациентов на дому. А сама клиника вон там. – Она мотает подбородком в сторону двери. – В ней я могу при необходимости проводить операции. Там все по последнему слову техники.

Я уже открываю рот, чтобы спросить, нельзя ли взглянуть, но девушка многозначительно смотрит на меня, и я резко захлопываю рот.

– Я понимаю, почему вы здесь, – говорит она, на удивление весело. – Честно говоря, я уже заждалась.

– В каком смысле?

– Детектив Крейн и Саксон заходили сюда в тот же вечер, когда огласили завещание. А вы немного припозднились, Энни.

Мое лицо каменеет, но я надеюсь, что выгляжу смущенной, а не встревоженной, узнав эту новость.

– Они интересовались инъекциями железа, да? – мрачным тоном спрашиваю я – мне всегда плохо удавалось скрывать чувства.

Миюки опять принимается расчесывать лошадь, которая уже стала тыкать ее мордой, требуя внимания.

– Да. И вам скажу то же самое. Примерно неделю назад к нам вломились, и я слишком поздно об этом сообщила, но уже написала заявление.

– А почему вы не заявили об этом сразу же? – спрашиваю я.

Миюки явно ждала этого вопроса, так что вряд ли я слишком напирала.

Она морщится:

– Если честно, я выбежала из клиники и не заперла ее как следует. Так что в какой-то степени сама виновата. Но, прежде чем вы спросите, да, украли все запасы лекарств для лошадей, включая инъекции железа. Я держу их для раненых лошадей, а использую не так часто. Но тогда я решила, что вору нужен был кетамин.

– У вас есть мысли, кто это мог быть?

– Если б я знала, полиция уже арестовала бы вора. Но это же сельская клиника, я не особо слежу за безопасностью. У меня нет

камер, да и в голову не приходит запира́ть дверь, когда живешь так далеко от людей. Да и деревенские тоже вряд ли о таком заботятся.

У меня опускаются плечи. Если Миюки не лжет, то шансов найти убийцу на основании того, кто имел доступ к препаратам для лошадей, крайне мало. Но это говорит об одном – очень вероятно, что Саксон был прав, и железо, убившее тетю Фрэнсис, получено из этой клиники.

Отсюда появились и розы. Только из-за этого Фойлы вызывают меньше подозрений – не могли же они выбрать сразу два орудия убийства, указывающие на них?

И все же мне кажется, я что-то упускаю. Вспоминаю о выражении лица Арчи чуть раньше – при взгляде на Миюки его буквально прошиб пот. Я благодарю девушку и направляюсь к дому в поисках Арчи. Но когда я чуть не врезаюсь в теплицу, до меня вдруг доходит. Его хмурый вид не имел отношения к Миюки.

Решаю проигнорировать его указания насчет теплиц и направляюсь прямо в «хрупкую экосистему».

А там, оказывается, растут ряды жирной марихуаны.

Почти минуту Арчи молча сидит передо мной. Перед ним дымится чай, но он к нему не притрагивается. Арчи видел, как я выхожу из теплицы – мне следовало заметить, что окна кухни выходят на эту сторону дома, хотя я все равно не остановилась бы.

Арчи просто стоял, глядя на меня в окно, и как ни в чем не бывало пил чай. Мы уставились друг на друга, а потом он жестом пригласил меня войти.

– Вы похожи на хорошего человека, Энни, – говорит он и наконец отхлебывает чай. – Раз мы с Саксоном заключили сделку, будет справедливо, если я предложу ее и вам.

Я едва сдерживаю стон. Ну конечно же, Арчи помогает Саксону, ведь Саксон знает его почти всю жизнь. Не могу представить их друзьями, но наверняка их многое связывает.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Мне это интересно. Полагаю, сделка касается фермы? Думаю, вы слышали об условиях завещания тети Фрэнсис.

Поняв, что я не собираюсь злиться или звонить в полицию, Арчи расслабляется. Его подпольный бизнес интересует меня, только если имеет отношение к убийству тети Фрэнсис.

– Да. У меня тут небольшой побочный бизнес, как видите... А Фрэнсис его не одобряла. Она всегда была такой законопослушной. Но это же безобидное дельце, я уже несколько лет им занимаюсь.

Мой мозг начинает раскладывать факты по полочкам.

– Так тете Фрэнсис не нравился ваш «побочный бизнес», потому что он противозаконный?

– Скажу прямо, я немного накосячил... – Он умолкает и хлопает себя по колену. – Накосячил! Вот это отличное слово!

Я уж точно не мечтала провести это утро с человеком, отпускающим идиотские шуточки о косяках.

– Я вас поняла, но тетя Фрэнсис не предпринимала никаких мер против вас из-за этих растений, верно?

– Она предпочитала меня предупредить. Ставила ультиматумы и все такое. – Он отмахивается, словно это ерунда. – Даже оценила ферму в «Джессоп филдс» и показала планы строительства на этом месте жилого комплекса, если я не прекращу. Но это были всего лишь запугивания, не более. Я же хорошо знал Фрэнсис, а она только двигала фигурки по шахматной доске. Хотела, чтобы я сам что-то предпринял, прикрыл свою лавочку и прочее.

Вероятно, именно благодаря оценке фермы, сделанной «Джессоп филдс», Оливер и получил возможность угрожать Арчи. Одно дело – курить травку, за это надолго не посадят, если вообще посадят. Но выращивать и продавать? Совсем другое.

– Как я понимаю, бизнес процветает?

Я заинтересованно приподнимаю бровь. Пусть Арчи считает, что лучше сделать ставку на меня, и если я раскрою убийство тети Фрэнсис и унаследую поместье, то не стану ему мешать. Хотя, если честно, я понятия не имею, как поступила бы. Поживем – увидим.

– Я все вам расскажу, только дайте слово – никакой полиции. Вы же не хотите, чтобы убийство раскрыл детектив, верно? А я не хочу, чтобы мой бизнес прихлопнули, в деревне все и так уже переполошились, узнав о планах «Джессоп филдс».

– Даю слово, что не заявлю в полицию о вашем «побочном бизнесе», – осторожно говорю я. Это не помешает мне намекнуть, чтобы полиция в итоге сама все выяснила, но спешить некуда. Надеюсь, я сумею уговорить Арчи отказаться от нелегального промысла. Я уже собираюсь спросить об Эмили Спарроу и его жизни в

1965 году, как вдруг замечаю насущую по главной дороге в сторону деревни машину «Скорой».

Меня охватывает странное предчувствие. Глупо преследовать «Скорую», наверняка просто какой-то пожилой человек упал и сломал бедро.

Но я ничего не могу с собой поделать, и с моих губ слетает вопрос:

– Можете подбросить меня до деревни, Арчи? Мне надо кое-что проверить.

Глава 26

Записи из Касл-Нолла, 1 октября 1966 года

В моем кармане оказалась еще одна угроза, даже ужаснее первой.

Я не хотела, чтобы ее видел Форд, он был таким добрым, помогая с Эмили. Но и таким загадочным. Когда кому-то требовалась помощь, его острые края и язвительность вдруг исчезали. Поэтому я хранила сложенную записку в кармане вместе с первой. В конце апреля Форд отвез нас на большой машине в свой дом в Челси. Нас было пятеро – я, Роуз, Эмили и Саксон. Точнее, шестеро, если считать его шофера Билла Лероя.

Форд ясно дал понять, что больше не потерпит на территории поместья никаких парней, после того как Уолт ударил Эмили.

Питер и Тэнси в нервном возбуждении ждали нас на пороге. Они приехали, чтобы помочь Эмили устроиться, но в тот же вечер планировали вернуться в Касл-Нолл. Мы донесли чемодан Эмили и отвратительный пластмассовый футляр с пишущей машинкой, подаренной родителями для курсов секретарш, на которые она не собиралась ходить.

– Я отнесу, – сказал Питер, забирая у Эмили футляр.

– Спасибо, – отозвалась она. – Кто знает, может, я даже научусь хорошо печатать, пока тут живу.

Мы с Роуз понимающе переглянулись. Живя в Лондоне, Эмили наверняка перепробует множество занятий, но печатание на машинке явно не будет для нее приоритетом.

Эмили поселилась в Челси, поскольку Питер и Тэнси настаивали на том, чтобы она регулярно посещала врача. Эмили отказалась идти к врачу в Касл-Нолле и напомнила, что рожать в местной больнице – плохое решение, если она хочет сохранить беременность в тайне. В больнице работали акушерками как минимум две прихожанки церкви, которую регулярно посещали ее родители.

А раз Эмили не могла ходить к врачу в Касл-Нолле, оставалось только поселить ее в другом доме Форда – в Челси. Пришлось убедить его, и это было непросто.

Под конец уже не только я просила за Эмили, но и Питер с Тэнси. Думаю, сыграло роль то, что Форд увидел, как мечтает о ребенке

Тэнси и как Питер старается поддержать ее после многочисленных попыток. Поэтому Форд уступил, якобы из-за моей преданности Эмили. Форд никогда не спрашивал, от кого ребенок.

Форд открыл дверь, и мы вошли в дом.

– Ох, какая красота! – выдохнула Эмили.

И она была права. Черно-белый кафельный пол широкой и элегантной прихожей был отполирован до такой степени, что в нем отражалась ярко горящая люстра, висящая у нас над головами. Из кухни растекались ароматы приготовленного ужина – Форд позаботился обо всем.

– Ты заранее прислал сюда экономку, чтобы она подготовила дом? – спросила я.

Он многозначительно улыбнулся и ответил:

– Я же не могу просто отдать ключи и бросить беременную девушку, почти подростка, на произвол судьбы в незнакомом городе. Миссис Бланчард останется с Эмили, пока она будет жить здесь. В поместье у меня есть другая прислуга, а это не навсегда.

– Да, – улыбнулась я. – Не навсегда.

Эмили обходила комнату за комнатой, словно Форд отдавал ей дом на всю оставшуюся жизнь. У меня возникло неприятное чувство, от которого я никак не могла избавиться. Эмили вела себя так, словно, забеременев, выиграла приз. Я наблюдала, как она стояла в прихожей, положив руку на выпирающий живот, и сияющими глазами смотрела Форду в спину.

Мне в голову пришло только одно: Фиона Спарроу гордилась бы дочерью.

Я сразу же попыталась отбросить эту мысль, но она постоянно вонзалась в голову, как острый шип. Мне стоило огромных усилий убедить Форда помочь. Он даже не стал спрашивать, кто отец ребенка, потому что знал про Эмили и Джона. Я не сомневалась, Саксон ему все рассказал.

Питер и Тэнси о чем-то шептались с Фордом, вероятно, просили миссис Бланчард следить, чтобы Эмили принимала витамины, не пила, не курила и ходила к врачу.

Но я подслушала кое-что, не предназначавшееся для моих ушей, и от этого успокоилась. Шипы Эмили больше не впились в мысли. Я

уложила эти слова в памяти, чтобы вытащить и тайно насладиться их теплом, когда понадобится.

– Так щедро с вашей стороны, Форд, вы столько для нас сделали. И для Эмили, – сказал Питер.

Форд ответил:

– Я рад помочь, но буду честен. Я делаю это не для вас и не для Эмили. Я делаю это для Фрэнсис.

Шины велосипеда шуршали по гравийной дорожке у Грейвсдаун-холла, цепь я смазала, так что она больше не скрипела. Мне не хотелось, чтобы мама услышала, как я уезжаю. Она считала, что я уже в постели, хотя было всего девять вечера. В отличие от Фионы Спарроу, моя мама не одобряла семейство Грейвсдаунов. Она говорила, что с ними что-то не так, и всякого, кто с ними свяжется, ждет беда.

Мне с трудом удалось выкинуть ее слова из головы, потому что она, в сущности, не ошиблась. Арчи с разгромленным домом и его отец, сбежавший с первой женой Форда, автокатастрофа, в которой погиб лорд Грейвсдаун вместе со старшим сыном и его женой... Даже бедняга Саксон не был похож на нормального ребенка.

Стоя у большой двери Грейвсдаун-холла, я внезапно задумалась, что вообще творю. Зачем я пришла? Эмили пряталась в Челси, но воодушевление от слов Форда («Я делаю это не для вас и не для Эмили. Я делаю это для Фрэнсис») начало тускнеть, потому что он не пытался со мной встретиться. А ведь мог бы прийти в деревню, меня нетрудно найти.

Но почему не пришел?

Вспышка злости заставила меня позвонить в колокольчик. Я не была особо смелой, но кое-чему научилась у Эмили. Разум твердил забыть обо всем, что имеет отношение к Форду и Грейвсдаун-холлу, жить дальше и никогда сюда не возвращаться.

Но я чувствовала мощное притяжение. Неуловимое и постоянное, проникшее до самых костей, когда тело может только слепо подчиниться. Таким притяжением стал для меня Форд. Я сказала себе, что чем больше времени проведу в его доме, тем больше у меня шансов приоткрыть завесу тайны. Он ведь просто человек. Такой же надломленный, с такими же недостатками, как и все

остальные. Я соберу все эти беспорядочные фрагменты, и чары будут разрушены.

Я глупо полагала, что именно так и будет. Я еще не знала, насколько сильнее становится притяжение, когда видишь беспорядочные фрагменты человека и вдыхаешь их, делая своими.

Горничная провела меня в библиотеку, где сидел Форд, покручивая в руке бокал с янтарной жидкостью на дне. Когда мы вошли, он читал газету и даже не поднял голову. Сегодня он не зачесал волосы назад, и они лежали свободной волной. Саксон, видимо, уже спал, потому что Форд был один.

– Ты передала Монтгомери, что я не смогу приехать? – спросил он и поставил бокал, не сводя взгляда с газеты.

– Да, сэр, – ответила горничная.

Она переминалась с ноги на ногу и уже открыла рот, чтобы объявить о приходе гостя, но Форд продолжил говорить, и она не посмела его прервать.

– Хорошо. Их приемы стали такими скучными. Те же люди с теми же дочерьми.

Горничная покашляла, и он наконец поднял голову.

Форд посмотрел на меня все с тем же выражением лица и махнул рукой, отпуская горничную. Я почувствовала себя полной дурой, стоя здесь в самодельных брюках как у Одри Хепберн и черной водолазке, да еще и оставив перед домом велосипед, как ребенок. Заметив, как его челюсть слегка напряглась, я ощутила себя шахматной фигуркой в уже сыгранной партии.

Эта мысль пригвоздила меня к полу, и я больше не чувствовала себя дурой. Я чувствовала злость. Как будто разгадала всю суть происходящего в последние месяцы – скучающий аристократ поразвлекся с компанией деревенских подростков. Он поджег фитиль у пороховой бочки, только чтобы узнать, сможет ли предсказать, когда она взорвется.

Я даже засомневалась в тех его словах. Может, он произнес их достаточно громко, чтобы услышала Эмили? Вдруг они были очередным ходом в игре?

Я вонзила ногти в ладони и почувствовала, что его чары и власть надо мной начинают едва заметно трескаться, как лед под нажимом.

– Фрэнсис, – наконец произнес он. – Чему обязан такому удовольствию?

Его голос был ровным, почти ледяным. И он не пригласил меня сесть. Поэтому я расправила плечи, словно сама решила не садиться.

– Как поживает Эмили? – спросила я.

Произнося ее имя, я слегка поморщилась, но не стала скрывать напряженный тон.

Форд прищурился, но ответил не сразу. Сначала двумя быстрыми движениями сложил газету, так что хрустнула бумага, а потом с излишней резкостью бросил ее на столик.

– Почему ты сразу не задашь вопрос, ради которого пришла, Фрэнсис? – холодно спросил он.

Я скрестила руки на груди и пристально посмотрела на него:

– Ребенок от тебя?

Уголок его губ дернулся вверх, как будто на Форда произвела впечатление моя смелость.

– Не знаю, – как ни в чем не бывало произнес он, откинувшись в кресле, и остатки льда растаяли. – Присядь, Фрэнсис. Ты стоишь, как Боудикка перед римской армией.

Форд склонил голову и сардонически усмехнулся. С другой стороны от него стояла тележка с напитками, он взял пустой бокал, плеснул в него янтарной жидкости и протянул мне.

Я никогда раньше не пила виски, и меня немного возмутило, что Форд не спросил, хочу ли я, а сразу налил напиток, который я, скорее всего, сочту столь же отвратительным, сколь и дорогим. В ноздри ударил запах земли, карамели и горелых спичек, а горло обожгло огнем, и я закашлялась.

Форд во второй раз за вечер засмеялся, но на этот раз открыто и раскатисто, и его глаза сверкнули, когда он посмотрел на меня.

Во мне снова вспыхнул гнев.

– Не смотри на меня так, – сказала я.

– Как? – спросил он и сделал еще один глоток.

– Как будто мои деревенские манеры и неопытность тебя забавляют. Ты отказываешься от светских приемов, находя их скучными, поэтому ищешь себе игрушки среди местных.

Он вздрогнул, словно я дала ему пощечину, и провел рукой по лицу.

– Полагаю, я это заслужил.

Я выдохнула, почти довольна.

– И что ты имел в виду, сказав, что не знаешь, твоего ли ребенка носит Эмили? – добавила я.

Форд глубоко вздохнул и искоса посмотрел на меня.

– А знаешь, Фрэнсис, когда мы познакомились, мне почему-то захотелось, чтобы ты была обо мне хорошего мнения. – Он встал и неспешно подошел к книжному шкафу. – Это на меня не похоже. – Форд обернулся на меня, глядя пальцем полированное дерево полки. – Скажу честно, после того как жена меня бросила, я зачастил по шикарным светским приемам в Лондоне. Менял одно развлечение на другое, а женщин еще быстрее. С твоей подругой Эмили все было так же.

Форд снова посмотрел на полки и вытащил книгу наугад, как будто хотел чем-то занять руки.

– Однажды вечером я столкнулся в лесу с Эмили, Уолтом, Джоном и Роуз и сказал им то же самое, как и в тот вечер, когда познакомился с тобой. Они могут остаться, если будут держаться подальше от дома. Как-то вечером примерно через неделю сюда явилась Эмили, преисполнившись смелости. В таком наряде, что легко сошла бы за свою на светском приеме, и ее намерения были ясны. Да, в одном ты не ошиблась насчет меня – я скучал.

Я сделала еще глоток и на этот раз не закашлялась.

Форд поставил книгу обратно и вытащил другую.

– Я позволил ей меня обольстить. Но был осторожен. – Он многозначительно посмотрел на меня. – Я же не идиот, использовал средства защиты. Я сказал ей, что больше это не повторится. Эмили это страшно не понравилось. Думаю, она очень долго не понимала, что мне интересна не более, чем любая другая симпатичная девица.

Он отвернулся.

– Как мило ты рассуждаешь о женщинах, – спокойно произнесла я.

Мой голос немного охрип не только от виски, но и от осуждения.

Форд вздохнул и на мгновение уставился в потолок.

– Каждый раз при встрече с тобой, Фрэнсис, я предупреждал, чтобы ты держалась от меня подальше, – устало сказал он с легким раздражением. – Ты слишком невинна для того развращенного мира, который я унаследовал. – Форд вернулся к своему креслу и, садясь в

него, наконец-то посмотрел мне в глаза. – Так что, может быть, хотя бы сейчас это удастся. Ты была права насчет меня, я скучающий аристократ, отчаянно нуждающийся в новых играх.

Я пристально посмотрела на него. Он был всего на пару лет старше меня, но вел себя так, будто явился из совершенно другого времени.

– Ты ведь всегда так жил, а не только получив наследство, верно? – Я внимательнее рассмотрела библиотеку и заметила, что полка, у которой он только что стоял, была забита книгами по военной стратегии. А следующая – по экономической теории и истории промышленности. Чем дальше я разглядывала библиотеку, тем яснее понимала, что она заставлена символами побед. Охотничьи трофеи, кубки с матчей поло, биографии Черчилля и Наполеона.

– Эта библиотека, – сказала я. – Все это принадлежало твоему отцу.

– Отец был завоевателем, – тихо произнес Форд, глядя на содержимое своего бокала, и слегка покрутил его. – Меня учили быть таким же, но только мой брат достиг в этом совершенства. Они с отцом многократно увеличили состояние Грейвсдаунов. Они умели брать у людей все, что хотели. После их смерти я пытался жить по тем же правилам. – Он горько усмехнулся и осушил бокал. – Я и не знал никаких других правил, кроме умения побеждать. Когда от меня ушла жена, меня переполняла злость. Я отобрал у Фойлов ферму, и их семья разъехалась кто куда.

Я не знала, что на это ответить, и просто смотрела на него.

– Как же так вышло, Фрэнсис, что тебе так легко удалось меня обойти? Знаешь, ты единственная женщина, которую мне не получилось втянуть в свою игру. Ты поломала все правила, просто отказываясь играть, и тем самым показала, как легко подкосить саму основу моей жизни. Я просто картонный домик. – Он слегка прикусил губу, погрузившись в размышления. – Ты пришла, чтобы снова сбить меня с ног, да?

Паутина трещин на его чарах не исчезла, но вдруг стала выглядеть совсем по-другому. Я увидела ее хрупкую красоту.

Я постучала в дверь Форда с предчувствием зарождающегося влечения, которое не принесет ничего хорошего. А ушла с гораздо

более сильным чувством. Не любви, нет, а странной дружбы, запутанной и ошибочной.

Возвращаясь домой в час ночи, я была так погружена в свои мысли, да и голова слегка кружилась от виски, что забыла тихо прокрасться через заднюю дверь. Мама спустилась и включила свет. На ее лице отразилось удивление, потом гнев, а затем тревога.

– Что происходит, Фрэнсис? Только не говори, что ты просто спустилась выпить стакан молока или еще что-то в этом роде. Ты полностью одета, даже накрашена. Ты гуляла с Джоном?

Мама окинула меня взглядом, означавшим, что я сама должна рассказать ей то, о чем она не хотела спрашивать. Но я не хотела ни с кем этим делиться. Я не рассказала ей, что порвала с Джоном, все слишком запуталось. Я стала такой лгуньей.

Поэтому просто вздохнула и сказала:

– Такое больше не повторится, мама.

Она по-прежнему выглядела встревоженной, но кивнула:

– Значит, завтра ты останешься дома и будешь весь день помогать мне в пекарне.

– Хорошо.

Неделю спустя мама застучала меня, когда я возвращалась домой в два часа ночи, хотя я старалась производить как можно меньше шума. За это она посадила меня под домашний арест на все выходные.

Мои родители были людьми разумными, не такими строгими, как у Эмили, и не такими безразличными, как у Роуз, золотой серединой. Они позволяли мне наслаждаться свободой, но наказывали, если я заходила слишком далеко. В третий раз я сумела прокрасться в дом, не попавшись маме на глаза, но на четвертый сибила кувшин с водой, который она сообразила поставить у задней двери.

После этого мои выходные наполнились разными изобретательными наказаниями, и я проводила время под строгим присмотром. Весь май я разбирала гараж, а в июне и в июле пропалывала заросший сад на заднем дворе. Но в августе сорняки на нем закончились, и мама пристроила меня работать в сад бабули Симмонс через дорогу. Так что, благодаря маме, я много недель не виделась с Фордом.

Я снова начала задаваться вопросом, почему он не приходит повидаться со мной.

И заволновалась, потому что скучала по нему.

Глава 27

«Скорая» стоит перед гостиницей «Касл-хаус». Огни до сих пор сверкают, но сирена выключена. С бурлящей тревогой я вбегаю внутрь через тяжелые двойные двери. В голове эхом крутятся слова Арчи Фойла: *«Грустно осознавать, что теперь из трех осталась только Роуз».*

Три подружки настолько переплелись между собой в моих мыслях, что мне кажется логичным – убийца Фрэнсис пришел и за Роуз. Если Фрэнсис узнала, кто убил Эмили, первым делом она рассказала бы Роуз. И это превращает Роуз в мишень, даже если у Фрэнсис не было возможности поговорить с ней о своих выводах. Я уверена, Фрэнсис убил тот, кто хорошо ее знал, а значит, он понимал, что Роуз тоже может стать помехой. В вестибюле пусто, и, озираясь по сторонам, чтобы понять, куда подевались медики, я не могу не отметить, как здесь светло и красиво. Высокие потолки и светло-желтые обои, которые выглядят шелковыми.

За стойкой администратора – два высоких эркерных окна, выходящих на подстриженный газон. Там тоже никого, только расставленные под белыми полотняными зонтиками столы с отглаженными скатертями. Заметив поникшие букеты на подставках, я тяжело вздыхаю. Их явно сделала Фрэнсис незадолго до смерти, и Роуз не могла заставить себя их выбросить.

Слева, в стене с дубовыми панелями, открыта дверь, и оттуда доносятся голоса. А потом выходит мужчина в гостиничной униформе, и когда он проходит мимо, я хватаю его за руку.

– Простите, я ищу Роуз. Она здесь?

– Сейчас она плохо себя чувствует, – отвечает он. – За ней присматривает сын, но я могу помочь вам вместо нее.

– Она поправится? Вообще-то я пришла узнать, как она. Я встречалась с ней пару дней назад. Моя тетя Фрэнсис была ее лучшей подругой.

– С ней все будет в порядке, она просто немного напугана. – Он понижает голос. – Сказать по правде, думаю, ее выбило из колеи то, что случилось с Фрэнсис. И я ее не виню. Никому не нравится думать, что по Касл-Ноллу разгуливает убийца.

– Если это Лора, скажи, чтоб убиралась обратно в Лондон! – раздаётся голос из соседней комнаты.

Такая озлобленность застаёт меня врасплох. Потом я вспоминаю тот момент, когда Роуз впервые меня увидела, – она вдруг разозлилась, но все же сумела взять себя в руки. Мне приходит в голову, что на мгновение она приняла меня за маму. Интересно, чем мама так ей насолила?

– Я не Лора, – отзываюсь я легкомысленным тоном, чтобы разрядить ту ярость, которая может быть направлена в мою сторону. – Это снова Энни, дочь Лоры. Мы встречались несколько дней назад в Грейвсдаун-холле, помните? Я увидела на улице машину «Скорой помощи» и забеспокоилась. Я просто хотела убедиться, что с вами все в порядке.

Становится тихо. Наконец из двери высовывает голову Джо. Его зеленая форма слегка помята, а глаза покраснели, выглядит он осунувшимся.

– Еще раз здравствуйте, Энни, – выдавливает он слабую улыбку. – Как мило, что вы зашли проведать маму. – Он подходит к стойке администратора и оттаскивает меня в сторонку, так что я чуть на натыкаюсь на горшок с папоротником. – Мама поцарапала палец о шип из букета, который дала ей Фрэнсис. – Джо косится на увядающий букет на стойке. – Она испугалась, что может отравиться, но все хорошо. Мама просто расстроена из-за Фрэнсис и опасается за себя. Да еще этот змей Оливер, – тихо добавляет он. – Она с вами встретится, только, пожалуйста, будьте с ней помягче, очень прошу. Фрэнсис была для мамы всем, как мама для меня. Я не хочу, чтобы ей снова причиняли боль.

– Понимаю, – говорю я.

Мне все интереснее, что сейчас скажет Роуз; у меня накопилось к ней столько вопросов. Только я не хочу слишком давить на нее, не хочу быть жестокой внучатой племянницей, которая даже не знала Фрэнсис, и задает вопросы, только чтобы получить наследство.

Джо ведет меня в уютную гостиную со стенами из дубовых панелей и антикварными кожаными диванами. Следом за нами входит официантка с чаем и трехъярусным блюдом с крохотными пирожными и сэндвичами, и пока она расставляет все это, мы с Джо молчим. Джо подводит меня к высокому креслу напротив дивана, в котором сидит

Роуз. Взяв мать за руку, он смотрит на нее, словно на готовую взорваться бомбу.

Роуз надолго задерживает взгляд на мне и, похоже, видит знакомые черты, которые ее злят.

– Подыши, мам. Подыши.

Джо поглаживает ее по спине, а я стою потрясенная и не знаю, что делать. Я не могу сейчас заговорить об убийстве, когда она в таком состоянии.

– Она так на нее похожа, – обращается Роуз к Джо и рыгает, отчего я вздрагиваю. Возможно, она просто пьяна. Роуз поворачивается ко мне. – Лора никогда не ценила Фрэнсис. Но знаешь, когда я как следует тебя рассмотрела... – Лицо Роуз смягчается от улыбки. – Ты больше похожа на Фрэнсис, чем на нее. Наверное, это хороший знак.

Любопытно. Ведь Роуз в курсе, что мы с Фрэнсис не кровные родственники. Она знает, мама – неродная дочь Питера и Тэнси. Я снова задумываюсь, чем мама так насолила Роуз, но подозреваю, дело просто в ее характере. Мама способна оскорбить человека, даже не осознавая этого.

Роуз хлопает меня по руке, в которой я держу блокнот и ручку.

– Фрэнсис тоже любила писать в маленьких блокнотах, – говорит Роуз.

В уголках ее глаз появляются морщинки, но от приятных воспоминаний. Потом она качает головой и смотрит в потолок, а ее глаза увлажняются.

– Жаль, что я не была с ней знакома. Похоже, у нее была потрясающая жизнь. Саксон и Уолт мало о ней рассказали.

Лицо Роуз внезапно каменеет.

– Саксон? Не слушай Саксона. Он всегда был лгуном и пронирой.

– Ладно, мама, давай... Энни, может, сменим тему?

На лице Джо написана мольба, и я киваю.

Ее сдерживаемое горе прорывается наружу слезами и разрывающими сердце всхлипами. Роуз указывает на дальнюю стену с книжными полками.

– Принеси Аннабель тот альбом, Джо, будь добр. Он на верхней полке, в правом углу.

Джо встает, идет к полкам и возвращается с большим фотоальбомом.

– Ты уверена, мама? Мы ведь это обсуждали – у тебя слишком много альбомов, и тебе лучше их не смотреть.

– Вот почему я решила отдать его Аннабель. – Роуз снова смотрит на мои руки, которыми я нервно тереблю блокнот и ручку. – Джо всегда переживал вместе со мной все взлеты и падения нашей дружбы с Фрэнсис. С самого детства. – Она сжимает руку сына. – Если Фрэнсис отменяла совместный обед или, как в том году, не пришла ко мне на день рождения...

– В том году она болела, мама, – ровным тоном сообщает Джо.

– Да, вроде, – Роуз опускает взгляд. – У меня слишком много одинаковых фотографий из старых времен. Мне просто необходимо иметь альбом при себе, где бы я ни была, поэтому один есть и в гостинице. Дома у меня есть другой. – Роуз слабо улыбается. – Фрэнсис всегда беспокоило ее будущее. Но мы были так похожи. Фрэнсис, как и я, часто вспоминала молодость. А то и чаще меня. Потому что мы так до конца и не оправились от потери Эмили.

– Я с удовольствием посмотрю фотографии, – говорю я.

Джо бросает на меня слегка встревоженный взгляд, и у меня складывается впечатление, что Роуз из тех, кто ярко сверкал в юности, но с тех пор для нее все потускнело. А может, это смесь радости и боли из-за того, что шрам от исчезновения Эмили до сих пор не затянулся.

Дрожащими руками Роуз протягивает мне альбом. Ей трудно отдавать его мне, и я не знаю, как реагировать. Мне не хочется лишать горющую женщину воспоминаний о прошлом, но для нее этот дар, похоже, имеет терапевтический эффект.

– Вот, – говорит она, выпуская альбом из рук. – Он твой. Сохрани его, хорошо?

Джо достает из кармана пачку бумажных носовых платков.

– Мама расстроилась, – твердо говорит он мне. – Я должен отвезти ее домой.

– Нет, – возражает Роуз и берет себя в руки, как умеют только решительные пожилые дамы, словно затягивает завязки на сумке. – У меня еще есть дела. – Она хлопает Джо по колену. – Я лучше

соображаю, когда работаю. А вы останьтесь, выпейте чаю с пирожными, не пропадать же добру.

Роуз встает, и Джо следует за ней, но она машет рукой, чтобы он снова сел. Она быстро выходит из комнаты, и тут появляется Магда.

– Как прошел вызов? – спрашивает Джо, вставая.

– Привет, Энни.

Магда машет мне рукой и поворачивается к Джо:

– Напряженно, но мы справились. Пожилой мужчина упал, и мы отвезли его в Сэндвью. Подозреваю, ему понадобится новый тазобедренный сустав. – Магда вздыхает. – Пока ты был здесь, поступил еще один вызов – ребенок подавился. Но все обошлось, и я не стала связываться с тобой по рации, хотя всего с двумя машинами «Скорой» нам приходится тяжело.

– Опять поругалась с диспетчерской? – спрашивает Джо.

Магда лишь пожимает плечами:

– В Литтл-Димбере целое отделение, а они ведь не в другом часовом поясе. Они легко могут прислать сюда людей, просто я им не нравлюсь.

– Здесь две «Скорые»? – спрашиваю я.

– Да, хотя чаще всего мы выезжаем целой бригадой, поэтому одна машина большую часть времени стоит у диспетчерской в Касл-Нолле, – объясняет Магда. – Но это скучный разговор, вам будет неинтересно. А нам с Джоном пора идти.

– Да, – откликается он, поворачивается ко мне, будто хочет что-то сказать, но потом передумывает, встряхивает головой и выходит вслед за Магдой.

Я остаюсь одна, сжимая в руках фотоальбом, оживляющий образы из дневника Фрэнсис. Быстро листаю альбом, и фрагменты истории Фрэнсис начинают оживать в цвете. От фотографии на обложке захватывает дух – на ней двадцатилетние улыбающиеся Роуз и Фрэнсис на фоне сверкающего «Роллс-Ройса», а рядом с ними двое мужчин. Я узнаю молодого Форда с фотографии из кабинета тети Фрэнсис, а вот второго никогда не видела. Кудрявая шевелюра и то, с какой нежностью он смотрит на Роуз, наводят на мысль, что это отец Джо.

Я вытаскиваю фотографию из пластикового кармашка и читаю подпись с обратной стороны: *«Билл Лерой, Роуз Форрестер,*

Резерфорд Грейвсдаун, июнь 1966 года».

В то время Эмили жила в Лондоне, и я гадаю, когда Роуз познакомилась с будущим мужем. Гостиная пуста, но чай еще горячий. Никто не притронулся к пирожным, поэтому я аккуратно беру одно и погружаюсь в изучение фотоальбома. Может, где-то на этих снимках скрыт ключ к разгадке, кто убил Эмили, и Фрэнсис это знала, а я просто пока не заметила.

Я задерживаю взгляд на фотографии Эмили – с огромным животом она сидит в саду дома в Челси.

– Мама, – бормочу я, проводя пальцем по этому животу.

Глава 28

Записи из Касл-Нолла, 5 октября 1966 года

– Все не так уж плохо, Фрэнсис, – сказала Роуз.

Роуз сидела рядом со мной на жарком августовском солнце, пока я отбывала еженедельное наказание. Я видела, как мама периодически дергает занавески в доме, проверяя, чтобы я работала, а не только болтала. Роуз разрешили навещать меня, если она не будет помогать и не слишком меня отвлекать.

– Просто ужасно, – заявила я. – Я вся в поту. Такое впечатление, что бабуля Симмонс нарочно выращивает здесь сорняки. Или она ведьма и знает специальные заклинания, чтобы то, что я выдираю, снова выросло в тройном размере.

– Давай превратим это в игру, – улыбнулась Роуз. – Я выдерну несколько сорняков, а ты следи за шторами. Как только заметишь маму, скажи кодовое слово. Типа «маргаритка» или еще что-нибудь. Тогда мы быстро поменяемся местами.

– Это глупо, Роуз. Но я готова попробовать что угодно, если это сделает прополку веселее.

Нам и правда было весело. Роуз хорошо умела развеселить, хотя порой казалась отстраненной и холодной. Она не такая отчаянная, как Эмили, но способна превратить обыденное в нечто особенное.

И пока Эмили жила в Лондоне, мы все чаще проводили летние дни вот так.

В конце концов мы уже не могли приглушить смех и остановились, чтобы успокоиться, пока моя мама не прикрикнула на нас. Если Роуз запретят ко мне приходить, придется отбывать наказание в одиночестве, и это будет совсем невыносимо.

– Ты уже видела ребенка? – спросила Роуз.

– Нет, но Питер и Тэнси сейчас в Челси. Форд разрешил им остаться в доме на несколько дней, чтобы его экономка помогла им, пока они осваиваются как полноценные родители. – Я замолчала, потому что не хотела спрашивать Роуз о планах Эмили, но в итоге не смогла удержаться. – Ты еще не встречалась с Эмили после ее возвращения? – спросила я.

Как только Эмили пришла в себя после родов, она тут же отправилась домой, к прежней жизни. От того, что Эмили разгуливает по Касл-Ноллу, мне было не по себе. Я пыталась убедить себя, что порвала с Джоном, что больше ничего к нему не чувствую, но не могла избавиться от обиды.

– Так ты не знала? – отозвалась Роуз. – В эти выходные она вернулась в Челси. Сказала, что забыла в доме какие-то вещи и останется там, потому что ей надо на собеседование по работе. – Губы Роуз дернулись, и я поняла, что она относится ко всему этому с таким же отвращением, как и я. – Я к ней не пошла. Мне сказал Арчи Фойл.

Я подобрала камешек и швырнула его в дерево, надеясь, что мне полегчает. Но это не помогло.

– Боже, не могу дождаться, когда все это закончится! Сейчас, когда мы с тобой веселились, я почти вернулась в старые добрые времена. Словно всего этого ужаса с Эмили и Джоном никогда и не было.

– Почти, – сказала Роуз. – Но я понимаю, о чем ты. Мне тоже хочется, чтобы все стало как прежде. Вернее, не совсем. Но мы, по крайней мере, усвоили урок и больше не будем связываться с неподходящими парнями. И неподходящими подругами.

Я закатила глаза и подула на пушинки одуванчика. В знойном неподвижном воздухе они далеко не улетели и почти сразу же приземлились на траву.

– Форд и Саксон до сих пор ездят по школам-пансионам? – спросила она.

– Да, почти каждые выходные, и я скучаю по визитам в поместье. Но ты ведь там была, да?

Хитро спросила я, потому что прекрасно знала о романтических отношениях между Роуз и шофером Форда.

Услышав вопрос про Билли, Роуз слегка покраснела, но теперь мы разговаривали как взрослые. Мы перестали встречаться с прыщавыми и нескладными подростками, и наше будущее наконец начало принимать верные очертания.

– Я думаю, ты на верном пути, – сказала я. – Никаких грубых игр и подковерных интриг Эмили.

Роуз улыбнулась и уже хотела заговорить, как вдруг увидела что-то у меня за спиной, и на ее лице отразились потрясение и гнев.

– Ну ты и наглец! – крикнула Роуз Джону, когда он вышел из тени огромной плакучей ивы, растущей у дома бабули Симмонс.

Джон выставил перед собой ладони, как будто защищаясь от ее слов.

– Мне просто надо поговорить с Фрэнсис, – сказал он. – Это важно. Она точно захочет об этом узнать.

– Исключено, – выплюнула Роуз. – Фрэнсис может найти себе кого-нибудь получше тебя.

– Пожалуйста, Фрэнсис, – взмолился он.

При виде Джона меня затопила ярость. При мысли о том, что он даже не стал бороться за меня, после того как я его бросила, у меня вскипела кровь.

– С какой стати я потрачу на тебя хоть секунду своего времени? – выкрикнула я. – Ты же знал о ребенке и ничего не сделал, предоставив Эмили выпутываться с нашей помощью! Нам с Роуз пришлось разбираться в том, что вы натворили, и мы хотим лишь одного – навсегда вычеркнуть из своей жизни Эмили!

Джон умоляюще смотрел на меня.

– Прости, Фрэнсис. Клянусь, мне тяжело было оставаться в стороне. Я решил, что лучше уважать твои желания, а от Уолта я слышал, что ты встречаешься с Фордом Грейвсдауном, и... подумал, так лучше для тебя. Ну, знаешь, встречаться с человеком вроде него.

Я фыркнула, не зная, с чего начать.

– С чего вдруг Уолт вообще с тобой заговорил? Ты же спал с его девушкой. А Уолт не из тех, кто с легкостью прощает.

Джон кивнул и прикусил губу.

– Понимаю, в это трудно поверить, но мы с Уолтом все уладили. Я объяснил ему все насчет Эмили, потому что... кое-что тут не так. Фрэнни.

– Фрэнсис, – рывкнула Роуз. – Не смей называть ее уменьшительным именем.

Я почти улыбнулась, настолько приятно было слышать, как пылко меня защищает Роуз. Эмили никогда такой не была.

Но Джон выглядел встревоженным, и я чувствовала: что-то тут не так. Если даже Уолт простил Джона... Это очень странно.

– Просто выслушай меня, – мягко попросил он. – Позволь поговорить с тобой наедине. – Он покосился на Роуз, а потом снова посмотрел на меня: – После этого ты никогда меня больше не увидишь, если сама не захочешь.

Его русые волосы выгорели на солнце и закрывали один глаз. Я с трудом удержалась от порыва убрать их со лба.

– Ладно, – вздохнула я. – Но после этого ты должен оставить меня в покое.

Он кивнул и снова прикусил губу. Затем попятился обратно к дереву и встал на некотором расстоянии от нас с Роуз. Я повернулась к Роуз и прошептала:

– Если увидишь, как мама отдергивает занавески, прокричи кодовое слово.

Она серьезно посмотрела на меня и кивнула.

– Я не могу ждать целую вечность, Джон, так что лучше не тяни резину, – сказала я, встав рядом с ним под деревом.

– Хорошо. Спасибо, Фрэнсис. Просто я должен рассказать тебе об этом, пока есть возможность.

Джон глубоко вздохнул и потоптался на месте, словно пытаюсь выбрать правильные слова.

Я не стала облегчать ему задачу.

– Выкладывай, – потребовала я.

– Ладно. Вот в чем дело. Я знаю, ты встречаешься с Резерфордом Грейвсдауном, и, конечно, не имею права так говорить, но ты по-прежнему мне небезразлична, и я хочу тебя уберечь. Это касается того раза, когда... Боже, как же это неловко и ужасно. – Он потер подбородок и покраснел. – Того раза, когда мы с Эмили были вместе. – Джон уставился себе под ноги, но продолжал говорить: – Я не такой дурак, чтобы поддаваться на ее уловки, когда она пыталась тебя имитировать, Фрэнсис, хотя в тот вечер она выглядела сногшибательно. У нее была твоя сумочка, и она надушилась твоими духами. Она даже начала повторять твои фразочки, хотя я заметил это только позже. В общем, явно настроилась на то, чтобы в тот вечер со мной переспать. Она твердила снова и снова: «Я должна быть с тобой. Сегодня». У меня была упаковка презервативов, но Эмили настояла, чтобы я ими не пользовался. Она сказала, нет причин для беспокойства, у нее безопасные дни.

Я отвернулась, не желая показывать Джону, как все это выбивает меня из колеи. При мысли о том, что они были вместе, у меня все внутри перевернулось, хотя я уже долгие месяцы мучительно прокручивала все это в голове. И каждый раз как будто ковыряла незаживающую рану.

– Понимаю, как неприятно это слышать, в особенности от меня, но ты должна знать. Думаю, она хотела забеременеть. Она спала с Фордом и хотела загнать его в ловушку. А потом либо шантажировать, либо заставить жениться. И ей нужен был рычаг.

– Если это правда, то почему не Уолт? Почему она выбрала тебя?

– Я пытался ответить на этот вопрос, именно поэтому мы с Уолтом и восстановили отношения. Вся его злость направлена на Эмили, потому что... Думаю, она выбрала меня из-за своей одержимости, Фрэнсис, и она была одержима не Фордом, а тобой.

После этих слов он сделал многозначительную паузу.

– В общем, – добавил Джон, – зачем бы иначе Форд поместил ее в своем доме в Челси и навещал каждые выходные, если б не считал, что ребенок от него?

– Он ее не навещал. Он ездит по школам-пансионам, чтобы подобрать место для Саксона.

– Это он тебе сказал? Потому что я видел Саксона с новым шофером в деревне, и мальчишка заявил, что они собираются в Челси.

Я резко вдохнула через нос, чтобы успокоиться.

– Зачем ей надо все изгадить? – выплюнула я слова, и мой голос дрогнул.

– Поэтому я здесь. Я не хочу, чтобы она изгадила еще чью-нибудь жизнь. Не хочу, чтобы Эмили снова появилась рядом с нами. Потому что, если она собиралась забеременеть и заставить Форда жениться или раскошелиться...

– Питер и Тэнси, – прошептала я. – Она не отдаст им ребенка, если он – ее билет в более благополучное будущее. Но тогда зачем вообще их втягивать?

– Эмили все планирует, – сказал Джон. – Вероятно, они ее страховка на случай, если Форд окончательно ее отвергнет. Тогда она не останется в семнадцать лет без поддержки, без денег и с ребенком.

– Питер и Тэнси сейчас в Челси. Они остались с ребенком, а Эмили вернулась домой. Вот только... – У меня сжалось сердце. – Роуз сказала, что в выходные Эмили поехала обратно. Якобы забыла в Челси какие-то вещи.

– Думаю, она поехала, чтобы потребовать у Питера и Тэнси вернуть ребенка. Когда я встретил Саксона, он также намекнул, что Форд поддался уловкам Эмили.

Вот же стерва! Меня переполняла ярость. Я не хотела думать о противоречивых эмоциях, которые испытывала, когда речь шла о Форде с Эмили, или о том, верю ли я, что ребенок действительно его. Неужели он все-таки поддался на ее уловки, после всех наших разговоров?

Но я просто не могла об этом думать. Потому что сквозь кипящую ярость прорывалось нечто гораздо более важное, чем эти дурацкие игры.

Питер и Тэнси.

– Они этого не переживут! – воскликнула я. – Что же теперь делать? Я не должна этого допустить!

– Уолт ждет в машине за углом, и он встал на тропу войны. Я боюсь того, что он может сделать с Эмили. – Джон на мгновение запнулся. – Он мой лучший друг, а ты сама знаешь, он плохо контролирует гнев. Поэтому я решил поехать с ним, чтобы он не натворил глупостей. Кроме того, я не знаю, чей это на самом деле ребенок, но будь я проклят, если позволю Эмили разрушить еще чью-то жизнь, включая жизнь ребенка. Последнее слово за тобой. Ты хочешь поехать со мной и Уолтом в Челси?

– Я тебя прикрою, – сказала Роуз, подойдя к дереву. – Иди в дом и скажи маме, что тебе надо в туалет, а сама прихвати свою старую одежду. И не забудь ту жуткую панаму, которую мать заставляет тебя носить, я прикрою ей волосы. Я проведу здесь весь день, повернувшись спиной к дому, и твоя мама решит, что ты просто не хочешь сгореть на солнце. Возьми платье или шаль, чтобы я переделась.

– Спасибо, Роуз, – я пылко ее обняла. – Я должна пропалывать сад до пяти, осталось всего десять минут, а после можешь уйти. Господи, все так запуталось!

В тумане паники я схватила грудку одежды, которую больше не носила и затолкала в глубину шкафа, даже не посмотрев, что там. К счастью, панаму я нашла, это была важная часть маскировки. Потом вывалила кучу платьев, кофт и накидок под плакучую иву, и Роуз наскоро переделалась.

– Господи, прости, это все зимняя одежда, ты в ней поджаришься.

– Ничего страшного, остальное я возьму с собой и верну тебе позже. Поезжай и сделай, что сможешь. Эмили надо поставить на место.

Мы еще даже не выехали из деревни, когда я увидела машину Питера перед их домом и закричала, чтобы Уолт остановился. Он припарковался на обочине, но отказался свернуть на подъездную дорожку. Ему не терпелось как можно скорее добраться до Челси, по его словам, я должна была сказать спасибо за то, что он вообще остановился.

– Мы опоздали, – выдохнула я, посмотрев на машину Питера. – Они уже вернулись. Эмили сотворила все, что могла.

Как будто в доказательство моих слов, мимо с грохотом пронесся «Фантом II» Форда, и шофер даже не посмотрел в нашу сторону. Во мне всколыхнулись все чувства к Форду, и сердце чуть не остановилось. Теперь, когда я своими глазами увидела, что он едет к ней, моя привязанность к нему превратилась в разбитое стекло в груди.

– Все дело в Эмили, Фрэнсис, – проревел Уолт. – Она поселилась в том доме, изображая хозяйку. Я хочу, чтобы все узнали правду о ней. Она потаскуха и лгунья. Форд едет к ней. Неужели ты не хочешь добиться справедливости?

Он хлопнул по рулю и посмотрел на дорогу. В его глазах бушевала гроза.

Мне хотелось добиться справедливости. Но, посмотрев на дом Питера и Тэнси, я поняла, что мои юношеские переживания – ничто по сравнению с тем, что испытывают они, когда Эмили сначала внушила им надежду, а потом дала от ворот поворот. Потому что Форд спешил туда явно для того, чтобы быть с ней. А как же иначе – Эмили всегда добивалась своего. С моей стороны было глупо

полагаться на наши с ним беседы, я ведь все это время оставалась лишь очередной шахматной фигуркой. Очередным развлечением.

Я не нуждалась в Форде. Я знала, где моя семья. У меня есть брат и Роуз.

– Я должна повидаться с Питером, – заявила я. – Если хотите ехать, поезжайте без меня.

– Ты уверена, Фрэнсис? – спросил Джон. – Другого шанса может и не представиться.

– Уверена. А еще мне кажется, что самое страшное для Эмили – если я потеряю к ней всякий интерес.

Джон посмотрел на меня с такой нежностью, что мое сердце разорвалось на тысячу кусочков.

– Ты самая лучшая из нас, Фрэнни, – произнес он.

– Только не делайте глупостей, ладно? Уолт? – выкрикнула я, когда Уолт завел двигатель, торопясь уехать. – Может быть, попробуете простить?

– Ты слишком снисходительна, Фрэнсис, – процедил Уолт сквозь стиснутые зубы. – Это ненормально. Надеюсь, однажды ты научишься давать сдачи.

И машина рванула с места, подняв клубы пыли.

Я постучала в дверь. Я ожидала увидеть Питера опустошенным, но когда он открыл, то выглядел совершенно счастливым. С гордостью и любовью он держал на руках малышку Лору.

– Господи, я так боялась, что Эмили передумает! – выдохнула я.

– Она и передумала, – ответил Питер, и его лицо на мгновение затуманилось. – Но тогда я взял дело в свои руки.

Он улыбнулся и поцеловал Лору в маленькую головку.

Глава 29

Детектив Крейн звонил мне трижды, но, рассматривая фотографии, я поставила телефон на беззвучный режим. Замечаю уведомление только на четвертом вызове, и, когда отвечаю, его голос звучит обеспокоенно.

– Энни, слава богу. Я волновался, что вас нет в доме.

– Настолько, что звонили четыре раза? У меня все прекрасно. Я просто поехала в деревню, повидаться с Роуз.

– В общем, кто-то попытался взломать запертый ящик в кабинете Фрэнсис монтировкой и все разгромил. А Саксона и Эльвы нигде нет.

– Что насчет Оливера?

– Он здесь, сидит в углу, весь издерганный. Время от времени отвечает на звонки разгневанного начальника. Говорит, все утро бродил по саду и висел на телефоне, работая удаленно.

– Так ящик удалось открыть?

– Нет, и тот, кто его взламывал, страшно разозлился и выместил раздражение на библиотеке: окна разбиты, а книги сброшены с полок.

– Саксон, – говорю я.

– Или Арчи Фойл. Чуть раньше он подстригал изгородь. Но я почти уверен, что это Саксон.

– Арчи был со мной, учил меня водить огромную машину тети Фрэнсис.

– А, так вы сели за руль «Роллс-Ройса»? – смеется детектив Крейн.

– Вы сомневаетесь в моих водительских способностях?

– Нет, просто представил вас за рулем такой махины.

– Давайте закончим с оскорблениями и вернемся к тому, почему, по-вашему, Саксон разгромил библиотеку. Я с вами согласна, но мне интересен ход ваших мыслей.

– Судмедэксперты получили результаты по трупам. Они подтвердили, что это Эмили Спарроу и ее застрелили из револьвера, найденного в кармане пальто из сундука. Энни, похоже, моя теория насчет Фрэнсис верна. Думаю, именно она убила свою подругу.

– Вы уверены?

Это не вяжется с записями в дневнике Фрэнсис, но если это она убила Эмили, то должна была нанести в Челси еще один визит.

– Фрэнсис прислали тело пропавшей подруги, и вместо того чтобы обратиться в полицию, она спрятала его в кладовке. Саксон подтвердил, что пальто из сундука принадлежало Фрэнсис, он узнал оленей на пуговицах. И когда он увидел эту связь, то выглядел... сокрушенным. Тот, кто разгромил библиотеку, уделил особое внимание фотографиям Фрэнсис. Саксон в детстве знал Эмили, поэтому был сильно расстроен. Он даже рассказал мне очень интересную историю о своем дяде и старом любовном треугольнике.

– Саксон рассказал это, чтобы сбить вас с толку. Не забывайте, не в его интересах помогать вам раскрыть преступление.

– Как и не в ваших, но вы предоставили мне улики.

– Потому что я прекрасно осознаю свои возможности. И кстати, вспомните дневник Фрэнсис. Не думаю, что это Фрэнсис убила Эмили. Скорее, Уолт или Джон, а то и Форд. Я возвращаюсь в дом, хочу взглянуть на запертый ящик. Головоломка с комбинацией замка никак не выходит у меня из головы, а внутри ящика несомненно лежит что-то очень важное.

– Я почти рядом с деревней, могу вас подобрать. Скажите Арчи, чтобы оставил машину там, где она сейчас. Бет доставит ее обратно к дому. Или Джо, если вы его увидите, он тоже умеет ее водить. Его научил отец много лет назад.

– Я только что видела Джо, но, кажется, он еще работает. Я рада, что с машиной разберется кто-то другой, – сказала я с облегчением. – Не хочу больше ее водить. Она формирует характер, только мой уже сформировался.

Кладу фотоальбом Роуз в рюкзак, а через несколько минут у гостиницы останавливается машина детектива Крейна.

Когда мы возвращаемся в Грейвсдаун-холл, я понимаю, что он не преувеличивал насчет библиотеки – она перевернута вверх дном. Но кто-то громил ее очень прицельно – разбиты все фотографии Фрэнсис, а ее лицо исцарапано. Этот человек был совершенно не в себе – очень похоже на поведение убийцы.

Я снова и снова возвращаюсь к несуразной теории детектива насчет Саксона. Что, если он узнал об условиях завещания тети Фрэнсис, убил ее и подставил кого-то другого, чтобы «раскрыть»

убийство? Идеальный план, чтобы получить наследство и ничего не оставлять на волю случая.

– Мне кажется... Мне кажется, полиция должна начать поиски Саксона, – медленно произношу я. – Хотя он может быть где угодно в доме или окрестностях. Он хорошо знает это место. И знает, где можно спрятаться.

– Есть еще одна деталь из отчета по телу Эмили Спарроу, – говорит Крейн. – При ней было два конверта с надписью «Эмили» на каждом. В них куча денег. Тысячи фунтов. Это о чем-нибудь вам говорит?

– Кто-то убил ее и не взял деньги? Из-за ребенка, – шепчу я. Подхожу к меньшей схеме расследования, с фотографией Эмили в центре. – Вот. – Я указываю на линию, ведущую к фотографии моего дедушки Питера. – В какой-то момент тетя Фрэнсис подозревала, что брат убил Эмили, чтобы удочерить ее ребенка. Тетя Фрэнсис боялась, что Эмили передумает, чтобы шантажировать ребенком Форда Грейвсдауна. Ближе к концу дневника есть эпизод, где тетя Фрэнсис идет в дом брата, а он стоит там с новорожденной мамой и говорит, что взял дело в свои руки.

Я смотрю на имя Питера на доске. Его перечеркивает толстая черная линия, выглядящая довольно свежей. Как и на имени Тэнси.

– Фрэнсис их вычеркнула, – заключаю я. – Наверное, она нашла деньги вместе с телом и все поняла.

Детектив Крейн щурится, пытаюсь освоить новые сведения.

– Так вы хотите сказать, когда Фрэнсис нашла тело, которое вы прислали ей в сундуке... – При этих словах я морщусь. – Она проверила карманы пальто? И положила деньги обратно?

– Да! И это как ничто другое говорит об ее невинности, потому что если бы в 1966 году она убила Эмили, то знала бы о содержимом карманов, ведь убийца сунул туда револьвер. И через столько лет тетя Фрэнсис наконец вычеркнула Питера из числа подозреваемых. Она нашла конверты и узнала почерк. Она поняла, что, *«взяв дело в свои руки»*, Питер не причинил Эмили вреда. Он откупился от нее.

Я не озвучиваю другую свою мысль: Эмили не взяла бы деньги, если б знала, что вот-вот заполучит Форда. Зачем брать деньги и отдавать ребенка, ее главную ставку, если она может убедить Форда остаться с ней? Кажется, я уже близка к разгадке.

- Мне надо развеяться и подумать, – говорю я.
- Я провожу вас до комнаты, – отвечает Крейн.
- Не нужно, правда, все хорошо.

Мне просто необходимо чуть больше воздуха, но Крейн топчется рядом как телохранитель.

- Это не игра, Энни. Что бы ни задумала Фрэнсис.

Теперь он выглядит сурово – со скрещенными на груди руками и «голосом следователя», как я это называю. Этот тон как будто намекает: *«Не забывайте, что я здесь главный»*. Вообще-то в какой-то степени мне это даже нравится, поэтому, проигнорировав его слова, я направляюсь в свою комнатку.

– Заприте дверь, – говорит он вдогонку, но я уже бегу вверх по лестнице.

На этот раз записка с угрозой лежит не под подушкой, а прямо на ней.

У меня пересыхает в горле, и, как и в прошлый раз, я нервно заглядываю в шкаф и под кровать – не прячется ли там кто, дожидаясь, пока я закрою дверь. Убедившись, что там пусто, выдыхаю, возвращаюсь к двери и запираю ее.

Бумага такая же – желтоватая, с напечатанным на машинке текстом.

Что ты о себе возомнила, глупая тварь? Ты заслуживаешь только яму в земле. Ты потаскуха и лгунья, и клянусь, я не успокоюсь, пока не сломаю твою цыплячью шею.

Я по-прежнему считаю, что меня не пытаются напугать этими угрозами, но все равно от слов на листке кровь стынет в жилах. Я представляю, как юная тетя Фрэнсис читала их, держа дрожащими руками. А потом вспоминаю разбитые монтировкой шкафы и рассыпанное по всей библиотеке битое стекло.

Насилие, нацеленное на Фрэнсис. Или на память о ней.

Перечитываю записку, мысленно переносясь в 1965 год. *«Ты потаскуха и лгунья»*. Уолт. Это слова Уолта. В дневнике Фрэнсис он сказал, что все должны знать, кто такая Эмили, и назвал ее именно этими словами.

Я вытаскиваю свои многочисленные блокноты и трясущимися руками вываливаю их на кровать, а потом достаю фотоальбом Роуз.

Быстро листаю его в поисках одной конкретной фотографии, которая должна там быть. Пока я переворачиваю страницы, выцветшие снимки шестидесятых сливаются в одно размытое пятно. Вот тетя Фрэнсис в подчеркивающих фигуру блузках, заправленных в хлопковые юбки с узорами. Ее длинные волосы распущены и всегда блестят. Роуз под руку со своим будущим мужем Биллом Лероем. Я смотрю на фотографии, и смутная мысль, что я найду в них ключ к разгадке, потихоньку улетучивается, а руки перестают дрожать. Там только одна фотография Уолта, и он хмуро курит, глядя в камеру, как будто ему не нравится, когда его фотографируют.

Что от того жестокого подростка еще скрывается под личиной усталого и скромного адвоката? Почему тетя Фрэнсис так ему доверяла, что назначила распорядителем завещания, если намек, содержащийся в этой угрозе, так очевиден? *Потаскуха и лгунья.*

У Уолта есть более-менее четкое алиби на время убийства Фрэнсис, но что, если он действовал не один?

Оливер. Он опоздал на первую встречу в то утро, когда убили тетю Фрэнсис. А если в 1966 году Эмили убил Уолт, Оливер – идеальный сообщник для того, чтобы тайна никогда не вышла наружу. Потому что, если он продаст поместье тети Фрэнсис, это поможет его карьере.

Я касаюсь пальцем фотографии тети Фрэнсис, стоящей с мороженым в руке на морском берегу, и мне так жаль, что я так и не познакомилась с ней. От того, как несправедливо закончилась ее жизнь, у меня сжимается сердце, ведь она всегда хотела лишь одного – чтобы ее воспринимали всерьез.

Похоже, после исчезновения Эмили только Фрэнсис не переставала ее искать все шестьдесят лет, хотя Эмили предавала ее на каждом углу и портила жизнь. Фрэнсис двигалась дальше, по-настоящему заглядывая в будущее, а все вокруг считали ее просто чокнутой. Все, от Эльвы Грейвсдаун до секретарши в полицейском участке, с удовольствием сплетничали о суевериях тети Фрэнсис.

– Будущее, – бормочу я себе под нос. – Ради чего все это? Тетя Фрэнсис дала нам задание, важное для нее. Ей нужно правосудие. Она

хотела, чтобы ей поверили, и в письме к завещанию ясно об этом говорится.

Я открываю блокнот с грибами и смотрю на список вопросов, не дающих мне покоя:

Цветы – кто их послал и почему?

Замок – xx-xx-xx, стандартный дисковый замок, который нужно вращать влево и вправо.

Я листаю до страницы, на которой записала предсказание тети Фрэнсис, и вычеркиваю те же предложения, что и она:

~~«Я вижу в твоём будущем скелет. Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твоё медленное увядание. Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст. И с этого момента едва ли повернешь назад. Но дочери – ключ к правосудию, найди одну нужную и не отпускай от себя. Все указывает на то, что тебя убьют».~~

К каждой части, которую она посчитала сбывшейся, я добавляю свои соображения.

Скелет = найденный скелет Эмили.

Птица предаст = обман Эмили.

Королева = шахматная фигурка Форда.

Найди нужную дочь = я, потому что отправила тело.

Меня по-прежнему мучает загадка замка, и я размышляю над этим. На такой замок запирался шкафчик в спортзале, куда я ходила, когда мне хватало денег и желания заниматься спортом. Обычно сначала надо покрутить вправо, потом влево на полный оборот, а затем снова вправо. Цифры доходят до сорока по часовой стрелке, ноль и сорок находятся на одном делении. Когда позавчера Саксон вводил даты рождения, он делал все неправильно, повернув диск слишком много раз.

Если б я не дошла до страницы, куда записала предсказание, то ни за что не догадалась бы.

Взгляд останавливается на слове «*правой*». А затем – «*одну*».

– Но здесь нет других цифр и слова «влево», – бормочу я.

Тут в голове щелкает, и до меня доходит. Я бегу вниз. На ходу оглядываюсь, чтобы убедиться, что меня никто не преследует.

Я вздрагиваю, когда замечаю на лестнице преграждающего мне путь Оливера. Он не смотрит в телефон – просто стоит, глядя на меня. Я замедляюсь и с каждым шагом все больше осознаю, насколько Оливер выше и сильнее меня. Он одолеет меня за считанные секунды, я и крикнуть не успею. Отгоняю эти мысли и сохраняю спокойное выражение лица.

– Можно пройти? – говорю я, стараясь не показать, что боюсь его, но, похоже, получается не очень.

– Уже добилась успехов? – тихо спрашивает он, не двигаясь с места, и это сильно нервирует.

– Я... хм...

Я откашливаюсь, не зная, что сказать.

Он наклоняется ко мне и понижает голос.

– Дам бесплатный совет, – говорит он. – Не покупайся на маску хорошего парня, которую натянул на себя детектив. Уверен, он уже вытащил из тебя больше информации, чем следовало.

– Что-что?

Подспудный страх сменяется негодованием. Но когда до меня доходит истинный смысл его слов, страх возвращается. Оливер наблюдает за мной. И очень пристально, раз следит за моими разговорами с Крейном.

– Энни? – окликает меня детектив Крейн из коридора, словно я вызвала его своими мыслями.

Окинув меня самодовольным взглядом, Оливер наконец отходит в сторону.

– Все в порядке? – спрашивает детектив, когда я прохожу мимо, направляясь к библиотеке. Он с озабоченным видом следует за мной. – Что происходит? Вы обнаружили что-то важное?

Я игнорирую предупреждение Оливера и решаю рассказать о своих соображениях Крейну. Я напугана и считаю, что лучше поделиться информацией с Крейном и перетянуть детектива на свою сторону, чем пострадать от собственного безрассудства.

– По какой причине люди не воспринимали тетю Фрэнсис всерьез?

Взгляд Крейна останавливается на предсказании, написанном на стене, а я подчеркиваю ручкой нужные буквы.

– Это так глупо, но у себя в комнате я размышляла о замке, как его нужно крутить вправо и влево и все такое. А ведь тетя Фрэнсис на самом деле верила в предсказание. И основывала все свои решения на нем.

Наконец все нужные буквы подчеркнуты.

Я вижу в твоём будущем скелет. Когда зажмешь в ПРАВОЙ ладони королеву, начнется твоё медленное увядание. Остерегайся ОДИНКОЙ птицы, ибо она тебя предаст. И с этого момента еДВА ли повернешь НАЗАД. Но дочери – ключ к ПРАВОСудию, найди ОДНУ нужную и не отпускай от себя. Все указывает на то, что тебя убьют.

– Я так злилась, что в предсказании нет других цифр, – сказала я, слегка запыхавшись. – Но потом заметила «едва» и «назад» и подумала, что это может означать два влево, после того как повернешь до единицы вправо.

– Один, тридцать девять, сорок, – произносит вслух детектив Крейн, вращая диск. Раздается щелчок, и старый замок открывается.

Я радостно вскрикиваю.

– Так, а теперь давайте посмотрим, что именно тетя Фрэнсис припасла для самых догадливых и преданных родственников.

В том месте, где ящик пытались взломать монтировкой, он слегка погнут, поэтому открывается с трудом.

Когда мне наконец удастся открыть его, я морщю лоб от удивления. Я надеялась, что найду там выводы тети Фрэнсис о том, кто убил Эмили, а может, даже ее теории о личности собственного потенциального убийцы. Ведь тетя Фрэнсис сама сказала: если б она знала, кто собирается ее убить, то немедленно пошла бы в полицейский участок и сообщила об этом.

Рассматривая содержимое ящика, я понимаю, что его пытались взломать Саксон, потому что там тоже папка с документами. С компроматом на Саксона. Наверное, он знал, что папка лежит именно тут.

Я вытаскиваю папку Саксона. В основном там сделанные тайком фотографии, и не только Саксона, но и Магды. Судя по датам, все сняты за последние несколько месяцев, некоторые совсем недавно.

– Что это? – спрашиваю я, передавая папку детективу Крейну.

Несколько минут он молча перебирает и рассматривает фотографии. А я тем временем снова заглядываю в ящик – нет ли там чего-то еще. Но там только маленькая мамина картина, из первых, которыми она прославилась, хотя эту, похоже, она продавать не собиралась. Видимо, подарила Фрэнсис. У меня чуть не выступают слезы на глазах, ведь это значит, что Фрэнсис бережно хранила мамин подарок, дорожила им.

Я беру у детектива одну фотографию.

– Наркотики из ветеринарной клиники, – заключает он.

– Что?!

– Я знаю, вы в курсе, что в клинику Миюки вломились и украли кучу наркотиков для лошадей.

– Да, но какое отношение к этому имеют фотографии?

– На этой фотографии Саксон передает Магде коробки... – Крейн умолкает, листая написанные от руки заметки. – Здесь Фрэнсис пишет, что Саксон продавал наркотические лекарства из больницы, а Магда доставляла их по разным адресам.

Магда. Я вспоминаю расписание приемов у доктора Овусу и запись тети Фрэнсис на то утро.

– А там есть что-нибудь, касающееся доктора Овусу? – спрашиваю я.

Крейн некоторое время молчит, и мы вместе разглядываем содержимое папки. Некоторые документы напечатаны, и, кажется, не тетей Фрэнсис.

– Похоже, доктор Овусу помогала Фрэнсис расследовать делишки Саксона.

– Это доказывает, что именно Саксон украл лекарства для лошадей?

– Здесь нет его фотографий в клинике, но он передает Магде коробки с опиатами, а это уже противозаконно, хотя и не доказывает, что он убил Фрэнсис. Похоже, тот, кто сделал эти снимки, уже знал всю подноготную его бизнеса, и вместе с заметками Фрэнсис... Если информация правдивая, это серьезное доказательство.

Крейн рассматривает документы с напечатанным текстом.

– Это написал местный частный детектив. Я узнаю его бланк. Мы знакомы, я попрошу его подтвердить все это. Ему можно верить, и я не удивлен, что Фрэнсис наняла именно его.

– Смотрите. – Я протягиваю ему листок. – Это она написала в день смерти. Вот тут.

Я показываю на дату, и у меня сжимается сердце. Я сразу узнаю почерк, который мало изменился со времен дневника, и каждый раз, когда я его вижу, мне кажется, что я хорошо знаю Фрэнсис. Она как будто здесь, рядом.

– Записи Фрэнсис утром в день смерти, – говорит Крейн, быстро просматривая их. – Она посетила доктора Овусу и узнала, что Саксон с помощью Магды добывает опиаты. Похоже, Магда сказала доктору Овусу, что диспетчерская «Скорой» из Литтл-Димбера попросила их получать лекарства из местной клиники, для удобства. Магда даже состряпала письмо из диспетчерской с официальным запросом. Вот, взгляните, – показывает он. – Фрэнсис скопировала его тем утром, когда была у доктора Овусу.

– Почему доктор Овусу немедленно их не сдала? Или хотя бы Магду?

– Может, Фрэнсис не все ей рассказала. Например, просто задала нужные вопросы и поехала домой, чтобы проверить информацию, а потом уже действовать.

У меня в голове опять что-то щелкает. Это такое приятное чувство, пусть даже я еще не вижу конечного результата.

– Саксон приехал на более раннем пароме, верно? – спрашиваю я. – Во время убийства тети Фрэнсис он был в Касл-Нолле. Я видела Магду в кабинете доктора Овусу, когда мне обрабатывали сыпь на руках. Но...

Крейн молчит. Просто вопросительно смотрит на меня, как бы говоря: «Продолжайте». Его взгляд приводит меня в чувство. Я встряхиваю головой, и мое лицо расслабляется. Все это не имеет смысла, слишком много отсутствующих фрагментов. Вспоминаю свой список вопросов без ответов. Пока я трудилась над замком, мне по-прежнему не давали покоя цветы. И убийца Эмили. Мой главный подозреваемый – Уолт, но не мог ли ее убить десятилетний Саксон? Я считала, что убийства связаны, но если Саксон убил Фрэнсис из-за

того, что она раскрыла его роль в торговле препаратами... Может быть, в конечном счете Фрэнсис убили из-за ее компромата.

Я решаю оставить фотографии и записи Крейну – а как же иначе, ведь они уличают Саксона в преступлении.

– Я должен отвезти все это в участок, – говорит он. – Пожалуйста, Энни, идите в свою комнату и закройте дверь. Я скоро вернусь, но свяжусь по рации с коллегами, чтобы прислали констебля, пока я занят.

– Ладно.

Детектив поспешно кивает и уходит.

Возвращаюсь в спальню и немедленно запираю дверь на ключ. Но когда я осматриваю комнату, все внутри переворачивается. Я забыла, что надо обязательно носить рюкзак с собой. А я оставила его в комнате, в лихорадочном порыве убежав открывать запертый ящик.

Ноутбук, к которому я почти не прикасалась, с тех пор как приехала, разбит вдребезги, возможно, той же монтировкой, что и шкаф с архивом тети Фрэнсис. Но сильнее всего щемит в груди при виде разорванных на мелкие кусочки блокнотов. Из-за одной оплошности пропали все результаты расследования.

Я кладу ключ на тумбочку у кровати и опускаюсь на колени посреди клочков бумаги. Глупо плакать над разорванным блокнотом с нарисованными на обложке грибами. Я моргаю, делаю глубокий вдох и стараюсь не чувствовать себя такой несчастной. Ведь все записи у меня в голове, страница за страницей.

И тут до меня доходит, что я превратилась в мишень. Убийца тети Фрэнсис без колебаний убьет снова, чтобы сохранить свои тайны.

Меня захлестывают эмоции, и внезапно раздается стук в дверь. Я шарю в поисках оружия – ножа для конвертов, шпильки, чего угодно, и в итоге нахожу перьевую ручку. Снимаю колпачок, держа острое перо наготове. Если б я не была так напугана, то посмеялась бы над нелепой сценой, но вместо этого медленно подхожу к двери.

Поворачиваю ручку в готовности броситься в коридор, но она не поддается. Я смотрю на тумбочку у кровати и чертыхаюсь про себя. Маленький ключ от двери лежит там, рядом со шкафом, откуда и доносится стук.

В комнате кто-то есть, и я заперлась вместе с ним.

Глава 30

Я кричу, долго и протяжно, хотя и знаю, что никто не услышит. Разве что Оливер, но разве он поможет, когда я в опасности?

– Ох, ну хватит уже! – рявкает Саксон, вылезая из шкафа.

Я не прекращаю орать, и он бросается на меня, зажимая мне рот ладонью, и одним движением выбивает из моей руки перьевую ручку. Я побеждена всего за несколько секунд. Саксон прижимает мои руки к бокам. Я пытаюсь вырваться, но в его тощем теле на удивление много сил.

Саксон хладнокровно удерживает меня и ждет, пока я успокоюсь. Так в конце концов и происходит, потому что он не делает мне ничего плохого, но я все равно продумываю все возможные приемы самообороны на случай, если понадобятся. Я ужасно взбудоражена тем, что он подкарауливал меня в шкафу, и гадаю, когда уже в дверь постучится констебль, которого обещал прислать детектив Крейн. Буду ли к тому времени я еще жива?

– Аннабель, – спокойно говорит он. – Я ничего вам не сделаю. Простите, что напугал, но я не специально, клянусь. – Саксон убирает ладонь с моего рта, но по-прежнему удерживает руки. – Если я отпущу вас, мы сможем поговорить? Спокойно, без драки?

Я киваю. Говорить мне особо нечего, да и голосу своему я не доверяю.

– Хорошо.

Он отпускает меня. Я тут же прижимаюсь спиной к двери, хотя без ключа все равно остаюсь беспомощной.

– Кстати, это не моих рук дело, – говорит он, указывая на разорванные блокноты.

– А библиотека? – спрашиваю я, косясь на окно, за которым слышу слабый хруст гравия. Это констебль? Или Оливер? Я раздумываю, не заорать ли, но вместо этого судорожно вздыхаю. Если Саксон хотел меня убить, он уже сделал бы это. – И какого черта вы прячетесь у меня в шкафу?

– Библиотеку разгромил не я, – с легким смущением улыбается Саксон. – А в вашем шкафу я искал то, что спрятал много лет назад. Я

услышал, как вы поднимаетесь по лестнице, и закрыл дверцу, решив, что вы зашли ненадолго и я смогу выбраться позже.

– Что вы искали? – спрашиваю я, просто чтобы на чем-то сосредоточиться, отвлечься от барабнящего в висках пульса.

Он машет рукой:

– Не важно. Но знайте на будущее – в шкафу есть двойное дно. Там явно более подходящее место для хранения версий расследования.

Саксон подбирает несколько раскиданных листков и снова бросает на пол. Я вижу слово «яд» и «Саксон», написанные моим аккуратным почерком.

– Так кто же разгромил библиотеку? – спрашиваю я и содрогаюсь.

Мне до сих пор не по себе от жуткого появления Саксона. Видимо, ему суждено напоминать мне строки из дневника тети Фрэнсис – как она обернулась и увидела, что Саксон стоит рядом с деревом и наблюдает за ней с Джоном.

– Думаю, кто-то из Гордонов.

– Кто-то? Уолт или Оливер?

– Один или второй. Или оба. Но это не играет роли, потому что, увы, мы с вами в полной заднице. Боюсь, у нас нет выбора, кроме как работать вместе, – легкомысленным тоном произносит Саксон.

– Объясните поподробнее про задницу, потому что у меня вроде все идет прекрасно, – возражаю я.

– Да, потому что вы прочли дневник Фрэнсис? Хорошее чтение. Я и сам полистал дневник, когда наткнулся на него год назад, интересно было узнать, какими она запомнила те события. Ведь, если вы забыли, я при них присутствовал.

– Где присутствовали? В Челси? Когда умерла Эмили?

– Нет, к тому времени как мы с дядей туда добрались, в доме было пусто. Я понятия не имею, кто убил Эмили. Если б это сделал я, то признался бы уже много лет назад. И честно говоря, я ждал, что однажды она появится, проведя несколько лет в Швейцарских Альпах или что-нибудь в этом роде.

Он просто болтает, не рассказывая ничего нового.

– Чего вам надо, Саксон? – устало спрашиваю я. – Жаль, я не треснула вас по голове подсвечником, как только вы вылезли из шкафа.

Я бросаю взгляд на тумбочку у кровати, там и в самом деле стоит тяжелый бронзовый подсвечник. Почему я не схватила его, когда

искала оружие? Неужели я так ничему и не научилась после стольких игр в детектива с Дженни?

– Но вы не треснули, – замечает он, обнажая зубы в улыбке. – Вот почему я думаю, что у нас все получится, если мы будем работать вместе.

– Это вы убили тетю Фрэнсис? – спрашиваю я, внимательно наблюдая за ним – нет ли на лице признаков лжи.

Но он лишь внимательно наблюдает за мной в ответ.

– Нет, – наконец отвечает Саксон. – Ничего подобного я не делал.

– Но вы украли из ветеринарной клиники препараты для продажи?

Саксон молчит, рассматривая ногти.

– И где они теперь, Саксон?

– Мы будем работать в команде или нет?

– Вы не дали для этого ни одной причины. Какой информацией вы можете поделиться, чтобы я захотела вступить с вами в альянс?

– Все ведет к Гордонам.

Он долго смотрит на меня и поднимает бровь.

– В каком смысле?

– Последнее слово в нашем состязании за Уолтом. Вам не кажется это странным? Он также распорядитель завещания. Все эти годы он был близким другом Фрэнсис, одним из немногих людей, кто слушал ее бесконечные разглагольствования об Эмили Спарроу, шахматных фигурах, скелете и прочую чушь.

– Для нее это была не чушь, – возражаю я.

– Да она пробралась вам в голову! – смеется он. – И это хорошо. Кто-то из нас должен снять шелуху с ее навязчивой идеи. Все это устроил Уолт, он и дергает за ниточки.

– Каким образом?

– Я не был на одиннадцатичасовом пароме, но не мог сказать этого Уолту. Когда умерла Фрэнсис, я был в банке. В банке Касл-Нолла, где держала счета Фрэнсис. У меня там трастовый фонд, основанный, когда я был еще ребенком, и меня никогда не беспокоило, что им владеет и Фрэнсис. Когда я попросил распечатку с оставшейся суммой, сотрудник банка случайно напечатал и данные по счетам Фрэнсис. Ее расходы на адвокатов весьма интересны.

– Хотите сказать, Фрэнсис переплачивала Уолту?

– Еще как. Не проронив ни слова, я забрал распечатки, и когда Эльва позвонила мне с новостями о Фрэнсис, солгал, сказав, что до сих пор в Сэндвью. Мне нужно было немного времени.

– Почему она ему столько платила?

– Не знаю, но подозреваю, она и сама об этом не знала. Думаю, он ее обкрадывал.

– Почему она не заметила? Она ведь все замечала.

– Из-за бухгалтера. У Фрэнсис тот же бухгалтер, что и у юридической фирмы. Их старый друг, который, как и Уолт, не торопится на пенсию. Хотя давно уже достиг пенсионного возраста. Ну разве не удивительно? В семьдесят пять лет до сих пор трудится. Конечно, времена нынче нелегкие, но эти двое просто не могут доверить некоторых своих клиентов кому-то другому.

– А кто бухгалтер?

– Наш старый друг Тедди Крейн.

– Дед детектива?

– Ага, и я собираюсь воспользоваться этой информацией, чтобы забрать у детектива кое-какие фотографии.

– Вы думаете, что это Уолт убил Фрэнсис, – медленно произношу я.

Это соответствует моей теории, хотя и не полностью. Я считаю, что Фрэнсис убил Оливер с помощью Уолта. После того как Фрэнсис выяснила, что Уолт убил Эмили.

Саксон устало кивает.

– Но где он взял медикаменты для убийства?

– Это последний фрагмент головоломки, верно? Разделите наследство пополам со мной, и я вам скажу.

– А зачем вам нужна я? – Саксон виновато переминается с ноги на ногу и смотрит в окно, избегая моего взгляда. – Я поняла. Потому что грязный бизнес вас утопит.

– Нет, если вы мне поможете, – говорит он и снова смотрит на меня.

– Я не стану вас покрывать!

– Этого и не требуется, потому что я не торгую препаратами! Это все Магда, она работает одна. Но я выписывал ей фальшивые рецепты и помог ограбить ветеринарную клинику. На тех фотографиях, где мы вместе, видно, что я снабжаю ее коробками, но у меня есть

правдоподобное опровержение, когда речь идет о торговле. Я потеряю медицинскую лицензию и карьеру, но буду жить дальше.

– А что насчет Оливера? Если тетю Фрэнсис убил Уолт, вы считаете Оливера сообщником?

Мне очень интересно, подозревает ли Саксон в чем-нибудь Оливера.

– Нет, – твердо отвечает Саксон, расхаживая по комнате. – Но я не доверяю Оливеру. У всех нас есть кое-что общее, у всех, кроме вас. Мы в чем-то виновны.

– Сейчас меня больше всего заботит, кто из вас виновен в убийстве.

– Так я же сказал, – пожимает плечами Саксон.

– Вы сказали, почему подозреваете Уолта, но я по-прежнему хочу узнать, с чего вы взяли, что это сделал именно он.

– Вы разделите со мной наследство или нет? Это хороший ход, Энни. У моего дяди была любимая поговорка насчет шахмат.

– «Можно играть без плана, но, скорее всего, ты проиграешь», – бормочу я себе под нос.

Если Саксон и удивился, услышав от меня изречение своего дяди, то не подал вида.

– И далеко продвинулось ваше расследование? Или вы просто шатаетесь по окрестностям, увлекшись подростковыми приключениями Фрэнсис?

Я пристально смотрю на Саксона. Это его дом, и он был близок с дядей. С точки зрения Саксона, если все унаследую я, это безумие. Место, где я никогда не бывала, принадлежавшее тете, которую узнала только после смерти.

– Фрэнсис не просто так написала в завещании пункт про тюремное заключение, – произносит Саксон. – Она хотела, чтобы я как следует задумался о своих грешках. С плохим адвокатом и суровым судьей я могу получить срок. Я постараюсь этого не допустить, но даже если и попаду в тюрьму, то ненадолго.

– Однако наследство потеряете. Если только я не соглашусь разделить его с вами.

– Я же не злодей какой-нибудь, Энни.

Я глубоко вздыхаю, размышляя.

– Предлагаю сделку, Саксон. Я подумаю над тем, чтобы разделить с вами наследство, но вы должны признать, что все козыри у меня. Вы пытались внушить мне, будто у меня ничего не выходит, но это не так. Расскажите мне все, что вам известно, помогите быстрее Оливера и детектива докопаться до истины, и можете надеяться, что в конце концов я расщедрюсь.

Лицо Саксона немного мрачнеет, но он кивает.

– Ладно. У Уолта есть доступ к лекарствам, потому что он один из клиентов Магды в Касл-Нолле. Если вы хотите получить что-то от Магды, достаточно набрать ее номер, она приедет в «Скорой» и «подлечит» вас.

– Боже мой, какой кошмар.

Я бросаю на него гневный взгляд, подчеркивая отношение к его роли во всем этом. Но я помню, как Уолт принимал таблетки от болей в спине, когда мы с детективом Крейном наткнулись на него вчера в «Мертвой ведьме».

Надо отдать Саксону должное, он не притворяется, что ему стыдно.

– Я просто сообщаю факты.

– Но, следуя этой логике, любой из клиентов Магды имел доступ к ее запасам.

– Верно, но поскольку я в этом замешан, то знаю всех ее клиентов в Касл-Нолле, и ни у одного из них не было причин убивать Фрэнсис.

– И как мы это докажем?

– Вот здесь-то и нужна командная работа, – снова улыбается Саксон. – Вместе мы победим.

Глава 31

Я решаю пройтись по саду, чтобы развеяться. Но перед уходом беру фотоальбом Роуз, к счастью, не пострадавший при разгроме комнаты. Я останавливаюсь у большого письменного стола в библиотеке и вытаскиваю из ящика ручку и несколько листов бумаги. Констебль, которого прислал Крейн, разговаривает на кухне с Бет, поэтому я сворачиваю и выхожу через кладовку, хотя она до сих пор наводит дрожь. Наверное, я всегда буду бояться этой комнаты.

Дженни отвечает после второго гудка.

– Энни, ну наконец-то! Ты же знаешь, если ты не перезваниваешь, я начинаю волноваться, не случилось ли с тобой чего-то ужасного в этом доме с убийцами.

– Ну оказалось, что я выросла в доме, где произошло убийство, может, это и объясняет мою способность быстро приходить в себя.

– Расскажи обо всем, ничего не упуская, я делаю заметки, чтобы тоже попытаться разгадать убийство.

– Зачем? Ты мечтаешь получить огромное поместье рядом с деревней, кишасей обманщиками и жуликами?

– Нет, я просто хочу поучаствовать в игре. Как когда я смотрела «Лучший пекарь Британии» и участвовала в состязании, только теперь с убийством. И я могу тебе пригодиться!

– Дженни, в состязаниях «Лучшего пекаря» ты всегда проигрывала. Помнишь то французское печенье?

– Тогда виновата была духовка. А детективы мне больше по душе, так что выкладывай.

Я нахожу в огороженном стеной розарии каменную скамейку и на этот раз обращаю внимание на светлые гравийные дорожки, создающие узор между стриженными изгородями. В центре находится декоративный пруд с кувшинками, а в небольшом фонтане журчит вода. Я пропустила все это, когда выходила сюда в первый раз, но в то время я усердно шпионила. Вводя Дженни в курс дел, я пишу заметки на добытой бумаге. И вскоре все страницы оказываются исписанными – я по памяти добавила вопросы, оставшиеся без ответов, и даже заново начертила схему расследования. Хотя не стала вытаскивать фотографии из альбома Роуз, чтобы прикрепить их к схеме.

– Саксон напоминает жулика из старых мультфильмов, – говорит Дженни. – Он показал тебе распечатки, о которых говорил? Доказывающие, что Уолт обкрадывал Фрэнсис? Возможно, он нагло лжет.

– Не показал, но я его заставлю, потому что тоже ему не доверяю. И все равно странно, что мистер Гордон до сих пор пашет в юридической конторе, а его старый друг по-прежнему бухгалтер.

– Неприятно признавать, но это и правда подозрительно, – соглашается Дженни. – И у них есть кое-что общее – оба дружили с Эмили, Роуз и Фрэнсис в то лето, когда пропала Эмили. А кроме того, работают на Фрэнсис. То есть работали, прости.

– Кое-что я никак не могу понять – это цветы. Букет с болиголовом. Совершенно не понимаю, какая тут связь.

– Может, ее и нет, – произносит Дженни. – Вдруг это просто совпадение?

– Может быть. – В голове расплывается туман, и мне кажется, что я хожу кругами. – Думаю, Уолт – главный подозреваемый в обоих убийствах, а Оливер – его сообщник в убийстве тети Фрэнсис. Но я хочу узнать твое мнение, потому что сама нахожусь слишком близко, чтобы ясно увидеть полную картину.

– Ты воображаешь, будто это криминальная драма по телевизору, – на полном серьезе говорит Дженни. – А самое простое объяснение обычно оказывается самым верным. Ну в смысле, почему люди убивают?

– Хм... Жадность? – предполагаю я.

– Это одна причина, – тоном учительницы соглашается Дженни, как будто пытается помочь мне самостоятельно найти ответ к мудреной математической задачке.

Я закатываю глаза, хотя и знаю, что она меня не видит.

– Ты что, нашла это в интернете? На каком-нибудь сайте о серийных убийцах, кровожадных домохозяйках или еще о ком-то? И ты...

– А если и так? Вообще-то это очень интересно! Серийные убийцы – изгои и психопаты, поэтому и убивают. Вряд ли ты имеешь дело с серийным убийцей, иначе люди умирали бы как мухи. В любом случае самые распространенные мотивы для убийства – жадность,

мечь, страсть и самосохранение, по данным этого сайта. Который, похоже, заразил мой компьютер вирусом.

– Не доверяю я сайтам с вирусами, но ладно. Просто в качестве мысленного эксперимента я сделаю четыре колонки. Давай расставим в них подозреваемых в убийстве тети Фрэнсис, и я помечу звездочками тех, кто имел доступ к орудию убийства.

Вот почему я люблю обсуждать все с Дженни – она всегда готова поговорить о моих странных сюжетных идеях и без колебаний скажет, если я зашла слишком далеко. И после нашего разговора я смотрю на все совершенно по-новому.

– В нашем случае это... Что именно? Транквилизатор для лошадей?

– Не совсем. Это инъекция железа, украденная из ветеринарной клиники вместе с другими лекарствами. Так, давай заполним первую колонку: жадность.

Мне нравится идея с мотивами в колонках, надо было сделать так с самого начала.

– Это весело, я включилась в твою игру. погоди, я тоже запишу подозреваемых, а потом сравним.

– Знаешь, тебе надо стать разработчиком настолок, – спокойно откликаюсь я.

– Ты вот шутишь, а получилась бы отличная игра! Вроде той, Clue, только здесь надо разгадать предсказание гадалки, чтобы опередить соперников и получить наследство. Но ты уже виновна в тайном преступлении и...

– Дженни.

– Ну ладно. Так, я заполнила колонку «жадность». Кого ты туда записала?

– Саксона, Эльву, Уолта и Оливера, – медленно произношу я, задумываясь, не пропустила ли кого.

– Я тоже, но еще добавила туда того бухгалтера.

– Тедди Крейна. Да, конечно, давай внесем и его. Следующая колонка – мечь.

– Так, в нее, в сущности, можно занести всех жителей Касл-Нолла, если они знают, что Фрэнсис была готова продать поместье тому, кто больше заплатит, или хранила компромат на всех. Но давай рассмотрим более консервативный вариант. Потому что одно дело

собирать сплетни – они ведь разрушают жизнь, только когда их распространяют. Или когда ими шантажируют. А Фрэнсис не похожа на шантажистку, верно?

– Вообще-то был еще инцидент с семьей Крейнов. Но я поговорила с детективом, и оказалось, что Фрэнсис ошиблась, все обошлось.

– Ты уверена? Пусть мне и не хочется подозревать сексапильного детектива в убийстве, он мог это сделать, так ведь?

– Некоторое время я его подозревала, – признаюсь я. – Но вычеркнула из списка. Думаю, что Реджи Крейн и интерес к нему Фрэнсис были исключением, она просто собирала все секреты и хранила их в поместье, помалкивая о том, что обнаружила. В смысле, она же мыслила рационально, а хранить секреты – лучший способ не обзавестись тонной врагов.

– Ага, – медленно выговаривает Дженни, и я понимаю, что она снова читает тот веб-сайт. – Значит, в колонку «мечь», хотя это и блюдо, которое лучше подавать холодным...

– Так написано на сайте, да?

Дженни фыркает:

– Надо заказать для тебя футболку с надписью «Мисс сарказм».

– Идеально, надену ее, когда будем играть в твою новую настолку.

– Так, – бубнит она. – Не отклоняйся от темы. Я думаю, если Фрэнсис убили из мести, то за что-то, произошедшее недавно.

– Может, Джон? Я поместила бы его в колонку «страсть», но опять-таки, это было давно.

– Необязательно, – возражает Дженни. – В смысле, люди постоянно возвращаются к первой любви. А теперь он викарий, да? И эти иголки в шипах... Мне они кажутся очень страстным поступком. Ты говорила, что она составляла букеты для церкви, верно?

– Так сказал мне Уолт в первый день, и... Ой, об этом я и не подумала. А должна была, потому что несчастная любовь – классическая причина для убийства. Вообще-то это мотив из моего последнего романа, – немного робко говорю я.

Вероятно, мой сюжет слишком предсказуем.

– Может, он разъярился, после того как она его соблазнила, и теперь на его душе висит грех, – говорит Дженни с легкой запинкой, наводящей на мысль, что она подавила смешок.

– Или Фрэнсис снова отвергла Джона, после стольких лет. Но возникает проблема с орудием убийства, – добавляю я.

На некоторое время мы обе замолкаем, и потом Дженни спрашивает:

– Ну ладно, так кто в твоей колонке «мечь»? Я думаю, Эльва.

– Похоже на то. Эльву можно записать в две колонки. Она могла убить Фрэнсис, разозлившись за то, что Саксон лишился наследства.

– Да, но разве Саксон не узнал об этом уже довольно давно? – спрашивает Дженни. – В смысле, зачем убивать ее именно сейчас?

– Точно. Я думаю, следует добавить и Фойлов, Бет и Арчи. Недавно Фрэнсис узнала, что Арчи выращивает травку, и угрожала выкинуть его с фермы, если он не прикроет лавочку. Арчи похож на упрямяца, а Бет легко могла достать лошадиные лекарства из клиники Миюки. Даже знала, когда клиника не заперта. Единственная проблема – фотографии Саксона и Магды, обличающие их в краже лекарств.

– Но в таком случае кто-то мог просто купить лекарства у Магды, верно? – предполагает Дженни. – погоди, ты думаешь, Магда знает, кто убил Фрэнсис?

– Я думаю, она тоже под подозрением. И могу поспорить, Крейн уже этим занимается, – с мысленным стоном произношу я. – Потому что забрал всю папку с теми фотографиями. Но, по словам Саксона, Уолт – постоянный клиент Магды. Он мог украсть железо, когда покупал что-то другое.

– Разумно. Или Магда и есть убийца, она хотела заткнуть Фрэнсис рот, когда узнала, что та обнаружила.

– Мне тут кое-что пришло в голову. Когда ты упомянула Эльву и задалась вопросом, почему именно сейчас. Когда в поместье появилось тело Эмили.

– Ага, как удачно ты его прислала, Энни.

– Я понятия не имела, что там труп! Но, конечно, улавливаю иронию. Я понимаю, что прибытие тела запустило какой-то механизм и, видимо, Фрэнсис поняла, кто убил Эмили.

– Да, связь определенно есть, – соглашается Дженни. – И мы переходим к колонке «самосохранение».

– И опять возвращаемся к Уолту Гордону. Он единственный связан с обоими преступлениями. Предположим, он убил Эмили, Фрэнсис это выяснила и пришла в ужас, поэтому, вместо того чтобы

немедленно на него донести, решила сначала с ним поговорить. Какое-то время они ходили вокруг да около, но в день встречи для Уолта что-то изменилось. А что, если именно на встрече Фрэнсис собиралась все раскрыть – ну, знаешь, собрать всех в одной комнате и наконец через столько лет доказать, кто убил Эмили. В стиле Агаты Кристи.

– И Уолт соврал про телефонный звонок Фрэнсис, будто она хочет перенести встречу, хотя на самом деле она уже была мертва. А он хотел обеспечить себе алиби, заявив, что она позвонила, когда он был в Касл-Нолле. Боже, да ты все разгадала, Энни!

– Мне не по себе при мысли, что Саксон был прав, – говорю я, прикусив губу. – Согласна, все сходится, но мне трудно поверить, что Саксон искренне хочет скооперироваться для разгадки преступления. Я уверена, он солгал насчет разгромленной библиотеки тети Фрэнсис, просто чую – я не знаю о нем чего-то важного. – Я вздыхаю. – А с Уолтом есть одна большая проблема.

Пару секунд Дженни молчит.

– Тебе надо доказать, что это он, – наконец произносит она.

– Именно. Доказать будет сложнее всего. Потому что, как я подозреваю, Уолт учился играть в игры у настоящего мастера.

Я встаю с каменной скамейки, чтобы пройтись и размять ноги.

– У какого мастера? У Форда?

– У Фрэнсис.

Глава 32

– Ладно, Саксон, – говорю я. – Так каков план?

Мы сидим в сумрачном уголке «Мертвой ведьмы», я взяла пиво, а Саксон – самое дорогое односолодовое виски из меню, хотя все равно не особо шикарное. «Роллс-Ройс» тети Фрэнсис припаркован снаружи, а значит, после того как Арчи высадил меня у гостиницы Роуз, он решил провести остаток дня в пабе. Саксон поставил свой спорткар рядом, бросив на антикварную машину вопросительный взгляд. В ответ я лишь загадочно улыбнулась.

Когда мы вошли, Арчи попытался присоединиться, но Саксон прогнал его как докучливого пса. Арчи пожал плечами и отошел, и я не успела сгладить нанесенную обиду.

Я заплела волосы в две косички и надела потрепанный кожаный жакет поверх длинного голубого платья в цветочек, тоже купленного в секунд-хенде на главной улице. Саксон сидит напротив, закинув ногу на ногу, из-под сшитых на заказ брюк выглядывает носок в клетку. Удивительно, но это придает Саксону вид дружелюбного дедушки.

Мы заключили непростое соглашение, и я по-прежнему сомневаюсь в Саксоне. Хотя больше, чем когда-либо, я убеждена в виновности Уолта, Саксон, безусловно, остается вероятным подозреваемым. При воспоминаниях о той секунде, когда он вылез из шкафа, я до сих пор содрогаюсь и стараюсь не забывать об этом. В какую бы игру он ни играл, я не просто фигура на доске. Я все еще его соперник.

– Как вы относитесь к тому, чтобы сыграть роль приманки? – улыбается он, и вопрос звучит как вызов.

– Не могу сказать, что мечтаю об этом, – с каменным лицом отвечаю я. – А почему вы сами не можете сыграть роль приманки? И какое вообще это имеет отношение к нашему плану вместе разоблачить Уолта?

– Я скоро к этому перейду, но не забывайте, что орудие убийства – лекарство, и, к сожалению, я не могу быть приманкой, потому что в первой части плана мы попытаемся подобраться к Магде.

– Ну нет. Ни за что.

– Для начала нужно выяснить, есть ли у нее сейчас этот препарат. А еще лучше, если один из нас стащит у нее контейнер. Это запечатанная пластмассовая коробочка вроде тех, в которых хранят еду в холодильнике. Герметичная, но прозрачная.

– Нельзя просто вскрыть машину «Скорой» или что-то в этом роде?

После его холодного взгляда повисает молчание.

– Так значит, я должна позвонить ей по номеру для наркоклиентов, а когда она придет в «Скорой», я... Что именно я должна сделать? Вы понимаете, что я самый неподходящий для этого человек? Я не выношу вида крови, в больницах у меня начинаются панические атаки, даже запах медицинского антисептика может вывести меня из строя.

– Значит, вам нужен кетамин, чтобы погасить тревогу. Магда в это поверит, в особенности если вы предложите ей пачку наличных.

– Которых у меня нет.

– Я вам дам.

Мое беспокойство нарастает. Коробочка с лекарствами не поможет раскрыть убийство тети Фрэнсис, а аргументы Саксона слишком шаткие, чтобы она выглядела ключевой уликой. Он явно ведет свою игру. Меня подставят, и непонятно, почему он не осознает, насколько это очевидно.

Я могла бы просто отказать ему, но мне хочется разузнать, чего он намерен этим добиться. Саксон собирается исключить меня из уравнения, чтобы выиграть гонку за наследство? Чтобы я получила тюремный срок и выбыла? Или еще хуже – замажет меня, чтобы я не могла докопаться до его собственной роли в убийстве тети Фрэнсис?

– И как же я доберусь до той коробочки с лекарствами, если буду просто притворяться клиенткой? – спрашиваю я.

– Классический маневр с отвлечением внимания. Магда будет настороже, боясь, что ее поймают с наркотиками, поэтому я просто дам наводку полиции.

Саксон же должен понимать, насколько это очевидно! Я решаю проверить, какие еще уловки он приготовил.

– Ну отлично, мы не только не получим нужные улики, но вдобавок я буду выглядеть наркоманкой. Блестящий план, Саксон.

– Вы забыли, что есть две машины «Скорой». Магда прослушивает полицейскую волну, но звук всегда стоит на минимуме. Поэтому очень важно, чтобы вы достали контейнер, пока она будет возиться с радио, увеличивая громкость. Когда я позвоню в полицию, то сформулирую фразы так, что она сразу поймет – это касается ее бизнеса. И сразу же сосредоточит внимание на полицейской волне. Но я дам им наводку на другую машину «Скорой», а сам буду ждать в машине, пока вы прибежите с коробкой.

– Ясно. – Я складываю руки на коленях и пристально смотрю на Саксона. – Допустим, это сработает, мы получим что хотим. Как это поможет доказать, что это Уолт вколол тете Фрэнсис железо?

Саксон откидывается назад и покручивает янтарную жидкость в бокале, одной рукой лениво похлопывая по стулу. Выражение его лица тщательно выверено. Но когда он выкладывает остальной план, мое сердце начинает отбивать барабанную дробь.

– В определенном смысле Уолт – человек организованный, но плохо умеющий замечать следы. Пример тому – банковские счета. Могу гарантировать, что он не надел перчатки, когда брал ту коробку.

– И вы уверены, что его отпечатков на коробке будет достаточно? – Я уж точно так не считаю. – В смысле, там ведь будут и отпечатки Магды.

А ведь использованного шприца там не обнаружить – Уолт не стал бы возвращать его на место, сделав тете Фрэнсис укол. Орудие убийства уже не найти, его выбросили в водосток или мусорный бак где-нибудь в соседнем городе. Прошло три дня после убийства тети Фрэнсис, и, скорее всего, шприц уже отправился на свалку.

– Но у Магды нет мотива убивать Фрэнсис, а у Уолта есть, – замечает Саксон.

– Я хочу увидеть банковские распечатки, о которых вы упоминали, из которых становится понятно, что Уолт обкрадывал тетю Фрэнсис.

Саксон пожимает плечами и берет кожаный портфель, стоящий рядом с его стулом. С минуту шуршит бумагами, а потом протягивает мне несколько листов, и впрямь похожих на подлинные банковские выписки со счетов Фрэнсис. Несколько раз встречается название «Гордон, Оуэнс и Мартлок», каждый раз со счетом на пятьсот фунтов.

Что любопытно, платежи начались примерно в то же время, когда я отправила сундук с телом Эмили.

– Но через минуту вы должны мне это вернуть, – объявляет Саксон, пристально глядя на меня.

Покосившись на него, я вытаскиваю телефон и делаю несколько фото каждой страницы.

– Почему вы решили, что ее обманывают? Адвокаты обходятся дорого, это может быть обычной платой.

– Нет. Я позвонил и поговорил с секретаршей под тем предлогом, что хочу их нанять для оформления завещания. Она прислала мне расценки как потенциальному клиенту.

Я снова смотрю на бумаги. Это не особо крупная сумма, учитывая состояние тети Фрэнсис, хотя, возможно, со временем накопилось немало. Однако в любом случае, если Уолт завывшал счета, это воровство.

– И сколько они берут за оформление завещания?

– Триста фунтов за полный пакет. Почасовая ставка у них сто фунтов, есть и твердые расценки на некоторые другие услуги, но по пятьсот фунтов ежедневно? Кругленькая сумма, не находите?

Он прав, но все равно что-то тут не так. Уолт и тетя Фрэнсис были очень близки, и если ему понадобились деньги, а она отказала, неужели это подтолкнуло его к краже? Я чувствую, за этим стоит что-то еще, но не могу понять что.

Однако больше всего меня интересует другое: даже если тетя Фрэнсис узнала, что Уолт ее обкрадывает, достаточный ли это повод для убийства?

Я вспоминаю вспышки его ярости в прошлом, как он ударил Эмили, а потом гнал машину в Лондон, чтобы выяснить с ней отношения. Если Уолт и желал смерти тети Фрэнсис, то не из-за денег. Скорее, она обнаружила, что это он убил Эмили. И тогда в нем всколыхнулись все старые демоны, которых он столько лет подавлял.

Хотя, судя по способу убийства... Оно ведь тщательно спланировано. Я смотрю на Саксона. Это его сфотографировали, когда он передавал украденные лекарства Магде. Это он научился у своего дяди играть в игры, именно он производит впечатление человека, любящего все тщательно планировать.

У него есть медицинские знания, мотив и средства для совершения преступления. И его не было в кабинете Уолта Гордона во время смерти тети Фрэнсис. Я возвращаю ему бумаги. Ему не следует знать, что он в числе подозреваемых, но у меня два варианта: можно подыграть ему в надежде таким способом раздобыть больше улик или вежливо отказаться, вернуться в Грейвсдаун-холл и попытаться найти улики против него там. Второй вариант безопаснее, но первый дает мне возможность подтолкнуть Саксона к тому, чтобы он сам себя выдал.

«Можно играть без плана, но, скорее всего, ты проиграешь». Я решаю составить собственный план и победить Саксона на его же поле.

– Я просто... – говорю я и нервно смотрю в окно, словно не могу подобрать слова. – Должен же быть менее опасный способ разоблачить Уолта. Может, начать с этих документов, подтверждающих мошенничество? Почему бы не показать их детективу Крейну?

– Это же просто глупо, Энни. Нельзя допустить, чтобы детектив раскрыл дело первым!

Саксон смотрит на меня как на глупого ребенка, и это хорошо. Пусть он меня недооценивает.

– Да, – медленно выговариваю я и допиваю пиво.

И тут в «Мертвую ведьму» заходит детектив Крейн, словно я вызвала его силой мысли. Саксон каменеет, а потом натужно пытается выглядеть расслабленным, чтобы скрыть тревогу.

Саксон видел меня с детективом в поместье и знает, что мы делились друг с другом уликами. Учитывая привычку Саксона подслушивать у дверей, он наверняка в курсе, о чем мы говорили. Детектив Крейн коротко кивает и направляется к Арчи Фойлу.

Я смотрю на дно пустого бокала. Как же мне обхитрить Саксона? Пока я размышляю, мимо проходит группа девушек. Они обсуждают одежду и косметику – все как обычно. В другое время я не обратила бы на них внимания, но сейчас из головы никак не выходит лето 1966 года, и я невольно представляю Эмили, Роуз и Фрэнсис. Одна девушка говорит:

– Клэр, верни наконец мое платье! Оно у тебя уже слишком долго! Я хочу его надеть на свадьбу Энди.

Я выныриваю из грез и принимаю решение.

– Хорошо, – улыбаюсь я Саксону. – Пусть будет так. Скажите, где и когда, и мы прищучим Уолта.

Глава 33

Когда мы подъезжаем обратно по гравийной дорожке, за домом уже садится солнце, Саксон желает мне спокойной ночи и уходит к себе. Под дверью Оливера сияет золотистая полоска света, и я спешу мимо, стараясь ступать как можно тише.

Оказавшись в комнате, я просматриваю свой список вопросов без ответов и обнаруживаю, что забыла добавить к ним напечатанные на машинке угрозы. Поэтому я дописываю:

Угрозы: кто их присылал изначально, в 1966 году (Уолт)? И кто подложил их мне (неизвестно)?

И тут сердце начинает колотиться, но уже от приятного чувства, что я подобралась очень близко. Первая угроза, видимо, предназначалась Фрэнсис: «Я заберу у тебя все, что ты ценишь, а потом приду за тобой». И очень похоже, что автор – Эмили, забравшая у Фрэнсис Джона и чуть не забравшая Форда, как и ребенка, которого так отчаянно хотел брат Фрэнсис.

Поначалу я была убеждена (как наверняка и тетя Фрэнсис), что кто-то угрожал ей, незаметно подкладывая записки в карман. Но это не вяжется с содержимым угроз. Во-первых, уж больно это похоже на то, что случилось с Эмили, а во-вторых, сами слова в записке. «Потаскуха» и «лгунья» – совсем не похоже на Фрэнсис, над ней даже посмеивались как над самой неопытной в компании и самой честной.

Значит, вторая угроза предназначалась Эмили. А на самом деле обе, их ведь отправил один человек. Нетрудно догадаться, зачем их хранила уже постаревшая тетя Фрэнсис – это улики, которые она собирала по делу об исчезновении Эмили. Но тетя Фрэнсис упоминала о них в своем девичьем дневнике. Так как же она их получила, еще тогда?

Когда я случайно услышала разговор девушек в пабе, он всколыхнул во мне воспоминания. Одна из них попросила подругу вернуть позаимствованное на время платье. И я вспомнила, как Эмили в одежде Фрэнсис пыталась копировать подругу.

Угрозы определенно предназначались Эмили. Они оказались у Фрэнсис, потому что Эмили сунула их в карман. И оба раза в это время она носила одежду Фрэнсис.

Я невольно сую руки в карманы, хотя и купила кожаный жакет только сегодня. Но этот рефлекс напоминает, как в первый день я взяла кое-что из карманов блейзера Эльвы. Записки, которые она сорвала со схемы расследования убийства, и другие бумаги. Сердце бешено колотится, потому что это могут быть улики против Саксона. Могу поспорить, именно Эльва разорвала мои заметки и разбила ноутбук. И Саксон, и Эльва искали то, что я вытащила у нее из карманов, а у меня это совершенно вылетело из головы.

Бросаюсь к шкафу, вспоминая, как там прятался Саксон, заявивший, будто искал давний тайник. Они оба явно обыскивали мою комнату, но надеюсь, Саксон не успел найти, что хотел.

Я вижу в углу шкафа свои скомканные джинсы, выглядят они явно несвежими.

– Только бы Саксон в них не рылся! – шепчу я, сую пальцы в карман и вытаскиваю сложенные бумажки. – Есть!

Сажусь на кровать и рассматриваю стикеры с почерком Фрэнсис, которые сорвала Эльва, и лист бумаги, тоже с почерком Фрэнсис.

Это список пропавших из дома вещей:

- *памятная серебряная подвеска (птичка)*
- *серебряные столовые приборы (семь предметов)*
- *редкое антикварное издание «Снежной королевы» Ганса Кристиана Андерсена*
- *чайный фарфоровый сервиз (четыре предмета)*

Чувствую разочарование. Эльва не пыталась прикрыть Саксона. Видимо, первое предположение было верным – она защищала себя. В самом низу списка Фрэнсис явно в спешке дописала: «Эльва». И стикеры это подтверждают. На одном – даты и время визитов Эльвы, а на другом – расписание отпусков и выходных Саксона.

Я снова размышляю о Саксоне. У меня нет ни капли сомнений, что, если я заберусь в «Скорую» к Магде в попытке что-то выкрасть, меня арестует полиция за покупку наркотиков. И что бы я ни сказала, это не избавит меня от тюремного срока – Саксон предоставит

«обличительные улики», и я больше не смогу претендовать на наследство. Тетя Фрэнсис четко выразила свою волю на этот счет.

Вытаскиваю телефон и ищу случаи, когда врачей ловили на том, что они выписывали не те рецепты. Никто не получил тюремный срок. Их лишали лицензии, накладывали большие штрафы и помещали в своего рода список «неблагонадежных», но никого не посадили. Полагаю, это зависит от обстоятельств и мастерства адвоката, но достаточное количество прецедентов показывает, что уверенность Саксона небезосновательна. Саксон знает, что это сойдет ему с рук, пока его не могут связать с грабежом ветклиники.

А значит, я должна его перехитрить, и для этого понадобится смелость. Прежде чем я начну осуществлять созревший в голове план, надо еще кое-что проверить, но я уже чувствую, что скоро все выясню. Возможно, план дурацкий и опасный, но сидеть здесь сложа руки куда хуже.

Поэтому я звоню детективу Крейну – его стоит расспросить первым делом. Несмотря на поздний час, он отвечает после первого гудка.

– Крейн слушает.

– Привет, детектив, это Энни Адамс. Простите за поздний звонок, но мне нужно задать вам вопрос о дне смерти тети Фрэнсис.

– Конечно. Я уже неподалеку от поместья. Собираюсь сменить на эту ночь констебля Эванса. Все в порядке? Вы в безопасности? Я видел вас в пабе вместе с Саксоном... Будьте осторожны с ним.

В его голосе такое трогательное беспокойство, поэтому я точно не собираюсь рассказывать, что в «Мертвой ведьме» я замыслила перехитрить Саксона.

– Все прекрасно, спасибо. Саксону просто хотелось поболтать, ничего серьезного. – Я стараюсь говорить будничным тоном, но мне явно не помешали бы курсы актерского мастерства. – Когда пыталась собраться с мыслями, у меня возник один вопрос, поэтому я и звоню.

– В любом расследовании важен крепкий план, – говорит он. – Чем могу помочь?

– Звучит глупо, но вы знали о встрече, на которую тетя Фрэнсис вызвала всех нас? Меня, Саксона и Оливера?

– Да, знал.

– Она и вас пригласила? Или кого-то из полиции?

– Меня? Нет. А вы считаете, у нее были на то причины?

Я отвечаю не сразу, тщательно подбирая слова.

– Если она вас не позвала, значит, вы не были там нужны. Это все, что мне хотелось узнать, спасибо. Увидимся позже, может быть, утром.

– Ладно, Энни, спокойной ночи.

Я вешаю трубку, снова вынимаю свои заметки и ставлю большой крест рядом с именем Уолтера Гордона.

Если тетя Фрэнсис собиралась разоблачить его на той встрече, как в классическом детективе, выложить все «за» и «против», все результаты расследования, которое вела шестьдесят лет, она пригласила бы кого-нибудь из полиции. Ведь это ключевая черта ее характера – она верила в правосудие, а убежденность в собственной судьбе была сродни религиозной. Если она хотела устроить классическую сцену разоблачения, то вызвала бы детектива Крейна.

Для надежности решаю засунуть свои заметки под матрас. Я запихнула бы туда и фотоальбом, но он слишком толстый. Оставив его в сумке, я ложусь в постель.

Пытаюсь заснуть, но взгляд утыкается в шкаф, и я не могу не думать о словах Саксона, когда он появился оттуда. Я вскакиваю с кровати и включаю лампу, чувствуя себя немного глупо из-за внезапного желания проверить двойное дно в шкафу.

Пальцы легко нащупывают шатающуюся доску, я надавливаю на нее, и она выскакивает на пружине.

Внизу довольно много места, примерно с коробку для обуви. Там лежит сверток из нескольких кухонных полотенец. С резким вдохом я разворачиваю его и обнаруживаю старинную книгу и семь серебряных вилок. Не хватает только фарфоровых чашек. Пытаюсь нащупать внутри что-то еще, и пальцы в конце концов натываются на маленький бархатный кошелек. Когда мне в ладонь выпадает серебряная подвеска в виде птички, у меня перехватывает дыхание.

Видимо, Саксон знал о тайнике Эльвы. Она воровала у тети Фрэнсис, это очевидно. Вероятно, складывала добычу здесь, чтобы забрать позже, когда определит цену. Но тогда зачем Саксон рассказал мне о двойном дне?

Может, ему было плевать. Эти кражи выглядят пустяком и, в сущности, даже не кражи, ведь все осталось в доме. Не могу

представить, зачем Эльва вообще взяла эти вещи, но даже если она нечиста на руку, это не мотив для убийства.

Возвращаю на место все вещи и доску. Потом снова забираюсь в постель и выключаю свет, но не могу заснуть из-за шагов за дверью. Наверное, это детектив Крейн, просто хочет убедиться, что я здесь, он ведь сказал, что приедет. На всякий случай я все-таки проверяю, лежит ли ключ от двери на тумбочке у кровати.

Я забываюсь тревожным сном, и мне снятся шаги, шепоты и как кто-то дергает дверную ручку.

Проснувшись около полуночи, чтобы сходить в туалет, я чуть не падаю, споткнувшись о пакет, лежащий по другую сторону двери. Размером с книгу и завернутый в бумагу. Я тут же срываю обертку, и мне в руки падает зеленый дневник тети Фрэнсис.

Я возвращаюсь в постель и с жадностью принимаюсь за чтение.

Глава 34

Записи из Касл-Нолла, 7 октября 1966 года

Печальный факт – исчезновение Эмили вроде бы потрясло весь город, но не совсем.

Повсюду я слышала сплетни и теории. Эмили сбежала, Эмили связалась не с тем мужчиной. Чаще всего звучала фраза «если ее и убили, она сама напросилась».

Каждый раз, услышав это, я сжимала кулаки. Бродя по городу в надежде, что однажды увижу ее лицо в толпе, я начала больше беспокоиться об Эмили и меньше об остальном Касл-Нолле.

Потому что чем больше я слушала и наблюдала, тем больше узнавала. Узнавала мерзкого.

Все мы в какой-то период ненавидели Эмили, но она как будто связывала нас вместе. И как только она пропала, мы стали реже встречаться. Не считая нас с Роуз.

Я отказывалась разговаривать с Фордом, но Роуз была словно электрическим кабелем, связывающим меня с поместьем Грейвсдаун. Билл, шофер Форда, проводил с Роуз все больше времени. И через некоторое время Роуз повеселела. А надо мной будто нависли тучи.

Я никому не доверяла, в особенности людям, связанным с поместьем. На некоторое время мы с Джоном примирились, но к прошлому уже не было возврата. Никогда.

Форд не проявлял настойчивости, но присылал мне всякие мелочи с Биллом. Книгу про Афганистан. Набор шахмат. С каждым подарком я все больше преисполнялась решимости никогда с ним не разговаривать. Потому что события того лета меня изменили, открыли глаза на то, как много у всех окружающих секретов. Три месяца назад эти подарки возымели бы желаемый эффект. Польстили бы мне и произвели впечатление. Но теперь я видела их истинное значение – все дело в нем. Он думал не обо мне, он думал о себе, хотел увидеть свое отражение в моих глазах. Мне было это ненавистно.

И были причины возненавидеть все это еще больше, когда однажды Джон наконец рассказал про тот день, когда они с Уолтом оставили меня на пороге дома брата. Тот день, когда все так

торопились повидаться с Эмили в Челси, после чего ее никогда больше никто не видел.

Именно тогда мы с Джоном и попытались начать заново. Он очень старался. Водил меня в приличные места, мы пили кофе на террасе гостиницы «Касл-хаус». Но Эмили висела между нами как призрак. Много недель ни один из нас не хотел о ней говорить, но мы не могли двигаться дальше, оставив столь многое невысказанным.

Неуклюжее и слишком официальное ухаживание Джона выглядело так, будто он пытался имитировать приглашающего меня на свидание Форда. Не то чтобы Форд так поступал – он знал, что из-за него у меня были неприятности дома. Мама ясно дала понять, что догадалась, куда я тайком хожу, и считает это неприемлемым. И дело было не только в ее суевериях, хотя она и напомнила о вечном невезении Грейвсдаунов. Она сказала, что независимо от того, сколько у мужчины денег, приличный человек должен дожидаться, пока девушке исполнится восемнадцать, и только после этого встречаться с ней.

– Может, закажем пирожные? – спросил Джон и взял меня за руку, лежащую на столе.

– Я не особо хочу есть.

Я глотнула кофе и слабо улыбнулась, он ведь так старался.

Некоторое время мы сидели молча, и наконец он спросил:

– Ты знаешь, что Уолт подумывает изучать право?

Я чуть не пролила кофе.

– Уолт? Наш Уолт, который чуть не слетел с катушек из-за предательства Эмили?

– Я ждал удобного момента, чтобы поговорить с тобой об этом, – тихо произнес Джон, и его слова прозвучали как удар грома. – Тот день был просто кошмаром. Я все ждал, когда ты спросишь, что произошло.

– Я боялась. Боялась услышать то, чего не хочу слышать.

– Я знаю. И хочу рассказать тебе правду, но как бы ни пытался подобрать нужные слова, постоянно выходит намек на того, кто тебе безразличен. Ты должна знать, Фрэнсис, мы так и не доехали до Челси.

Я удивленно заморгала.

– Что-что?

– На шоссе старая машина Уолта заглохла, пришлось толкать ее до ближайшей мастерской. Обрато в Касл-Нолл мы добрались на попутках, а машина до сих пор стоит в мастерской. Мне кажется, Уолту захотелось добиться в жизни чего-то большего именно потому, что он на несколько недель застрял дома. А ты же знаешь, какая у него семья.

– Да. Такие же мошенники, как и весь остальной город.

– В общем, я не хочу, чтобы ты думала, будто мы последними видели Эмили до ее исчезновения. Мы вообще ее не видели.

– Но все мы видели выезжающий из города «Роллс-Ройс».

Я накрыла голову руками, понимая, почему Джон не хотел мне это рассказывать. Последними Эмили видели либо Питер и Тэнси, либо Форд и Саксон.

– Говоря о Форде, я всегда выгляжу идиотом и к тому же не имею права злиться на тебя, учитывая собственную вину. Но я заметил, что в последнее время ты от него отдалилась. Как думаешь, это навсегда?

– Роуз считает, что я поступаю несправедливо. Что я должна дать ему еще один шанс, но, в отличие от меня, она не рассматривает наши отношения через призму его мелких даров. И ты прав, Джон. Твои слова все усугубили.

Джон кивнул.

– Да, Фрэнни. А вдруг он ее убил? Он могущественный человек, а такие люди делают что пожелают. И им это сходит с рук.

– Ты думаешь, если Форд ее убил, правосудия не добиться?

Джон сжал губы в тонкую ниточку.

– Я очень часто думаю о том дне, Фрэнсис, но знаешь, что мне запомнилось больше всего? Больше, чем ярость Уолта и манипуляции Эмили? Твоя доброта. Прямо перед нашим отъездом ты говорила о прощении. Твои слова, великодушие и спокойствие на твоем лице – этот момент умиротворения уже много недель звучит у меня в голове как музыка. С тех пор я мечтаю о его повторении. На свет появился ребенок, может, из-за хитроумия Эмили и моей измены или из-за похоти Форда, но ты отбросила все негодование, чтобы малышка стала даром для тех, кого ты любишь.

Я никогда не слышала от Джона таких слов и еще больше смягчилась. Кто знал, что он способен на подобное красноречие? Я

уже представила, как однажды он выступает с трибуны, возможно, даже баллотируется в местный совет.

Но потом мне пришла в голову мысль, от которой задрожали руки, ведь Джон говорил о моей любви к людям, возможно, просто пользующихся ею в своих целях. И я наконец произнесла это вслух:

– Или я была звеном в цепи событий, отнявших жизнь у Эмили.

– Если от этого тебе станет лучше, я больше верю в добропорядочность твоего брата, чем Резерфорда Грейвсдауна. И ты сделала все, что могла, Фрэнсис, учитывая обстоятельства. Ты поступила благородно. Я это понимаю. Я просто хотел, чтобы ты знала.

По моей щеке скатилась слеза, Джон протянул руку и стер ее большим пальцем.

– Я плохо сплю по ночам, – сказала я. – Из-за того, что не знаю, что с ней случилось, но не только. У нее было много недостатков, и она плохо со мной обоилась, но она личность. И наблюдая, как весь город сплетничает о ней, все болтают о том, о чем понятия не имеют, рассказывают разные скабрзные истории...

– Некоторые из них правдивы, – заметил Джон, но тут же устыдился своих слов.

– Даже если и так, омерзительно слушать, как ее поносят. Уолт может стать юристом, если захочет, Уолт, который крал порножурналы из винного магазина и постоянно списывал на экзаменах. Уолт пьет, курит и ругается, но у него есть возможность добиться всего, чего он пожелает. Эмили тоже могла бы. Могла бы жить дальше. Но теперь она превратилась просто в гнусные сплетни.

– Фрэнсис, – сказал Джон, встревоженно нахмурившись. – В тебе столько доброты, но будь осторожна, как бы все это не уничтожило твою веру в людей.

Я погрузилась в свои мысли.

– Лора родилась восьмого августа. Ты знал, что Эмили дала ей имя? Мне сказал Питер. Говорит, она настаивала. Лора Фрэнсис Адамс. Лора – так зовут сестру Эмили, малышку назвали в ее честь. Но и в честь меня.

Джон раздраженно провел руками по волосам с такой силой, что чуть не вырвал их.

– Как я вижу, тебе это льстит, Фрэнсис. Да, я только что просил тебя не терять веру в людей, но это имя может быть жестокой шуткой. Назвать так ребенка, родившегося после того, как она переспала с двумя мужчинами, которым ты небезразлична? Не забывай, насколько она непредсказуема и одержима. Она всегда была одержима тобой.

– Да, ты это уже говорил. Эмили одержима, но не Фордом и деньгами.

– А тобой.

– В таком случае, наверное, вполне естественно, что теперь я только о ней и думаю.

– Значит, возможно, кто-то оказал тебе услугу.

– Это жестоко, Джон!

– Я знаю, прости, но должен был это сказать! – Джон сжимал и разжимал кулаки. – Пусть тебе и неприятно это слышать, Фрэнсис, Эмили не такая, как все мы. Она не перестала бы причинять тебе боль. Уолт станет юристом, а я... Ты будешь смеяться, Фрэнсис, но я подумываю о церкви.

– О це...

Я несколько раз моргнула, сомневаясь, что верно расслышала.

– Не знаю, стану ли я священником, но теология... Для начала я хочу ей заняться. Это единственное, что дает мне опору в жизни. Уверен, у тебя тоже есть нечто подобное. А Роуз устроилась на работу в гостинице, хотя пока тебе не сказала. Сделай вид, что удивилась, когда расскажет, ладно?

Кофе давно остыл, но я отпила его, чтобы чем-нибудь занять руки. Весной мне исполнится восемнадцать, и я тоже найду свою опору. Но Джону она не понравится. Это опора на неизвестное, на вопросы и теории. Опора на загадки и предсказания. На судьбу, которую я твердо намерена изменить.

Когда я оторвала взгляд от чашки и заглянула Джону в глаза, такие ясные и доверчивые, то почувствовала, как меня затягивает в их глубины. А еще я видела в них надежду. Он был так красив.

«Я вижу в твоём будущем скелет».

В тот день, когда я ходила к гадалке, все так запуталось. Нет ли в предсказании того, к чему мне следовало внимательнее прислушаться? Я намотала на палец цепочку с подвеской в виде

птички, которую до сих пор носила. Просто не могла заставить себя снять.

Может быть, судьба Эмили на самом деле предназначалась мне? Может, судьба убила не ту девушку?

Я поцеловала Джона, мне хотелось сделать это в последний раз. Он был старше меня, в то время ему уже исполнилось девятнадцать, и искал свою судьбу в Касл-Нолле. Пожалуй, ему подойдет церковная карьера. Или он поступит в университет.

После поцелуя я смахнула еще одну слезу. У меня щемило в груди. Не только от того, что я прощалась с Джоном, но и от понимания, что избавляюсь от тех своих черт, которые он считал лучшими.

Я приняла решение расследовать мерзкие сплетни про Эмили, влезть под кожу Касл-Ноллу, разузнавая все подробности о его жителях, пока не докопаюсь до истины. Потому что я понимала, отчетливее, чем что-либо, – судьба Эмили и моя переплетены. Я не могла избавиться от чувства, что я и есть Эмили, только под маской.

Поэтому я узнаю, что с ней произошло, даже если это будет стоить мне жизни. А, учитывая предсказание, скорее всего, так и случится.

Глава 35

Утренний солнечный свет бьет мне в лицо под звон металлических колец на шторах. Я почти не спала, всю ночь читая дневник. Дойдя до конца, я перелистывала его обратно и перечитывала избранные места, на этот раз прерываясь, чтобы посмотреть фотографии в альбоме Роуз. Таким образом Фрэнсис как будто рассказывала про фотографии, вот только в какой-то момент появилось несоответствие. Фотографии не совпадали с ее словами.

И наконец около трех часов ночи я с леденящей ясностью поняла, что именно вычислила Фрэнсис, обнаружив тело Эмили. После этого в моей голове вставал на место фрагмент за фрагментом, и в предрассветные часы я лихорадочно меняла план, чтобы окончательно разгадать загадку.

Быстро одеваюсь и нервно киваю отражению в маленьком потускневшем зеркале на стене. Да, я и правда собираюсь это сделать. Мы с Саксоном договорились встретиться вечером, и я понимаю, как трудно будет до этого времени держать себя в руках.

Из кухни плывет восхитительный аромат, и у меня урчит в животе. Я спешу вниз, перескакивая через покрытые ковром ступеньки.

– Бет, – приветствую я, входя на кухню.

Меня встречают с искренней широкой улыбкой.

– Привет, Энни! Я как раз приготовила маффины. Хочешь попробовать?

– Пахнут изумительно.

Не уверена, справится ли с завтраком мой желудок из-за нервов, но я проголодалась и решаю попытаться. Бет наливает мне кофе, хотя я даже не просила, и ставит рядом с дымящейся кружкой молоко и сахар. Не добавляя ни того, ни другого, я делаю большой глоток. Кофе немного укрепляет дух.

– Я бы спросила о твоём расследовании, – осторожно начинает Бет, – но не хочу казаться слишком любопытной.

Я киваю и ободряюще смотрю на нее.

– У тебя есть повод для волнений, а мне не хочется волновать тебя понапрасну. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы добиться

правосудия ради тети Фрэнсис и обеспечить будущее поместья.

– В смысле, если ты победишь в игре, которую устроила Фрэнсис, то сохранишь все как есть? Оставишь нам ферму? – Она наклоняется, чтобы поставить передо мной маффин, и я смотрю на фарфоровые чашки, вероятно, ожидающие, пока в поисках чего-нибудь горячего сюда спустятся остальные. В голове всплывает список пропавших вещей, найденный в кармане Эльвы, и хотя в доме наверняка несколько чайных сервизов, я все же пересчитываю чашки и блюдца – их шесть, похоже, все на месте.

– Бет, – говорю я и беру одну чашку. – Может быть, вопрос покажется глупым, но ты никогда не замечала пропажу чашек?

Я внимательно смотрю на нее. Ее щеки розовеют, и она не пытается скрыть виноватый вид.

– Я сейчас же верну их на место, – тихо произносит она.

Я тоже не пытаюсь скрыть удивление, потому что ее признание вызывает у меня сомнения в собственных выводах относительно того, кто убил тетю Фрэнсис. У Бет ведь есть ключи от дома, доступ к ветклинике... А вдруг я полностью ошиблась на ее счет? Я предполагала, что она просто хочет помочь и волнуется по поводу семейной фермы. А если именно она воровала дорогие для тети Фрэнсис вещи...

Я пристально на нее смотрю.

– Вообще-то я нашла список пропавших вещей. Эльва забрала его и пыталась спрятать, она слишком настойчиво совала нос в дела тети Фрэнсис.

Бет опускается на стул напротив.

– Если честно, я хотела защитить Фрэнсис от нее самой. Я взяла вещи, причинявшие ей беспокойство, связанные с тем предсказанием. Она нервничала даже из-за вилок: по ее словам, они выглядели слишком по-королевски. Она многие десятилетия ими пользовалась, не понимаю, отчего вдруг стала так волноваться. В общем, я решила, что с глаз долой – из сердца вон. Из дома я ничего не выносила. Просто прятала. – Она умолкает, глядя на меня. – Видимо, ты нашла остальное, раз уж поселилась в той комнате?

Я киваю.

Я размышляю о Бет. Она кажется открытой и честной, вряд ли она убила тетю Фрэнсис. Ночные озарения снова твердо встают на нужные

места, и я не вижу вреда в том, чтобы честно ответить насчет своих планов на ферму.

– Я не собираюсь забирать вашу ферму, Бет. И знаю, что здесь выращивает твой дед. – При этих словах глаза Бет слегка округляются, но она молчит. – Он должен это прекратить, но я собираюсь предложить ему другой прибыльный бизнес, легальный. Я хочу отдать вам «Роллс-Ройс», мне он все равно без надобности.

Бет оживляется.

– Правда? Это так много для нас значит. Мы обожаем эту машину.

– Конечно. Ну, если только ни один из вас не убивал тетю Фрэнсис.

Бет смеется, но я шучу лишь отчасти. В любом случае мои слова немного разряжают обстановку. Теперь можно и позавтракать. Я решаю сделать ставку на Бет.

– Можешь оказать мне услугу? – спрашиваю я, отчаянно надеюсь, что чутье меня не подводит. – Отнесешь мой рюкзак мистеру Гордону? – Я достаю из-под стола рюкзак, стоявший у моих ног. Если вечером что-то пойдет не так, результаты расследования должны оказаться у него. – Здесь несколько скучных бланков, которые я должна была подписать, потому что мы вовремя не заплатили за электричество в Челси.

Хлипкое объяснение, но на кону стоит слишком многое, чтобы рассказывать ей всю правду.

– Конечно, – соглашается она и берет рюкзак.

Остается только надеяться, что Бет доставит его по адресу, но сделает это быстро и не станет заглядывать внутрь.

– Спасибо.

Я выхожу в сад, чтобы найти укромное местечко и сделать несколько звонков. Пора приступать ко второй фазе плана.

Я нахожу в интернете номер кабинета доктора Овусу, и она берет трубку после второго гудка.

– Привет, это Энни Адамс, – говорю я.

– А, привет, Энни. Как сыпь? Полагаю, она давно прошла.

– Да, спасибо. Но вообще-то я звоню по другой причине. Не знаю, что именно тетя Фрэнсис рассказала вам о своем расследовании, но у нее были доказательства, что Магда продает наркотические медикаменты. Как я узнала из документов тети Фрэнсис, Магда

получала лекарства через вас, сфабриковав правдоподобное основание для этого. Поэтому я звоню не для того, чтобы вас в чем-то обвинять.

На том конце линии на секунду воцаряется тишина, а потом я слышу приглушенные ругательства. Когда доктор Овусу отвечает, ее голос полон сдерживаемого гнева.

– Магда сказала, что процедура заказа изменилась. У нее были списки лекарств на официальных бланках и накладные, все выглядело подлинным. И она заказывала не только окситоцин или морфин – в основном в ее списках был стандартный набор для «Скорой». Инъекции эпинефрина, инсулин и тому подобное. – Она ненадолго умолкает. – Вы уверены?

– Уверена.

– Тогда я должна позвонить Роуэну. Пусть с этим разбирается он.

– Он уже в курсе, – отвечаю я, и у меня сосет под ложечкой.

Интересно, насколько детектив Крейн приблизился к разгадке убийства тети Фрэнсис? За три дня столько всего произошло, а на разгадку осталось еще четыре. Но это не имеет значения, если Крейн раскроет убийство уже сегодня. Я даже не могу заставить себя пожелать ему быть плохим детективом или как-то ему помешать. Придется действовать по плану и надеяться, что я получу ответы первой.

– Но у меня есть просьба, – добавляю я. – Вы не могли бы поговорить с Магдой, но не раскрывать ей, что все знаете. Ради Фрэнсис.

– Вы же не впутаетесь в какое-нибудь рискованное предприятие, Энни? А то я ведь с легкостью попрошу Роуэна вас обуздать, если решите прыгнуть выше головы.

– И позвольте ему раскрыть дело раньше меня? Позвольте «Джессоп филдс» застроить поместье непонятно чем, лишь бы выжать побольше денег, и тем самым настроите против себя всю деревню?

– Я думаю, вам следует больше доверять Роуэну, – говорит она. – Он действует очень осторожно, Энни, стараясь обезопасить всех и при этом выполнить свою работу, а вам дать возможность провести собственное расследование. Но если вы умрете, то никому не поможете.

Я изо всех сил пытаюсь взять себя в руки, потому что чем больше размышляю над планом, тем глупее он кажется.

– Можете распусть кое-какие слухи? – спрашиваю я. – Шепните Магде, что я раскрыла убийство Фрэнсис. Сможете это сделать?

– Вы уже знаете, кто убийца? Потому что в таком случае должны обратиться к Уолту Гордону.

– Мне кажется, я раскрыла дело, но надо получить еще кое-какие доказательства. Так вы мне поможете?

Снова повисает пауза, и наконец я слышу вздох.

– Хорошо, – соглашается она.

– Спасибо.

– Но я также сделаю все возможное, чтобы вы оставались в безопасности, а значит, сообщу Роуэну о нашем разговоре.

Я морщусь.

– Поступайте, как считаете нужным.

– Вы тоже, – говорит она и отключается.

Глава 36

Я сжимаю и разжимаю кулаки в одном ритме с церковными колоколами и понимаю, насколько нервничаю перед встречей с Джоном Оксли. Время в Грейвсдаун-холле тянулось слишком медленно, и я была уже не в состоянии просто бродить по комнатам. Поэтому я вызвала такси, решив, что нельзя избегать церкви и семейных связей. Церковь стоит на пригорке, напоминая уменьшенную копию руин замка на большом холме в другом конце города. Я медленно поднимаюсь, пробираясь между покосившимися надгробиями и разросшимися тисами.

Из церкви вытекает людской ручеек – женщины в лиловых и бирюзовых шляпках болтают с мужчинами в помятых костюмах. Я оглядываюсь на подножие холма и вижу мелькание объемного белого платья, а потом дверца элегантного черного автомобиля захлопывается. Мне кажется, сейчас неподходящий момент, чтобы подойти к Джону и сказать: *«Здравствуйте, я Энни, ваша внучка»*, поэтому я нахожу скамейку чуть в стороне от церкви, откуда могу немного понаблюдать. Вскоре людской поток редет, а машины движутся только в одном направлении – к гостинице «Касл-хаус».

Джон беседует с пожилой дамой, но смотрит не на нее, а на меня. Он выглядит точно так же, как на фотографии с церковного сайта – седые волосы аккуратно зачесаны, худощавое телосложение говорит об активном образе жизни. Не могу сказать почему, но он производит впечатление теннисиста или гребца. Я пытаюсь представить, как в восемнадцать лет он тайком встречался с Эмили – воплощенный стереотип подростка изменщика и обманщика. Пытаюсь представить его убийцей и чувствую удовлетворение, когда мне это не удается.

Но меня поражает еще кое-что – цветы. Здесь только розы, причем совершенно особые. Перед церковью стоит два больших букета, и внутри, надо полагать, она тоже украшена ими. Это те самые розы с фермы Арчи Фойла, вплоть до самого крошечного бутона. Должно быть, Арчи продолжил традицию после смерти Фрэнсис и сам доставляет розы в церковь, потому что они свежие. Наконец викарий заканчивает беседу и направляется ко мне. Я сжимаю и разжимаю

кулаки, размышляя, стоит ли рассказывать, как много я знаю о его прошлом.

– Я все думал, когда мы случайно пересечемся, – дружелюбно произносит он. – Я слышал, что вы в городе, но сомневался, что найдете причину ко мне наведаться. Лора и ее родители никогда не ходили в церковь. Разрешите? – Он указывает на скамью рядом со мной.

Джон тепло, почти застенчиво улыбается. Наверное, сейчас у него в голове проносятся тысячи мыслей. Он долго и пристально смотрит на меня.

– Конечно, – отвечаю я.

Интересно, что он видит, глядя на меня? Мои белокурые волосы, широко расставленные глаза и высокие скулы. Видит ли он во мне Эмили Спарроу? Или просто на удивление знакомые черты? А теперь, наконец внимательно его рассмотрев, я понимаю, что унаследовала от Джона скулы и глаза. Наверное, именно поэтому, разглядывая фотографии Эмили, я не заметила ее сходства с мамой. Наши светлые волосы – от Эмили, но все черты лица – от Джона. Меня затапливает тепло – я ведь никогда не видела ни Питера, ни Тэнси, ни отца. А этот милый пожилой человек смотрит на меня с таким восторгом, что я чувствую свою значимость, хотя просто сижу на скамейке. Для него я нечто потрясающее всего лишь из-за факта моего существования.

Для меня это новое чувство, и оно подобно веселому потрескиванию поленьев в разожженном впервые костре или успокаивающему запаху пекущегося хлеба. Я до сих пор не испытывала ни того, ни другого. Наверное, это обновленное ощущение семьи. Оно не преуменьшает необычное мамино воспитание, но открывает новое измерение этого слова.

Я решаю идти напролом.

– Питер и Тэнси, наверное, боялись, что мама узнает о том, что вы ее настоящий отец. Так?

Если его и потрясла моя прямота, он этого не показывает. Только вздыхает, как будто от облегчения.

– Питер и Тэнси... – Джон раздувает щеки, обдумывая ответ. – Они были очень осторожны с Лорой. Мне кажется, как единственный ребенок, она олицетворяла для них хрупкий баланс счастья, и они делали все, чтобы сохранить этот баланс. Как только меня посвятили в

сан и я получил место в нашей церкви, они ни разу не пришли сюда. Они заплатили гораздо больше, чем могли себе позволить, чтобы отправить Лору в частную школу в Литтл-Димбере, поэтому у нее было мало друзей в Касл-Нолле. Наверное, единственным был Реджи Крейн, но лишь потому, что некоторое время ходил в ту же школу. А когда Питер и Тэнси навещали Фрэнсис, визиты всегда были короткими и осторожными.

– Откуда вы знаете? В смысле, насчет школы и визитов к тете Фрэнсис? И насчет того, что вы настоящий отец мамы?

Я не могу заставить себя произнести слово «дедушка».

– Я знаю, что настоящий отец Лоры, потому что после ее рождения Форд заплатил за тест на отцовство. Тогда это был относительно новый научный метод, но Форд хотел убедиться. А мне сказала Фрэнсис, чему я рад. Мы с Фрэнсис раз в неделю вместе пили кофе, много лет. И она держала меня в курсе вашей с Лорой жизни. Мы встречались в гостинице «Касл-хаус», это стало чем-то вроде традиции. – Джон тепло улыбается. – Меня ужасно огорчила новость о ее смерти, но обстоятельства смерти возмутили до глубины души. – Его глаза увлажняются, и он несколько раз моргает, но не отворачивается. – Я так и не перестал ее любить.

Я даже не знаю, что на это ответить, поэтому просто молчу. На руке Джона нет кольца, и у меня щемит сердце, когда я представляю, как он многие годы любил Фрэнсис, а она все больше от него отдалялась. Но они хотя бы сохранили дружбу.

– Жаль, я так и не признался Лоре, что я ее отец, – наконец произносит Джон, – но я дал слово Питеру и Тэнси и понимаю, почему им это было необходимо.

– Уверена, мама с радостью вас навестит и услышит из ваших уст правду.

Мне многое придется рассказать маме, и теперь, после открытия выставки, у меня нет больше предлогов держать ее в неведении.

– Я читал об ее успехах в газетах, – признается Джон и с гордостью улыбается. – А когда родилась ты, Фрэнсис принесла фотографии на наши еженедельные посиделки за кофе. – Он на секунду умолкает, а потом добавляет с дрожью в голосе: – Мне так не хватает этих утренних встреч за кофе.

– Конечно, я не могу заменить Фрэнсис, но, может быть, вы выпьете со мной кофе? – тихо спрашиваю я.

– Ты останешься в Касл-Нолле?

Джон выглядит взбудораженным, и семейные узы притягивают меня с такой силой, что я понимаю, где мое место.

– Да, – убежденно отвечаю я. – Останусь.

Глава 37

Вернувшись в дом, я звоню маме из комнаты с архивом тети Фрэнсис.

– Прости, что не позвонила раньше, как проходит выставка?

– О, просто прекрасно! Честно говоря, рецензии потрясающие, и картины отлично продаются. Теперь у меня есть деньги, чтобы арендовать собственную студию, не придется ютиться в подвале. Ах да, кстати! Энни, ты не могла бы сказать адвокату тети Фрэнсис, что больше не нужно присылать мне деньги? Наверное, на прошлой неделе произошла какая-то ошибка и пришел очередной чек на двести фунтов. В нем нет необходимости.

– Погоди-ка, чеки от тети Фрэнсис всегда приходили через фирму «Гордон, Оуэнс и Мартлок»? – спрашиваю я, вспоминая о банковских выписках, и кое-что начинает проясняться.

– Нет, они всегда приходили напрямую от тети Фрэнсис, но за неделю до того, как ты получила письмо, ну то самое, о встрече, начали приходиться от адвоката. Тогда я не стала задавать вопросов, деньги есть деньги, верно? Особенно когда их не хватает. Но ты не поверишь, за сколько купили одну мою картину! – восклицает мама, почти сбиваясь с дыхания. – Об этом даже в «Таймс» написали! И дело не только в деньгах. Моя карьера снова на взлете. Я так волновалась, что выставка не удастся, но люди по-настоящему понимают мои картины, и это так приятно.

Я улыбаюсь от радости, что мама наконец-то снова настроена оптимистично.

– Это здорово, мам, я знала, что все будет хорошо.

– Ну ладно, – выдыхает она. – А почему ты до сих пор в Касл-Нолле? Неужели Саксон пытается оспорить завещание тети Фрэнсис? Или поместье решили разделить?

У меня нет сил рассказывать ей обо всем – как я увязла в хитроумной игре Саксона, пытаюсь обойти его, чтобы сохранить наш дом в Челси и не отдавать поместье Грейвсдаун в руки застройщикам. Теперь завещание тети Фрэнсис вызывает уже слишком много эмоций. Узнав об Эмили и всех событиях того лета, когда им было по

семнадцать, я просто обязана победить. А для этого должна мыслить ясно.

– Еще идут споры относительно завещания. Я останусь здесь, пока все не утрясется, и сделаю все возможное, чтобы дом остался у нас, – отвечаю я. – Скоро опять позвоню, ладно?

Я завершаю разговор и открываю фотографию банковской выписки. Мама подтвердила то, что я заметила, когда впервые увидела распечатки: первая крупная сумма поступила юридической фирме за неделю до того, как я получила письмо. В тот день, когда тетя Фрэнсис получила сундук, который я отправила. В тот день, когда она обнаружила тело Эмили, и это все изменило.

Представляю, в каком она была ужасе, найдя тело Эмили после многолетних поисков. Я воображаю, как она лихорадочно металась по комнате с расследованиями, мысленно повторяя предсказание.

В отчаянии она изменила завещание, пытаясь отсрочить неминуемую смерть. Лишить наследства маму, не сделавшую ничего плохого всем, кроме Фрэнсис, казалось жестокостью. Могу представить, как Уолт пытался ее отговорить, а Бет, чтобы избавить Фрэнсис от паранойи, прятала книги с королевой на обложке, чашки из королевского фарфора и даже вилки, показавшиеся какими-то неправильными.

А когда Уолту не удалось убедить ее не менять завещание, он нашел способ поддержать маму. Маму, которая почти даже не знала Уолта. Эти несколько чеков дали ей возможность закончить последние картины и купить все необходимое для выставки. Слезы жгут глаза, и я несколько раз их смаргиваю. Тетя Фрэнсис была права – Эмили не получила возможности стать лучше, в отличие от всех остальных, кто тоже совершил в то лето множество ошибок. Думаю, Уолт это понимал. Помощь маме была его способом показать, что он до сих пор помнит Эмили, простил ей нарушенные обещания и осознает, как многого ее лишил.

Я думаю о фотоальбоме Роуз. Там есть фотография тети Фрэнсис в шерстяном пальто, которое она сорвала с Эмили в тот день, когда узнала об ее беременности. Эта фотография и то, что Джон и Уолт так и не добрались до Челси, а «Роллс-Ройс» промчался мимо них... Надеюсь, я не ошиблась. Саксон просто хочет помешать мне в

расследовании и сбить с толку, чтобы было легче манипулировать. Но Уолт не убивал Эмили. Уолта там просто не было.

– Вы готовы? – раздается за спиной голос Саксона.

Я поворачиваюсь и понимаю, что он уже давно за мной наблюдает. Он шагает к полоске вечернего света, проникающего сквозь дверь кабинета.

Саксон не спрашивает, почему при мне нет рюкзака. Не знаю, то ли это должно вселить в меня уверенность, что я все-таки его перехитрю, то ли он просто ждет, когда придет время передвинуть собственные фигуры на доске. Но содержимое рюкзака – моя страховка, и я все спланировала. Я не могу рисковать, потеряв все, чего добилась, а мои заметки – ключ к разгадке, если попадут в нужные руки.

У меня есть только телефон с включенной активацией по голосу и еще один – одноразовый, купленный в деревне. Я получила такое удовольствие, покупая его, просто еле сдержалась, чтобы с восторгом не закричать: *«Мне одноразовый телефон, пожалуйста!»*

Дженни будет ждать точно до восьми вечера, а затем позвонит в полицейский участок Касл-Нолла и все расскажет. Мне хотелось предоставить полиции достаточно информации, чтобы обезопасить себя, но в то же время не выдать детективу Крейну слишком много – он не должен раскрыть дело раньше меня. Надеюсь, к восьми часам Уолт получит все необходимое, чтобы выполнить условия завещания тети Фрэнсис.

– Готова, – откликаюсь я.

Я снова надела потрепанный кожаный жакет. Саксон явно его ненавидит. Он с трудом сохраняет бесстрастное выражение лица, но ему явно не терпится увести меня из дома. Навсегда.

Мы садимся в его спортивную машину и несколько минут едем в тишине. Я проверяю время на телефоне-обманке – семь двадцать пять. Это не просто «Нокия», потому что я не могу рисковать, купив телефон без большого объема памяти и встроенного микрофона. Когда я купила новый айфон, моя кредитка взвыла от ужаса, зато я привязала его к своему аккаунту в качестве дополнительного. Полагаю, его все-таки нельзя назвать одноразовым, но мне просто нравится этот термин. К тому же я рассчитываю поменять телефоны прямо под носом у Саксона, поэтому они должны выглядеть одинаковыми. Включаю

диктофон, якобы надиктовывая текстовые сообщения самой себе, чтобы отвлечься. *«Увидимся на бранче в воскресенье, Дженни, целую»*, – бормочу я, нажав на красную кнопку включения. Саксон не отрывает глаз от дороги, выглядит он совершенно спокойным. Я убираю телефон во внутренний карман и достаю настоящий, чтобы нажать на кнопку и «выключить» запись.

Интересно, правильно ли я выбрала момент? Возможно, мне придется потянуть время, и я надеюсь, что микрофон уловит звук через карман. На месте я уже не смогу просто вытащить его, чтобы звук лучше записывался. А еще я панически боюсь, что все сделала неправильно и в итоге меня задержат за покупку наркотиков.

Меня одолевает искушение спросить Саксона, каким образом купленные мной препараты укажут на убийцу Фрэнсис. Но Саксон и не собирается ловить преступника, он придумал этот план, чтобы убрать меня с дороги. И если я надавлю слишком сильно, он меня раскусит.

– Откройте бардачок, – говорит Саксон. – Там деньги. Магда перво-наперво спросит о деньгах, прежде чем пустить вас в «Скорую».

В мою ладонь падает пачка банкнот, скатанных и перетянутых резинкой. Выглядят они потрепанными и засаленными, прямо как у наркомана из телесериала. Когда я снимаю резинку, то встречаюсь взглядом с королевой Елизаветой, и в голове вспыхивает предсказание тети Фрэнсис:

«Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твое одинокое увядание».

Я вздрагиваю и отгоняю суеверные мысли, прежде чем они укрепятся и вселят в меня тревогу.

Покосившись на Саксона, сую деньги в карманы жакета. Зуб даю, на деньгах нет его отпечатков, и он устроил все так, чтобы мои уж точно там появились. Никакого конверта или пакета.

– Как только окажетесь в «Скорой», она спросит, что вам надо. Не отклоняйтесь от сценария, не просите того, чего не было в запасах ветклиники. Просите кетамин.

– Ясно.

Не думай об иглах, не думай о шприцах, Энни. Соберись. Ты же Энни, главная героиня, Детектив Энни. Так сыграй свою роль как следует.

В деревне Саксон останавливается на маленькой парковке за винным магазином. Похоже, ей пользуются только продавцы, там всего несколько машин. Видимо, «Скорую» ставят на виду. Ведь это «Скорая», никто ничего не заподозрит. Саксон втискивает свой спорткар в щель за мусорным баком, откуда видно парковку, но его никто не заметит, если не будет специально искать.

– Я буду здесь и тут же увезу вас, как только вы добудете контейнер. Если радиоэфир полиции ее не отвлечет и контейнер все время будет оставаться у нее на виду, просто положите кетамин в карман и заплатите, хорошо?

Наверное, он считает меня непроходимой дурой.

– А почему я не могу внезапно передумать, попросить ее вернуть деньги и уйти без препарата?

– Потому что это вызовет у Магды подозрения. Это же основы основ незаконной деятельности – она должна быть взаимной. Если вы завязли так же глубоко, то не настучите.

Мне хочется указать на изъяны в его рассуждениях, но пусть думает, что я ему верю.

– Да, пожалуй, в этом есть логика, – киваю я и прикусываю губу.

Надеюсь, доктор Овусу пустила слух о том, что я раскрыла убийство. Теперь все зависит от того, дошел ли он до Магды.

– Хорошо, что вы немного нервничаете, – говорит Саксон. – Можете даже изобразить паническую атаку, Магда все равно догадается, что обычно вы не употребляете препараты. Дайте мне ваш телефон, я наберу ее номер.

Он протягивает руку, и тут я понимаю, что могу все испортить. Саксон умен и хочет проверить, не включен ли диктофон. А еще он хочет оставить телефон себе, когда я выйду из машины.

Я смотрю на него с каменным лицом, включаю телефон и, глядя Саксону прямо в глаза, отдаю его. Маска Саксона на миг спадает, потому что он ожидал от меня колебаний.

Он набирает номер и включает громкую связь, чтобы проконтролировать мой разговор с Магдой, но говорить все равно должна я. Не сомневаюсь, что Саксон включил диктофон на собственном телефоне, лежащем где-то в машине.

Через несколько гудков Магда лениво отвечает:

– Помощь Магды с мелкими травмами, – произносит она, и напевность ее голоса дает понять, что это не простая помощь.

– Привет, Магда, это Энни Адамс. Как мне сказали, по этому номеру можно позвонить, если понадобится... э-э-э... помощь с таблетками.

– Это верно, – бодро отзывается она. – Вам нужно что-то прямо сейчас? Зависит от того, что вы ищете. Сейчас у меня небольшой выбор.

Саксон ободряюще кивает, и я пытаюсь показать свои актерские способности.

– Из-за убийства я сама не своя, мне нужно что-нибудь успокоительное. У вас есть «К»?

Из словаря сленга я узнала, что кетамин не называют полностью, и, произнося эту «К» с запинкой и коряво, вдруг понимаю, что преступник из меня неважный.

– Думаю, с этим я способна помочь, – говорит она, называет цену и спрашивает, надо ли мне сходить к банкомату.

Я отвечаю, что деньги при мне.

– Есть хорошее место для лечения мелких травм, – говорит она. – Одна парковка. Вы в деревне?

– Да. Только что вышла из винного магазина. Это где-то рядом?

– Как раз позади винного. Встретимся там через десять минут.

– Отлично.

Саксон завершает звонок и кладет мой телефон в карман.

– Магда не позволит вам забраться в «Скорую» с телефоном, – объясняет он. – Сами понимаете. Она просто пытается себя обезопасить. Но не волнуйтесь, я буду наблюдать, и самое худшее, что может случиться, – вы просто купите немного «К».

Его «К» звучит гораздо увереннее.

У меня внезапно пересыхает в горле, и я нервно сглатываю.

– Да, – соглашаюсь я.

Пытаюсь скрыть волнение, потому что атмосфера накаляется. Чем сильнее я нервничаю и боюсь, тем более взвинченным становится Саксон. Я твержу себе, что он просто считает, что вот-вот победит, но в голове звенят колокола тревоги.

– У вас все получится, – заверяет меня Саксон. – Только лучше вам выйти и подождать ее там – нельзя, чтобы она увидела мою

машину.

Я выскакиваю из автомобиля, словно он вот-вот взорвется, но как только вечерний воздух ударяет в лицо, беру себя в руки. Я прохожу метров тридцать по парковке, а когда оборачиваюсь, понимаю, что машину Саксона видно только из самого дальнего угла. Перехожу на другую сторону, где он меня не увидит, и лезу во внутренний карман кожаного жакета. Возможно, диктофон не записал слова Саксона через толстую кожу, но у меня не было другого места для второго телефона, и остается только молиться, чтобы все получилось. Я смотрю на часы на телефоне: уже без пятнадцати восемь. Через пятнадцать минут Дженни приступит к следующему этапу. Если за пятнадцать минут я не получу необходимое, то расскажу все, что знаю, детектив Крейн примчится сюда и раскроет дело. Или, что еще хуже, я возьму на себя вину за то, чего не совершала, и Саксон победит, выяснив, кто на самом деле убил Фрэнсис. Ведь он обязательно это выяснит.

Я делаю глубокий вдох и вспоминаю, что, пока Саксон считает, будто заманил меня в ловушку, я заманиваю в ловушку убийцу тети Фрэнсис. И приближаюсь к финалу.

Я рассчитываю на то, что по городу поползли слухи. А еще на то, что все знают про бизнес Магды, в особенности люди, с которыми она проводит много времени. Если мои предположения неверны, я в беде.

– Ну где же ты? – бормочу я сквозь зубы.

Я должна успеть до назначенного срока. Наверное, надо было учесть возможное опоздание «Скорой».

Наконец на парковку въезжает «Скорая», и мои губы невольно расплываются в улыбке – я понимаю, что рассчитала правильно. Наверное, Саксон сейчас ругается в своей машине, не понимая, что происходит. Я быстро проверяю, включен ли диктофон, и кладу телефон обратно в карман.

– Привет, – говорю я, когда с водительского сиденья спрыгивает Джо Лерой. – Я звонила Магде, – добавляю я, притворяясь сбитой с толку.

– Да, я в курсе, – отвечает он. – Я сказал, что сам справлюсь. Она говорила что-то о небольших проблемах, о панической атаке. Выглядите вы здоровой, – дружелюбно говорит он.

– Я... сделала дыхательные упражнения.

Я пытаюсь придать голосу нервозности, и это нетрудно. Я смотрю на его ярко-голубые перчатки и лицо-маску. Сейчас мой план уже не выглядит таким тщательно выверенным. Я поступила безрассудно, но не могу придумать, как теперь все исправить. Пятнадцать минут. Мне лишь надо заставить его проговорить пятнадцать минут, тогда я получу, что хотела, и выберусь отсюда.

– У меня немного кружится голова. Здесь можно где-нибудь сесть?

Джо обходит «Скорую» и открывает заднюю дверь. Внутри моргают больничным светом флуоресцентные лампы. У меня все внутри переворачивается.

– Конечно, – он помогает мне забраться в машину.

Хирургическая перчатка скрипит, задевая кожу жакета, и я вдыхаю смесь дезинфицирующего средства с одеколоном. Джон как лиса, загоняющая перепуганного кролика в собственную нору. Садясь на закрытую пеленкой каталку, я уже дрожу, но, когда замечаю под грудой всякого барахла пластмассовый контейнер, в голове немного проясняется.

Он в точности такой, как описал Саксон, но я и без него все знаю.

Я слышу, как закрывается дверь, и Джон произносит тоном врача:

– Ну что ж, Энни. – Я перевожу взгляд на него и понимаю, что рассчитала время неправильно. Потому что Джо не теряет ни секунды. Он уже держит в руке шприц. – Сожалею, но сегодня у тебя будет передоз, – сообщает он.

Глава 38

Записи из Касл-Нолла, 10 января 1967 года

В первое Рождество после исчезновения Эмили мне хотелось быть великодушной, и я в конце концов согласилась поехать вместе с Роуз в Грейвсдаун-холл. Я поняла, что Форд сговорился с ней, потому что в сентябре вместо подарков он стал присылать письма. Они были красноречивыми и увлекательными, он интересовался моими новостями и мечтами. От каждого письма я все больше смягчалась и к концу сентября начала потихоньку писать в ответ. Поначалу ничего особенного, но Форд умел так увлечь, что порой его письма казались почти эротичными, хотя ничего такого в них не было. Ох, это так трудно объяснить!

Когда на Рождество мы приехали в поместье, я ощутила всю силу его привязанности, но уже с близкого расстояния. Он словно заново протягивал мне шахматную фигуру, говоря: «Вот, возьми королеву». Но я поняла, что таким способом он показал мне место рядом с собой, а не просто процитировал строчку из предсказания. Впервые встретив Форда, я считала глупым воображать, будто могу заинтересовать его. А узнав, что он проводил время с Эмили, использовала это, чтобы больше не думать о нем.

В октябре я все еще боялась, что это он ее убил. А потом мне пришло в голову, что стоило бы взять королеву и поставить ее на доску. Потому что, сблизившись с ним, я могла бы узнать, что на самом деле произошло с Эмили.

Я понимала, как важно не терять голову. Поэтому всякий раз, когда Форд протягивал руку и ласкал мне душу, я представляла его с Эмили на большом ковре перед камином. Лучшие всего в столовой, потому что там была расстелена шкура, и я всегда гадала, каково это – нежиться на ней вместе с Фордом. Это была моя самая постыдная мечта о Форде, и чтобы задушить ее на корню, я поместила в нее Эмили. Я представляла, как они переплетают руки и ноги, а Эмили не перестает строить козни. Это помогало сохранять хладнокровие в отношениях с Фордом и сосредоточиться на том, что Эмили, возможно, не имела над ним того контроля, на который рассчитывала.

Ведь если он хотел найти новую жену, то уже нашел бы. А он писал мне об одиночестве. И такими прекрасными словами, аккуратным мужским почерком, явно прикладывая усилия. Конечно, я сохранила все письма до единого.

Весь ноябрь Роуз изо всех сил старалась отвлечь меня от мыслей об Эмили. Как я подозревала, Джон написал ей из университета, что я слишком много думаю о предсказании и убийстве.

Поэтому я прекратила говорить с ними об этом, и мне тоже стало одиноко.

К декабрю я немного оттаяла, и письма стали отдушиной, через которую я могла выплеснуть наши секреты. Форд заверил меня, что они с Саксоном не оставались в Челси с Эмили, как сказал Джону Саксон прошлым летом. Мальчишка наврал, на самом деле они ездили по школам-пансионам.

Теперь он заканчивал письма словами «С любовью, Форд», а обращался ко мне «Моя дорогая Фрэнсис». Писал, что очень хочет повидаться, но волнуется после такого перерыва. После всего, что произошло. Я не видела его с того апрельского дня, когда мы оставили Эмили в Челси. Со временем мне стало сложнее расплести воображение мыслями о них вдвоем. Чем лучше я его узнавала, тем менее правдоподобным выглядело, что Форд вообще мог ею заинтересоваться.

Я все больше убеждалась, что Форд видел ее насквозь. Как и меня. Именно это в конце концов окончательно сплело нити моей судьбы с ним.

– Да не суетись так над прической, Фрэнсис, – сказала мама, наблюдая, как я пытаюсь склоть волосы. – Если ему нравятся распушенные волосы, так и носи.

Как только начали приходиться письма, мама сменила тон. Этот старомодный способ общения напомнил ей о собственной молодости. Она рассказывала, как они с отцом переписывались во время войны, и сетовала, что современные молодые люди разучились ценить медленное развитие отношений. Я позволила ей прочесть одно письмо, из первых, в котором он спрашивал, где я люблю гулять и какие мне нравятся цветы. Похоже, она и сама немного влюбилась в Форда.

– Я просто стараюсь выглядеть чуть элегантнее, – ответила я. – Это же все-таки рождественский прием.

Мама немного повозилась с подолом моего зеленого бархатного платья, расстроившись, что я его укоротила, но постаралась не высказываться по этому поводу.

– Если он предложит выпить, попроси коктейль с шампанским, – сказала она. – Но больше одного не пей. На ужин, скорее всего, подадут вино, а ты не должна опьянеть. Шофер должен привезти тебя домой не позднее полуночи, и мне плевать, что ты уже совершеннолетняя. Все эти дела летом... – Она нахмурилась еще сильнее. – Если ты собираешься крутить роман с богатым и титулованным мужчиной, то уж пусть все будет как подобает.

– Да, конечно, – отозвалась я, и на душе потеплело.

В дверь позвонила Роуз, и вскоре она тоже суежилась над моей прической, платьем и выбирала цвет губной помады. Когда мама пошла за моим пальто, я протянула Роуз помаду, и она аккуратно намазала губы, глядя в зеркало.

– Поцелуй сегодня Форда губами с этой помадой, Фрэнни, а когда я буду целовать Билли, мы станем близняшками.

– Ну это уж слишком, Роуз, – сказала я, но засмеялась.

– Он сделал мне предложение, – тихо произнесла она, ее щеки пылали.

– Роуз!

Я улыбнулась, она взвизгнула и сжала мою руку.

– И ты согласилась, верно?

– Я сказала, что выйду за него замуж, но только когда ты выйдешь за Форда.

Я постаралась сохранить серьезное выражение лица, потому что хорошо знала Роуз. Она была счастлива и хотела затянуть в свое счастье меня. И это было так мило. Но она не понимала моего положения. Тогда я думала, что никто этого не понимает, хотя смутно чувствовала, что ошибаюсь.

– Пожалуйста, Роуз, не распространяй свою радость на меня. Я не знаю, останусь ли с Фордом. Все так запутано.

– Скоро все уляжется, я чувствую, а пока Билл может привозить тебя в поместье в любое время. Форд разрешает ему возить меня, куда я захочу, просто потрясающе! Как будто это наша машина.

Увидишь, какую елку нарядил Форд. Думаю, он расстарался специально для нас, это потому, что так давно не видел тебя. Он волнуется, Фрэнни. Он любит тебя, по-настоящему любит.

– Там что, будем только мы? Разве не странно – приглашать на рождественскую вечеринку своего шофера?

– Форд и глазом не моргнет. Если ты будешь счастлива, то и он тоже. А он знает, что без меня ты не придешь.

Я кивнула.

– Я рада, что ты там будешь, – сказала я. – Вместе с Биллом будет отличная компания.

– Может, это немного необычно, но Форд правда старается, Фрэнсис.

Вернулась немного растерянная мама с моим бежевым плащом.

– Я не нашла твое зимнее пальто, Фрэнсис. То, с золотыми пуговицами.

– Ах, это, – отозвалась я, стараясь не думать о нем. – Я давным-давно его потеряла. Даже не помню, где его оставила.

– Что же ты носишь, в такую-то погоду? – вдруг спросила мама. – Могу поклясться, что видела тебя в пальто.

– Это было пальто Роуз, но я забыла его в гостинице, когда вчера ходила туда пить кофе. Ничего страшного, не замерзну.

– Думаю, то пальто все равно уже старое. И фасон тебе никогда не шел, оно было слишком широкое, – сказала мама, протягивая мне плащ. – И ты ведь пробудешь на улице не больше минуты. Надо купить тебе что-нибудь более элегантное, может, приталенное и с поясом.

– Спасибо, мама.

Я поцеловала ее в щеку, а потом мы с Роуз взяли за руки и направились в теплый «Роллс-Ройс». Билл вышел, чтобы усадить нас.

Роуз была права насчет елки в Грейвсдауне. В центре столовой почти до самого потолка высилась башня сверкающих огней, а изысканная хрустальная звезда на макушке касалась люстры.

В комнате горели два камина, но было не слишком жарко. Билл ушел, чтобы поставить машину и переодеться.

– Он настоял, – объяснила Роуз. – Чтобы выглядеть как настоящий гость, хотя Форд и сказал, что Билл может не снимать униформу шофера.

Я заметила, что прислуга входит и выходит молча. Один слуга забрал у меня плащ, другой все так же без слов предложил шампанское на серебряном подносе. Мы с Роуз взяли по бокалу и рассматривали елку.

– На нее можно смотреть часами, – произнесла я.

– Я рад, что тебе понравилось, – раздался за спиной голос Форда, тихий, чтобы меня не напугать, но достаточно мощный, чтобы мой пульс участился.

Когда я обернулась, его глаза сверкали, и он мягко улыбался. Я видела его волнение, но и огонек надежды. Форд выглядел так обезоруживающе, что, когда он подошел поцеловать меня в щеку, я лишь вдохнула запах его одеколона и прошептала:

– Привет.

После двух бокалов шампанского все стало проще.

Наверное, именно поэтому люди так любят шампанское. И вскоре формальность и изысканность блюд вроде канapé и черной икры стали казаться почти обычным делом. Разговор оживился, огонь потрескивал в двух каминах. Когда после ужина мы прошли из столовой в библиотеку, где на серебряных подносах нас ждали кофе и пирожные, рука Форда легла мне сзади на талию. У низкого столика стояли два диванчика – похоже, так было сделано неспроста. Форд решил, что теперь здесь будет место для гостей, а не для того, чтобы прятаться от них.

Как будто прочитав мои мысли, он спросил:

– Тебе нравится перестановка в библиотеке, Фрэнсис?

Я огляделась, заметив цветы возле окон и новые занавески. Меня поразило, насколько все изменилось. В этой комнате я видела свое отражение. Мою частичку, открывшуюся в письмах, которую он привнес в дом. Роуз просияла, глядя на меня, и я поняла, что все эмоции отразились на моем лице. Мне стало немного не по себе. А когда я посмотрела на Форда, то почувствовала, как он желает меня.

– Как чудесно, – сказала я. – В этой комнате я всегда чувствую себя почти как дома.

И тут Форд наклонился и поцеловал меня. Очень быстро, но это было так приятно и застало меня врасплох. Я услышала эхо поцелуя Роуз и Билли с противоположного дивана, и, как ни удивительно, это

вызвало у меня раздражение. Форд ведь устроил все для меня, а не для Роуз. Не стоило давать ей мою губную помаду.

Когда Форд снова выпрямился, его плечи наконец расслабились. Он на мгновение закрыл глаза, и на его лице появилась довольная улыбка. Он закинул руку на спинку дивана за моей спиной, не касаясь меня.

– У меня есть для тебя подарок, Фрэнсис, – произнес он, когда снова открыл глаза.

Форд едва заметно махнул в сторону двери библиотеки, и слуга принес прямоугольную коробку с большим бантом из золотистой ленты. Поставив коробку на колени, я заколебалась.

– Давай, – с улыбкой подбодрила меня Роуз. – Открой.

Я подняла крышку, и под тончайшей, как крылья бабочки, бумагой лежало превосходное шерстяное пальто с меховой оторочкой. Я сразу поняла, что темно-зеленый оттенок подобран под цвет моих глаз.

– Какая красота, – выдохнула я.

Так оно и было. Я вытащила пальто из коробки, оно было довольно тяжелым и теплым, стильным и элегантным. Не слишком старомодным, но классического фасона.

Форд улыбнулся и поднял бокал.

– Взамен потерянного, – сказал он и залпом осушил бокал.

Глава 39

– Не волнуйся, Энни, я попытаюсь тебя реанимировать, – говорит Джо. – Но у тебя нет опыта с наркотиками, и ты приняла слишком много и слишком быстро. Бедняжка. Если бы мы только знали и прибыли раньше.

Я машинально пячусь в глубину «Скорой». Двойные двери позади Джо выглядят стеной, удерживая нас внутри. Я вдруг понимаю, как мало места между каталкой, ящиками с медикаментами, капельницами и кислородными баллонами, просто некуда деться, чтобы он меня не достал. У меня перехватывает дыхание, и я понимаю, что теперь единственный выход – через передние двери. Джо делает еще один шаг в мою сторону, и я стараюсь не смотреть на шприц в его руке, но мне нужно следить за ним, если я хочу избежать укола. Я и представить не могла, что Джо решится на такое, хотя мне следовало бы предугадать это. Когда пытаешься загнать в угол убийцу, очень высоки шансы, что в процессе убьют и тебя. А Джо уже совершил убийство с помощью шприца.

Меня привели к Джо цветы. Плюс слова Фрэнсис в дневнике о том, кто вел «Роллс-Ройс» в Челси в тот день, когда Эмили видели в последний раз. Так я поняла связь между двумя убийствами. Тетя Фрэнсис тогда думала лишь о Форде и сможет ли Эмили его вернуть, поэтому сделала вывод, что Форд спешит к Эмили.

Но она заметила за рулем шофера Форда. Билла Лероя.

А слова Роуз из дневника Фрэнсис поставили финальную точку в моих умозаключениях. *«Форд разрешает ему возить меня, куда я захочу, просто потрясаяще! Как будто это наша машина».*

Накатывает паника, но я стараюсь мыслить ясно. Если я начну задыхаться из-за шприца и запаха «Скорой», да просто от страха, то упаду в обморок и упрощу Джо задачу.

Вспоминаю тетю Фрэнсис, и злость на ее убийцу помогает сосредоточиться. Я цепляюсь за эту злость, ковыряю как нарыв, и она помогает мне держать себя в руках.

– Как там Роуз? – спрашиваю я. Голос звучит хрипло и срывается, но я должна разозлить Джо. В гневе люди хотят выговориться. – Как она отнеслась к тому, что ты убил ее лучшую подругу? Фрэнсис была

для нее всем, верно, Джо? И даже больше. Роуз была одержима ею, гораздо сильнее, чем была одержима Эмили.

– Я освободил маму, Аннабель, – выплевывает он слова, как ядовитая змея. – Ты и представить не можешь, каково для нее было столько лет думать только о Фрэнсис. Какую боль причиняло понимание, что Фрэнсис поглощена лишь мыслями о чертовой Эмили Спарроу. Мама оказала Фрэнсис огромную услугу – позаботилась, чтобы Эмили больше никогда ее не обидела. Именно так поступают сильные люди! Они защищают тех, кого любят! А Фрэнсис разрушала маму. Я просто обязан был ее защитить.

Джо бросается вперед и хватается за руку, но я выдергиваю ее из толстого кожаного рукава жакета и пытаюсь пробраться к рулю в поисках радио или клаксона. И тут слышу, как из кармана со стуком выпадает телефон.

Джо снова хватается за руку и дергает обратно, поэтому я оказываюсь в капкане, прижатой к груди Джо. Он целится шприцом мне в горло. Я пытаюсь сглотнуть и почти задыхаюсь.

– Джо, – пишу я, – полиция уже едет.

– Вранье, – рывкает он, но решает, что надо действовать быстрее. Понимая, что я вряд ли буду сидеть смирно, Джо держит шприц одной рукой, а другой открывает контейнер с лекарствами. Он очень крепко обхватывает мою шею, как бы я ни брыкалась, вырваться не удастся. – Фрэнсис хотя бы не дергалась! – орет Джо. – Не заставляй меня тебя бить!

– Фрэнсис думала, что ее уже отравили болиголовом, – сиплю я. Пока он роется в контейнере, хватка слегка ослабевает. – Ты же специально прислал ей букет, чтобы она в панике вызвала тебя! Ты знал, что с ней будет просто, она ведь панически боялась, что ее убьют! А ты использовал этот страх против нее.

Мне наконец удастся врезать ему локтем по ребрам, но Джо лишь разворачивает меня лицом к себе и толкает на каталку. Он с такой силой бьет меня коленом в грудь, что, кажется, трескается ребро.

– Просто не дергайся, Энни. Все скоро закончится.

Его голос звучит ужасающе спокойно, и я кричу, но гораздо слабее, чем хотелось бы. Надо было давно заорать, но я так сосредоточилась на том, чтобы выудить у Джо признание в убийстве Фрэнсис, что перестала соображать.

– Я сообщила о своих выводах полиции – заявляю я. – Она скоро будет здесь. И я не вру.

– Не думаю, что тебе удалось все раскрыть, – шипит Джо.

Мои руки свободны, но его колено лишило меня воздуха. Я царапаю его ногу и пытаюсь вцепиться в руку, но Джо ловит меня за запястье. Я брыкаюсь, вот только ноги попадают в пустоту – он еще крепче упирается коленом мне в грудь.

– У тебя есть только догадки. И больше ничего! Я не верю, что ты вычислила то, для чего Фрэнсис понадобилось шестьдесят лет, да еще связала ее смерть со мной.

– Тогда отпусти меня, – выдыхаю я.

Перед глазами мелькают белые точки, и я понимаю, что вот-вот потеряю сознание. От жуткой боли меня тошнит, руки и ноги наливаются тяжестью, а Джо все давит коленом. Другой рукой он тянется к моему горлу, и я едва ее удерживаю. С ужасающей уверенностью понимаю, что жить мне осталось меньше минуты. Я похожа на тряпичную куклу и слишком слаба, чтобы с ним справиться. По щекам текут слезы, и во мне нарастает злость из-за того, как легко оказалось меня одолеть. Ему надо лишь нажать на поршень, и мне конец.

– Теперь уже поздно, – говорит Джо. – В конце концов мама исцелится. За эти годы она через многое прошла по вине стервы Фрэнсис! Эмили, вечно все разговоры только об Эмили. Фрэнсис никогда не замечала, как мама старается ради нее, как замечательно они могли бы жить, если б Фрэнсис забыла о дурацком обете добиться правосудия. Мама помнила каждый ее день рождения, каждую годовщину, каждое значимое событие, а Фрэнсис ничего не давала взамен. Мама держала Фрэнсис за руку, когда та оплакивала мужа. А когда умер папа, Фрэнсис прислала дурацкие цветы! Цветы! После всего, через что они вместе прошли! После всего, чем пожертвовала мама, избавившись от Эмили и позаботившись о том, чтобы Фрэнсис не мучилась с идиоткой Лорой и ее мазней! Ты знаешь, что Фрэнсис буквально ополоумела, рассматривая ту дурацкую картину, которую прислала ей Лора, все искала символизм, который вложила в полотно «*нужная дочь*»?

Мне не хватает воздуха, и разум уносится куда-то далеко, но, отвлекшись на свои разглагольствования, Джо ослабляет хватку на

моем горле. В голове всплывают воспоминания о маминой картине в запертом ящике, сменяясь волной других образов. И тут до меня доходит, что тетя Фрэнсис по-настоящему любила маму. Сколько же вреда, должно быть, нанесла их отношениям Роуз.

Джо снова сжимает пальцы на моей шее, и я давлюсь воздухом.

– Я ведь не настолько наивен и понимаю, что Фрэнсис запросто сдала бы маму полиции. Это был лишь вопрос времени.

– Как... как ты узнал?.. Что Фрэнсис...

Каждое слово отдается болью, но я молюсь, чтобы время текло быстрее. Я просто обязана продержаться до звонка Дженни детективу Крейну. И еще Саксон! Если Саксон собирался меня подставить, убрать из состязания за наследство, обвинив в покупке наркотиков, полиция должна была бы уже приехать. Но мои легкие еще больше сжимаются, и я вздрагиваю, потому что могла и ошибаться на его счет. Дженни скажет детективу Крейну, лишь где меня искать и что я обнаружила. Она не знает, что я в беде. И даже если детектив узнает об этом, он доберется сюда лишь через несколько минут. А у меня нет этих минут.

– Она рассказала маме. Фрэнсис сама пришла и рассказала обо всем, что обнаружила. Для мамы это стало началом конца, она буквально потеряла рассудок. Я понял, пока Фрэнсис жива, маме не будет покоя. А она заслужила покой! – кричит Джо мне прямо в лицо, и меня охватывает ярость – неужели последним в жизни чувством будет его мерзкое горячее дыхание? – Маме с семнадцати лет не было покоя, с тех пор как Фрэнсис не оценила по достоинству, что ей помогли избавиться от Эмили. Всю жизнь мама переживала за Фрэнсис, Фрэнсис занимала все ее мысли. Это надо было прекратить. – Его голос дрожит, а лицо перекошено от гнева. – Я должен был положить этому конец, – произносит Джо уже тише, но его сдерживаемые рыдания кажутся даже страшнее крика.

– Твои отпечатки на... аккумуляторе, – сиплю я. Глаза Джо округляются, а колено давит чуть слабее. – Ты же сын шофера. – Он выпускает мое горло и, закашлявшись, я набираю в легкие воздух. После пары судорожных вдохов я спешу договорить: – Ты умеешь обращаться с «Роллс-Ройсом». Ты помешал ей уехать, просто отсоединив аккумулятор. Тем утром она уже пользовалась машиной,

но потом позвонила Уолту и попросила его привезти нас в поместье. Полиция проверит отпечатки и определит, что они твои.

– Нет, это невозможно. Я был в перчатках, – выдыхает он, но выглядит встревоженным.

Мои слова лишь вынуждают его поторопиться. Джо снова нажимает коленом, и я пытаюсь закричать, но выходит только писк.

Я хочу узнать еще кое-что, последний фрагмент, который остается загадкой.

– Кто... Кто принес твои цветы?

Джо придвигает лицо почти вплотную, прожигая взглядом.

– Эльва.

Я не могу дышать, но думаю только о том, какой же была дурой. Чувствую, как что-то оборачивается вокруг руки чуть выше локтя, вроде резинки, останавливающей кровоток, и сразу с ужасом вспоминаю, как сдавала анализы крови. Перед глазами все плывет, я пытаюсь отдернуть руку, чтобы избежать иглы, но тело словно налилось свинцом. В полузабытьи я слышу слова Джо:

– Ты сама навлекла это на себя, Энни... Прямо как Фрэнсис.

Я ощущаю укол, и тут дает о себе знать привычный страх перед иглами, накрывая меня паникой. Я понимаю, что вот-вот потеряю сознание. Колебаться нельзя. Надо действовать.

Джо сосредотачивается на моей руке, пытаюсь удержать ее, чтобы ввести всю дозу, поэтому он ослабляет хватку на другой руке. Его колено соскальзывает с моей груди, и я умудряюсь подсунуть под Джо ногу и с силой пнуть его. Он и так уже балансирует на одной ноге, склонившись надо мной, и удара оказывается достаточно, чтобы он рухнул сбоку от каталки.

Я понимаю, что долго он так лежать не будет, но удар лишил меня последних сил. Погружаясь в темноту, я слышу скрип открывающейся двери, хотя, быть может, это лишь игра воображения.

Глава 40

Сначала я вижу лицо Уолта, хотя мне кажется, что я смотрю через запотевшее стекло. Я по-прежнему лежу на каталке в «Скорой», а Джо на полу. Он пытается встать, и Уолт просовывает руку мне под спину, чтобы вытащить. Я лежу головой к задней двери, и Бет помогает Уолту, пока Джо не успел подняться. Я не вижу, кто захлопывает двери «Скорой», заперев Джо там.

Я была права насчет детектива Крейна – он прибыл через несколько минут, но для меня это было бы уже поздно. Когда я опускаюсь на землю, на парковку с ревом въезжают полицейские машины. При взгляде на них сквозь панику прорывается облегчение. По руке течет кровь, и, увидев длинную царапину, оставленную шприцом, я снова отключаюсь.

Я никогда не падала в обморок два раза подряд, и от этого чувствую себя еще ужаснее. Снова приходя в себя, я слышу голос детектива, потому что прижимаюсь ухом к его груди. От него пахнет свежестырированным бельем и почти выветрившимся одеколоном. Кто-то спорит с Крейном, и я слегка дергаюсь.

– Только не в больницу, какого... Ой, прости, Энни. – Бет выглядит немного смущенной. – Я не хотела выразаться. – Она морщится. – Я просто уговариваю их отвезти тебя в более приятное место, которое не вызовет новый приступ паники.

– Я уже пришла в себя, – говорю я, хотя во рту у меня пересохло, а стоит шевельнуть головой, как к горлу подступает рвота.

Но мне предстоит новое унижение – через несколько секунд детективу приходится придерживать мою голову, потому что меня рвет прямо на парковке. А я сижу у него на коленях, что еще больше усугубляет положение.

– Можете быть уверены, он не успел вам ничего вколоть, – спокойно произносит детектив. – Мы первым делом нашли шприц, он полный.

– Пожалуйста, не произносите слово «шприц», – шепчу я, а Бет вытаскивает из сумочки идеально выглаженный носовой платок. Я мотаю головой, потому что чувствую себя слишком отвратительно для такой изящной вещицы. Но трести головой явно не стоило, потому что

детектив Крейн во второй раз придерживает меня, как раненого оленя, когда меня опять тошнит.

Теперь вся парковка залита синим светом от вспыхивающих проблесковых маячков, полицейские наверняка будут несколько часов обследовать «Скорую». Здесь ведь не только произошла попытка убить Энни Адамс. Джо сидит в одной полицейской машине, а в другой Магда.

– Что будет с Роуз? – шепчу я детективу Крейну.

– Поговорим об этом, когда вам станет лучше.

Бет ходит по парковке, разговаривая по телефону, и ловит мой взгляд.

– Доктор Овусу приедет и осмотрит тебя, где тебе будет удобнее, – говорит она.

– Значит, я могу вернуться в дом тети Фрэнсис?

– Конечно, – отвечает Крейн.

Я хватаюсь за его плечо, намереваясь использовать вместо костыля по пути к какой-нибудь машине, но Крейн сильнее, чем кажется, и просто берет меня на руки. Меня раздражает роль «девушки в беде», но я ничего не могу с этим поделать. Он бережно усаживает меня на пассажирское сиденье в машине Бет, и она везет меня обратно в Грейвсдаун-холл, а Уолт и Крейн следуют за нами. Когда мы добираемся до дома, я стараюсь не хромать и ни на кого не опираться по пути в библиотеку.

Лишь тут я замечаю, что Саксона нигде не видно. Я ожидала, что сразу после ареста Джо и Магды он вступит в борьбу за свою половину наследства, напомнив о сделке, которую мы заключили, хотя она ни к чему не обязывает. Может, он в другой полицейской машине, под присмотром детектива Крейна, получившего фотодоказательства того, что Саксон замешан в бизнесе Магды.

Тем временем Бет собирает, кажется, все подушки в доме и складывает их на диване в библиотеке, где мне велели лечь. Уолт опять садится за большой письменный стол и открывает портфель, а рядом ставит мой рюкзак. Мне приходится терпеть осмотр доктора Овусу, которая настаивает, что мне нужно сделать рентген грудной клетки, даже если мне это не нравится.

Пришел и Арчи Фойл, а рядом с ним уселся хмурый Оливер.

– Энни, – начинает Уолт, – Фрэнсис наверняка не хотела, чтобы кто-либо рисковал жизнью, раскрывая ее убийство. Скорее всего, она представляла это как классический детектив – в конце недели мы все соберемся в комнате и назовем убийцу. Или вас опередит детектив Крейн.

Уолт самодовольно улыбается Крейну, потому что именно сообразительность Уолта в конечном счете спасла мне жизнь. Я лишь попросила Бет отдать ему рюкзак.

– Но я хорошо знал Фрэнсис и масштаб ее паранойи, и еще задолго до убийства, когда она поспешно изменила завещание, включив в него вас, должен был предвидеть, что она вообразила вас неуязвимой спасительницей. *«Нужной дочерью»*, которая добьется правосудия. Простите, это чуть не стоило вам жизни, и если б я мог вернуться назад и все изменить, то сделал бы это.

– Вы не виноваты, и тетю Фрэнсис я тоже не виню. Я ввязалась в это только потому, что я – это я. А тетя Фрэнсис не подозревала, что Джо ее убьет, пока не стало слишком поздно. Думаю, она считала, что он не знает об Эмили, о том, что сделала Роуз. У меня не было веских доказательств, что именно Джо убил Фрэнсис, поэтому пришлось спровоцировать обострение. Я не могла обвинить его у вас на глазах, он просто отрицал бы все.

– Можно немного отмотать назад, Энни? – просит детектив Крейн. – Как вы узнали про Роуз?

– В основном из дневника, но также из-за машины, пальто и фотоальбома.

– Не могли бы вы объяснить поподробнее? Потому что вряд ли кто-нибудь знал, что задумала Фрэнсис, разве что Уолт.

– Важный вопрос не кто убил Эмили, хотя это тоже имеет значение. Главное – почему тетя Фрэнсис выяснила это так внезапно, – говорю я и отпиваю воды из стакана, который протянул мне детектив Крейн. – Я все время возвращалась к тому, как часто в дневнике упоминается одежда Фрэнсис. Роуз постоянно говорила, что Эмили крадет вещи Фрэнсис, имитирует ее. А в дневнике одежда помогает понять, насколько токсичными были отношения подруг. Эмили и правда взяла пальто Фрэнсис, а еще раздобыла револьвер, что вполне в ее духе. В какой-то степени просто от скуки, но под этим крылось и

желание защититься, потому что она много месяцев получала угрозы неизвестно от кого.

– Угрозы были от Роуз?

– Я еще до этого дойду, но да. В общем, я не переставала думать о том пальто: когда Эмили убили, в кармане принадлежащего Фрэнсис шерстяного пальто лежал револьвер. И когда Роуз дала мне фотоальбом, меня вдруг осенило. Это Роуз носила вещи Фрэнсис. А именно, ту грудку зимних вещей, которую Фрэнсис отдала Роуз, когда хотела тайком поехать в Челси вместо прополки соседского сада. Мать присматривала за ней из окна, потому что наказала Фрэнсис за тайные встречи с Фордом в поместье Грейвсдаун.

– Значит, пальто оказалось у Роуз, но как она очутилась в Челси? – спрашивает Бет.

– Когда я читала дневник в первый раз, то автоматически решила, что в «Роллс-Ройсе», проехавшем мимо дома Питера и Тэнси, сидели Форд и Саксон. Но Фрэнсис упомянула, что за рулем был Билл, в чем нет ничего необычного, пока я не прочитала, что Биллу разрешалось возить Роуз в машине, куда она захочет. В тот день он отвез ее в Челси.

– Думаете, Билл был сообщником в убийстве? – уточняет Крейн.

Я прикусываю губу, задумавшись, но тут вмешивается Уолт:

– Сомневаюсь, что Билл знал о планах Роуз. Если она попросила его подождать в машине, он бы послушался, такие у них были отношения.

– Так вот, Билл привез Роуз в Челси, она убила Эмили и спрятала тело в сундуке, стоящем в подвале, вместе с пальто и орудием убийства, – продолжаю я. – Единственная переменная, которую я не вычислила, это Форд и Саксон, потому что Саксон сказал, что, когда они приехали в Челси, в доме никого не было. Но потом я вспомнила – Форд никогда не сидел за рулем «Роллс-Ройса», он водил современный «Мерседес». Когда речь заходила об Эмили Спарроу, Саксон всеми силами старался увести меня в сторону. – Я смотрю на детектива, и он кивает. – Какое-то время я думала, что таким образом он защищает память о дяде, а может, и себя, но на самом деле просто хотел сбить меня с толку.

– Эмили сказала Джону, что кое-что забыла в Челси, именно это и послужило толчком ко всем событиям, – произносит Уолт. – Почему Эмили вернулась? В ваших заметках нет ответа на этот вопрос.

– Джон считал, что Эмили намеревалась отобрать Лору у Питера и Тэнси, но все оказалось гораздо проще. Она забыла пишущую машинку, подаренную родителями перед ее отъездом в Лондон. А я знаю, что машинка так и не вернулась в Касл-Нолл, потому что много лет спустя нашла ее и притащила к себе в комнату. Описание в дневнике тети Фрэнсис совпадает: в клетчатом пластмассовом футляре. Видимо, мать Эмили спросила, почему та вернулась домой без машинки, а когда Эмили поспешила обратно в Челси, экономка как раз собирала вещи, готовясь запереть дом. Роуз придумала отличный предлог, потому что Билл ждал в машине, а значит, миссис Бланчард могла уехать в Касл-Нолл с ним, а не на поезде. Роуз отправила ее в машину, ждать вместе с Биллом, пока она поговорит с Эмили, и обещала сама все запереть.

– Но в таком случае, почему ни один из них не удивился, что, когда Роуз запирает дом, Эмили с ней не было? – спрашивает Оливер.

Я удивлена, что его вообще это заинтересовало, но он смотрит на меня почти с религиозным восторгом, как будто я фокусник, показывающий трюк. Быть может, Касл-Нолл все же занимает место в его сердце, просто Оливер скрывает это под маской безразличия, чтобы выпутаться из ужасного положения, в которое его поставила тетя Фрэнсис. Поэтому я умолкаю и смотрю на него.

– Парковка у дома в Челси, – медленно произносит он.

– Вот теперь ты мыслишь как застройщик, – ухмыляюсь я.

– Парковка там запрещена, и в то время, наверное, было так же. Билл Лерой не мог поставить машину перед домом больше чем на минуту. Ему пришлось припарковаться в дальнем конце улицы.

– Именно так, – подтверждаю я и вижу, как довольный собой Оливер чуть распрямляется. – А значит, у Роуз было время запереть дом и вернуться к машине в одиночестве, рассказав, что Эмили решила уехать или еще что-то, звучащее в духе Эмили. Пойти в театр, по магазинам, сесть на поезд позже и так далее.

– Но как ей удалось так быстро избавиться от тела и убрать все следы убийства? – спрашивает Крейн.

Когда он смотрит на меня, наполнявший мои паруса ветер немного стихает. Крейн не пытается сбить меня с толку, на его лице написан интерес, но я все время забываю, что не я тут главная.

И тут вступает Уолт:

– Это лишь предположение, и детектив осмотрит подвал дома в Челси, чтобы получить полную картину, но думаю, Роуз убила Эмили прямо в подвале. Только Роуз знает, зачем они туда спустились, но это самый вероятный сценарий.

– В подвале есть сток в полу, – вдруг припоминаю я. – Поэтому мама и хотела устроить там мастерскую. Достаточно было пары ведер воды, чтобы быстро избавиться от крови.

Все замолкают, потому что мне больше нечего сказать. Я немного выдохлась, но рада, что для тети Фрэнсис и Эмили Спарроу восторжествовало правосудие. И почти горжусь тем, что я послужила тому причиной.

Затем я выглядываю в окно на волны лужаек перед домом и чувствую укол вины из-за Арчи Фойла и его семьи.

– Прости, – говорю Бет. – Я сделала все, что могла, но полиция все-таки вмешалась. Боюсь, теперь все пропало. «Джессоп филдс» превратит поместье в гольф-клуб.

– В смысле? – откликается Оливер, прежде чем Бет успевает вставить хоть слово.

Уолт откашливается, и все внимательно смотрят, как он шуршит бумагами в портфеле.

– Боюсь, вы забыли, Энни, что Фрэнсис дала мне право решать, кто раскрыл ее убийство первым. Само собой разумеется, это вы.

Бет радостно охает, но я лишь моргаю, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что огромное наследство досталось мне.

И сразу же чувствую волну облегчения, потому что мама может оставить себе такой дорогой для нее дом. Да и мне он тоже дорог – все детство я доставала из глубин шкафов какие-то странные штуковины вроде старых жестянок с помадкой для волос или запонки, именно тогда я и начала придумывать истории о призраках или тех, кто оставил там эти вещи. А теперь, когда они обрели дух подлинной истории, мне еще сильнее хочется их сохранить.

Только подвал нужно запереть, а мама снимет настоящую студию в другом месте.

Удивительно, мне немного жаль, что я получила наследство, ведь это значит, что тетя Фрэнсис ушла навсегда. Пока я пыталась раскрыть ее убийство, она оставалась моей постоянной спутницей. Я смотрела на все в этом доме как на ключ к ее жизни и смерти. Тогда я этого еще

не осознавала, но меня притягивала не загадка Эмили Спарроу и не желание узнать, что случилось с тетей Фрэнсис.

Меня притягивала загадка самой тети Фрэнсис – ее жизнь, мужчины, которых она любила, и ее страстные увлечения. Она говорила со мной со свойственной ей сдержанностью и делилась проницательными наблюдениями. Я видела в ней человека, катастрофически склонного к самокопанию, как и я сама. И помимо состояния, я чуть не унаследовала и ее судьбу.

Поняв, что я оказалась той самой *«нужной дочерью»*, медленно выдыхаю. Я восстановила справедливость для тети Фрэнсис. И для Эмили, моей настоящей бабушки. От этого меня охватывает умиротворение, пусть я и унаследовала легкую боль утраты из-за смерти Эмили Спарроу, вместе со злостью на то, что ее жизнь прервалась так рано.

Все меня поздравляют, но я чувствую на себе пристальный взгляд детектива Крейна. Как приятно, что хоть один человек в комнате понимает, как мне горько от того, что все закончилось. От того, что я познакомилась с тетей Фрэнсис, только потеряв ее.

Я подхожу к книжным полкам позади стола, где лежит шахматная доска. Достая ферзя и иду обратно к Уолту. Ставлю шахматную фигурку в центр стола, вздыхаю и смаргиваю слезы, пытаюсь подобрать слова.

– Первым делом надо устроить настоящее прощание, – говорю я. – Я хочу пригласить сюда всю деревню. Пусть все поймут, как ошибались насчет тети Фрэнсис. Какой необыкновенной она была.

Глава 41

– Боже, раньше этот дом вызывал у меня мурашки, – выдыхает мама.

Мы стоим на лужайке перед Грейвсдаун-холлом. Прошло две недели, с тех пор как я раскрыла убийство тети Фрэнсис, и в начале сентября солнце все так же печет, как и в августе. Я мечтаю о прохладных осенних днях и с нетерпением предвкушаю, какими они будут в Касл-Нолле. Представляю себе лужайку, усыпанную желтыми листьями, а затем, когда наступит зима, покрытую инеем.

– Я приезжала сюда всего несколько раз, – продолжает мама, – но теперь дом выглядит лучше. – Она крутит длинную цепочку на шее, и подвески на ней позвякивают, словно маленькие колокольчики. – Хорошо, что мне уже не семь лет, и я знаю, что Арчи Фойл не отстрижет мне пальцы своими здоровенными ножницами, если я буду плохо себя вести. – Она вздрагивает. – Когда я бывала здесь, Саксон постоянно скамливал мне подобные байки. Он был очень странным подростком.

– Ужасно говорить такое ребенку, – отвечаю я.

– Ну, судя по записям тети Фрэнсис, у него и самого не было настоящего детства, поэтому теперь я уже не так на него злюсь.

Она потирает руки, будто озябла, хотя на улице так жарко, что я мечтаю, чтобы меня окатили водой из садового шланга, как в детстве.

Рассказав маме обо всем, я первым делом дала ей почитать дневник. Она читала не торопясь, а когда закончила, отказалась обсуждать его со мной. Но позже начала разбираться с собственной ролью во всех событиях. Думаю, искусство помогло ей справиться. Она не из тех, кто любит говорить о чувствах, она изображает их на картинах.

– Хотя его попытка подставить тебя с покупкой наркотиков откровенно гнусная, – добавляет она.

С Эльвы сняли все обвинения в причастности к смерти тети Фрэнсис, но лишь потому, что у нее нашлось правдоподобное оправдание. Эльва заявила, что Джо дал ей цветы буквально на ходу, сказав, что их по ошибке доставили в гостиницу, хотя они предназначались Фрэнсис. Очень умно с его стороны – Эльва часто

бывала в поместье, и Фрэнсис наверняка предположила, что букет от нее. Думаю, Эльва относилась к Фрэнсис с почтением, подлизывалась к ней в ожидании наследства, и не стала исправлять предположение Фрэнсис. Вот почему Эльва не позвонила в полицию, когда мы нашли тетю Фрэнсис, – она поняла, что произошло, и испугалась, что ее обвинят в убийстве.

Я ожидала, что Саксон будет избегать меня и не появится в поместье, но ошиблась. После ареста из-за наркотиков он вышел под залог и ждал суда. Он демонстративно несколько раз заходил ко мне, и мне приходится приглядывать за ним, понимая, что он еще не закончил свои игры.

Сдержав слово, я подарила «Роллс-Ройс» Фойлам. Арчи убрал парники с марихуаной, и я не стала расспрашивать его, куда он дел урожай. Он решил завязать с садоводством. По его словам, он продолжал работать в саду только потому, что цветы много значили для Фрэнсис. Арчи превратил сарай в мастерскую для реставрации старых машин. Я с удовольствием профинансировала его новый бизнес – мне кажется, на самом деле он просто хотел, чтобы кто-нибудь поддержал его начинание, но выбрал не то занятие, которое могло бы понравиться тете Фрэнсис.

– Не беспокойся на счет Саксона, – говорю я.

Мама не знает всех подробностей, как я чуть не погибла, пытаюсь перехитрить Саксона, мне не хотелось ее волновать. Мамино безрассудство ограничивается только попыткой пробраться на спектакль в Вест-Энде во время антракта или советом мне говорить с французским акцентом, флиртуя с барменом. Такие приключения уж точно не убьют. Она не поймет, насколько я была полна решимости поймать убийцу тети Фрэнсис.

– Детектив Крейн очень пристально за ним наблюдает, – добавляю я.

– Кстати, легок на помине.

По гравийной дорожке медленно едет машина Крейна, и я замечаю на пассажирском сиденье Уолта.

– Ты точно не хочешь поехать со мной? – спрашиваю я.

Детектив Крейн отвезет меня в учреждение, куда поместили Роуз, признав ее неспособной предстать перед судом. Я и сама сомневалась, стоит ли ехать, но думаю, это поможет почувствовать, что история

завершилась правильно. Хотя Крейн предупредил, что встреча с Роуз может оказаться бесполезной в этом плане.

Я понимаю, о чем он. Невозможно почувствовать удовлетворение, глядя на женщину, чья жизнь рухнула. Роуз убила одну свою подругу, а ее сын – другую, самую близкую. Не знаю, чего я ожидаю от разговора с Роуз, но просто должна поехать.

– Точно не хочу, – отвечает мама. – Я лучше встречусь с Джоном. Так я смогу двигаться дальше.

– Понятно, – тихо говорю я. – Ах да, чуть не забыла.

Я роюсь в висящей на плече полотняной сумке. В ней несколько ручек и блокнотов, просто на всякий случай, если вдруг понадобится записать свои мысли о встрече с Роуз. По примеру тети Фрэнсис я начала вести хронику собственной жизни, это помогает понять, как все вокруг меняется, как жизнь делает крутые повороты и возвращается к исходной точке. Когда все записываешь, можно вернуться в начало и найти смысл, который до сих пор ускользал.

Я отдаю маме толстую папку с именем папы на обложке.

– Это тебе. Ты просила ее забрать, и я немного полистала, но думаю, сейчас мне это не особо интересно.

Мама с печальной улыбкой смотрит на папку.

– Хорошо. Я сохраню ее до тех пор, пока тебе не станет интересно. Знаешь почему, Энни?

– Почему?

– Потому что здесь он как на ладони. Он не очень хороший человек, и теперь, когда мы обе попали в газеты, может снова объявиться.

Я молча размышляю над этим. Мамино возвращение в мир искусства наделало достаточно шума, а моя история попала в заголовки по всему миру. То, что я раскрыла два убийства и стала наследницей, уже само по себе интересно, но раскрыть убийство бабушки, о которой я даже не знала... Заголовки говорят сами за себя: *«ЭННИ АДАМС: ТАЙНАЯ ВНУЧКА ЖЕРТВЫ ДАВНЕГО УБИЙСТВА ПЕРЕВЕРНУЛА С НОГ НА ГОЛОВУ ВЕСЬ ГОРОД»*.

– Придешь потом в поместье на ужин? – спрашиваю маму.

Она вздыхает.

– Мне так хочется поскорей вернуться в новую студию. Поэтому я сразу поеду домой, если не возражаешь. Но в октябре приеду на

похороны, обещаю.

Уолт осторожно подходит к нам и с тоской смотрит на маму. Я его понимаю. Мама олицетворяет для него дочь, которой у него никогда не было, и эхо женщины, которую он любил и потерял. Когда он поворачивается в мою сторону, его глаза на долю секунды округляются при виде моей футболки из секонд-хенда. Я надела одежду, которую купила, когда в первый раз заглянула в магазинчик подержанных вещей в Касл-Нолле, – вельветовую юбку и заправленную в нее выцветшую футболку с музыкальной группой. Надпись уже едва различима: «The Kinks на концерте в Глазго, 1967».

– Я думал, что избавился от этой футболки, – едва слышно бормочет он и слегка краснеет.

– Я нашла ее в секонд-хенде, – с гордостью сообщаю я. – Знаете, мне всегда нравилась песня You Really Got Me.

Уолт смеется и кивает:

– В таком случае я рад, что футболка нашла новую хозяйку.

– Если есть и другие, я с радостью вас от них избавлю, – с улыбкой предлагаю я.

– Кажется, где-то завалилась футболка с Pink Floyd. Оливер не оценил ее по достоинству. Поищу для вас. Приятно будет подарить ей новую жизнь.

Мне хочется поблагодарить Уолта за то, что он посылал деньги нам с мамой, пусть даже всего несколько дней. Ради этого он действовал за спиной тети Фрэнсис, не согласившись с ее решением. Думаю, Уолт просто хотел хоть в малом помочь семье Эмили. Пусть лучше считает, что я не знаю об этом.

Повисает неловкая пауза, и наконец детектив Крейн многозначительно смотрит на меня:

– Нам пора, Энни, чтобы прибыть вовремя. Мы же не хотим пропустить такую важную встречу.

– Хорошо, – отвечаю я.

Сгорбившись, Роуз сидит за столиком напротив меня и детектива Крейна. В основном она смотрит на детектива, причем с удивительным доверием в глазах. Похоже, он ей нравится. А при каждом взгляде на меня ее передергивает, но ненадолго. Она как будто

не понимает, кто я, хотя и знает, что я одна из тех, кто причинил ей боль.

Рядом с ней сидит врач – мужчина лет сорока. Видимо, он здесь, и чтобы защитить ее права, и чтобы успокоить при необходимости.

Я не знаю, с чего начать. Я могла бы сказать *«Спасибо, что согласились встретиться»*, но у нее не было выбора. Могла бы сказать *«Приятно снова вас увидеть»*, но это не так. К счастью, почувствовав мои сомнения, Крейн берет инициативу в свои руки. В конце концов, я здесь лишь потому, что он разрешил поехать с ним. А ему позволили увидеться с Роуз только потому, что он должен закрыть оба дела об убийстве.

– Здравствуй, Роуз, – начинает он. – Мы решили, что будет полезно поболтать. Просто кое-что прояснить. Никто не собирается расспрашивать о том, чем ты не готова поделиться. Ты уже призналась, и суда не будет, мы просто хотим излечить старые раны. Как ты на это смотришь?

Роуз бросает на меня быстрый взгляд и меняет позу, как будто сдуваясь.

– Я пыталась хорошо к тебе относиться, – говорит она. – Пыталась, но ты все время мешала.

Я даже не знаю, к кому она обращается – к Эмили, маме или ко мне. Я вроде бы должна злиться на Роуз, но мои чувства так запутались, что в них трудно разобраться. Когда она убила Эмили, ей было семнадцать. Наверное, мне просто хочется знать, сожалеет ли она.

– Я с удовольствием рассматривала фотографии в альбоме, который вы мне подарили, – говорю я.

По крайней мере, это правда. Я дорожу ее альбомом, хотя и немного грущу, разглядывая фотографии. Я поставила фотографию Эмили, уже беременную мамой, в библиотеке, вместе с другими памятными вещами тети Фрэнсис.

Роуз смотрит в пространство, но потом снова резко возвращается ко мне, прожигая взглядом.

– Ты ждешь извинений, – внезапно говорит она. – Но не получишь их. Эмили надо было остановить.

Теперь мои смешанные чувства немного проясняются. После этого я уже без колебаний могу высказать все, что думаю.

– Роуз, – начинаю я, пытаюсь сохранять спокойствие. – Вы понимаете, что, если б не убили Эмили, Фрэнсис могла забыть о том предсказании? Я читала ее дневник. Она решила, что предсказание начало сбываться, когда нашла ваши записки с угрозами в кармане юбки. А потом ее страхи подпитывало исчезновение Эмили. Она считала, что, возможно, убить собирались ее, а не Эмили. Вы хотели защитить Фрэнсис от Эмили, но в итоге Фрэнсис жила в страхе, который вы помогли распалить.

От моих слов Роуз дергается, как от удара, и моргает. В ее глазах нет слез, и, судя по тому, как меняется ее лицо, я понимаю, что она составляет из моих слов историю, которая нравится ей больше.

Детектив Крейн мягко берет меня за локоть – под столом, чтобы никто не увидел. Искры моего гнева тускнеют, остаются лишь угли враждебности, и они наверняка будут тлеть еще долгие годы.

Видимо, только так и бывает, когда раскрываешь убийство. Даже когда складываешь все фрагменты воедино, преступление все равно остается возмутительным актом. Я усвоила этот печальный урок и теперь смотрю на жизнь и свои романы по-другому.

– Пожалуй, на сегодня достаточно, – заявляет врач.

Я в последний раз смотрю на Роуз, прежде чем ее уведут в палату, но она даже не оборачивается. Подозреваю, мое лицо навсегда останется в ее памяти, слившись с лицом Эмили.

Глава 42

Для похорон я выбрала октябрь, потому что Фрэнсис любила осень. И теперь я понимаю почему: в золотистом свете поместье выглядит великолепно, а в обрамляющей его полоске леса буйствуют оранжевые и красные оттенки.

Когда все речи произнесены, я наблюдаю за остальными, потягивая отличное шампанское из погребов Грейвсдауна и радуясь, что хоть на мгновение оказалась в стороне от происходящего. Речь Джона Оксли вызвала у всех слезы, но теплые слезы, и я довольна тем, как все едят приготовленные Бет блюда.

Поминки проходят на большой лужайке перед домом, и это удачное решение, потому что собралась вся деревня. Дом кажется идеальным фоном для прощания с тетей Фрэнсис. Ее маленький кабинет, воссозданный в центре лужайки, вызывает бесконечное восхищение. Это идеальное произведение искусства создала Дженни. На земле расстелены восточные ковры, а в центре стоит торшер в стиле Тиффани и кожаное кресло тети Фрэнсис. Мне хотелось, чтобы и репортеры, и городские сплетники помнили – главной здесь была женщина, которой теперь так всем не хватает.

В шатких стопках собрана коллекция ее детективов, Дженни искусно разложила цветы по ее креслу и на принадлежащей Эмили пишущей машинке, которую мама по моей просьбе привезла из Челси. Машинка стоит на подставке для цветов, вместе с фотографией Эмили в серебряной рамке. Я решила проститься и с Эмили, Фрэнсис наверняка тоже этого хотела.

Из Брайтона приехала Лора, сестра Эмили, но я ее почти не видела. Перед началом выступлений она подошла ко мне, обняла и прошептала: «*Спасибо*», а потом снова растворилась в толпе. Однако каждый раз, когда я замечаю маму, она разговаривает со своей тезкой, и это неплохое начало.

Саксон и Эльва тоже здесь, делают комплименты кулинарным талантам Бет и пьют больше шампанского, чем следовало бы. Миюки помогает Бет выносить из кухни блюдо за блюдом к длинным столам, расставленным на лужайке широким квадратом вокруг инсталляции Дженни.

Я замечаю рядом с Дженни Оливера – он пытается вовлечь ее в разговор. Дженни выглядит заинтересованной, и я подхожу, чтобы спасти от нее самой. В этом Дженни похожа на маму – стоит на горизонте появиться катастрофе мужского пола, и Дженни притягивает как магнитом. К счастью, у нее есть я, чтобы оттолкнуть этот магнит своим противоположным полюсом.

– Это чудесно, Энни, – произносит Дженни, увидев меня.

– Спасибо. Но во многом это твоя заслуга, сама знаешь.

Я провожу рукой по пальто и хмурюсь, оглядываясь вокруг.

– Почему ты выглядишь такой напряженной? – спрашивает Оливер.

– Я просто... не люблю неразгаданных головоломок. Все вроде на своих местах, но когда я думаю о событиях, которые привели к этому результату... – Я вздыхаю. – Я так и не выяснила, кто оставлял мне записки с угрозами.

– Ах вот оно что. – Оливер мрачно чешет затылок. – Это был я.

– Ты?.. Ты?! Но зачем? И где ты их нашел? погоди, это ты сломал мой ноутбук и разорвал дневники?

– Нет! Я ничего не ломал. Это был Саксон, и если он сказал, что не делал этого, то соврал. Но соглашусь, довольно странно выглядит, что я оставлял в твоей комнате те угрозы, ничего не объясняя. Мне казалось, что надо что-то предпринять, а не просто наблюдать за разворачивающимися событиями. Я никак не мог решить, стоит запугать тебя или помочь. А когда нашел в кабинете Фрэнсис эти записки, то понял, что они выполняют обе функции. И ведь оказался прав, верно?

Лицо Оливера выглядит таким искренним и невинным, что я чуть не соглашаюсь. Но потом беру себя в руки.

– Оливер, мне казалось, будто за мной кто-то наблюдает, и это было жутко!

Он выглядит немного обескураженным, но потом кивает.

– Прости, Энни. Я просто не видел другого выхода. Если честно, я всегда ненавидел свою работу. Просто я недостаточно смел, чтобы ее бросить. Но я знал, что, если ты раскроешь убийство, мне не придется принимать трудное решение. Все будет сделано за меня. А значит... Да, я жалкий трус, но это все, что я мог, выслушивая бесконечные упреки босса.

Я киваю, потому что, оглядываясь назад, понимаю, что в те августовские дни Оливер постоянно говорил по телефону и находился в напряжении.

– Ну вообще-то ты и правда помог, – медленно говорю я. – Но все-таки тебе стоит бросить работу.

– Эх... – Он улыбается, но немного цинично. – Меня уволили. Учитывая, что я, в сущности, к этому стремился, все сложилось как нельзя лучше.

Я слышу вежливое покашливание и вижу, что детектив Крейн терпеливо ждет своей очереди поговорить со мной. Дженни поднимает брови, глядя на меня, и я бросаю на нее ответный многозначительный взгляд – прекрати быть настолько очевидной. Они с Оливером присоединяются к толпе гостей, нахваливающих стряпню Бет.

– Энни, – говорит детектив Крейн, сунув руки в карманы и слегка покачиваясь на каблуках.

Одет он элегантнее, чем всегда, в светлые брюки, хотя галстук слегка съехал набок, словно его целый день дергали. Темная борода детектива пострижена тщательнее обычного, а волосы аккуратно зачесаны. Подозреваю, перед приходом сюда он специально сходил в парикмахерскую.

Но глядя на детектива Крейна, старательно пытающегося найти способ сообщить мне какую-то новость, я вдруг понимаю, что и сама струсила, не доведя дело до конца. Поэтому я смотрю в его темные глаза и глубоко вздыхаю.

– Я должна дать показания против Джо на суде, да? – спрашиваю я каменным голосом, потому что мне не нравится вспоминать случившееся в «Скорой».

Детектив Крейн расслабляет плечи, потому что он из тех, кто любит говорить напрямик, и ходить вокруг да около для него все равно что соврать. Я мысленно улыбаюсь, потому что начинаю понимать, как редко встречается такая честность.

– Сегодня утром звонила обвинитель, – отвечает он. – Она подозревает, что защита напустится на вас за то, что вы пытались выманить у Джо признание. Но улики настолько очевидны, что вряд ли у защитников что-то получится. Однако вы должны быть готовы к этому в суде.

Я киваю.

– Спасибо, что сообщили.

Как выяснилось, мои противоречивые чувства по поводу убийства тети Фрэнсис в основном связаны с Роуз. А вот Джо выглядит хрестоматийным злодеем, считающим, что все проблемы можно решить насилием. Я с готовностью помогу упрятать его за решетку.

Детектив Крейн сжимает мое плечо и так быстро убирает руку, что кажется, мне это померещилось.

Октябрьское солнце еще печет, но воздух уже достаточно прохладный, чтобы утеплиться. Красивое коричневое пальто мне помогло выбрать Дженни. А еще я нашла темно-зеленое шерстяное пальто, подарок Форда тете Фрэнсис, оно висит в шкафу рядом с зеленым бархатным платьем, которое она надевала в то Рождество. Я испытывала искушение его надеть, но это казалось неправильным – уж слишком значительную роль сыграла в моем расследовании позаимствованная одежда. К тому же первым делом я бросилась проверять карманы пальто, нет ли там оружия или записок с угрозами.

Я гадаю, зачем тетя Фрэнсис хранила всю одежду, начиная с далекого 1966 года. Я нашла еще несколько дневников в кожаных обложках, исписанных ее почерком, все в разных местах. Наверное, тетя Фрэнсис хранила их отдельно, потому что они не касались Эмили Спарроу или убийства. Разглядывая ее гардероб, я решила, что не хочу надевать то, что могло сыграть роль в каком-нибудь другом ее расследовании. Вполне в ее духе – раскрыть другое убийство, одновременно пытаюсь предотвратить собственное.

У меня вдруг возникает чувство, что тетя Фрэнсис все это время ждала моего приезда. В сундуке, стоящем в ее спальне, вместе с другими дневниками я обнаружила несколько пустых блокнотов в кожаных обложках, они словно ждали того, кто заполнит их словами.

Перед тем как выйти к гостям, я открыла один из них. И начала писать.

Благодарности

Множество замечательных людей приложили невероятные усилия, чтобы мир услышал голоса Энни и Фрэнсис. Когда я думаю о том, с чего началась эта книга (а если вы продолжите читать мои благодарности, то скоро поймете, о чем я), то могу сказать от всего сердца: это была командная работа.

Прежде всего я должна поблагодарить моего замечательного агента Зою Планта, потому что именно благодаря ей эта книга приобрела хоть какую-то приличную форму. В 2021, в разгар пандемии, я занималась воспитанием двух малышек и начала посылать Зое наброски всех своих безумных идей. Она терпеливо все читала – от детских книжек с картинками до комедий о вампирах, и хотя большинство (точнее, все) моих произведений было ужасно, она поощряла меня работать дальше. В конце концов я отправила ей огромный кусок романа для подростков, в котором дерзкая жительница Нью-Йорка по имени Энни отправилась в Англию из-за предсказания гадалки ее дальней родственнице и раскрыла убийство. Зоя прочла три варианта этой книги и в любой момент могла сказать: «Хватит уже», но не сделала этого. И я безмерно ей благодарна.

Огромная благодарность Дженни Бент и потрясающей команде агентства «Бент», которое помогло выпустить эту книгу в США и в других странах. Дженни всегда меня поддерживала, и я чувствовала эту заботу. Я также хочу поблагодарить за поддержку Эмму Лагард, Викторию Каппелло и Ниссу Каллен, а также Джемму Купер и всех, кто просмотрел ранние версии романа и присоединился к хору «Мне кажется, в этом что-то есть».

И спасибо моему фантастическому киноагенту Эмили Хэй-Уорд Уитлок и ее команде в «Артистс партнершип», которые постарались, чтобы Энни и Фрэнсис попали в правильные руки в киноиндустрии.

Мне удивительно повезло с редакторами – двумя феноменально талантливыми людьми, чей энтузиазм по отношению к этой книге всегда мне помогал. Каждый раз, почувствовав, что не справляюсь, я вспоминала о том, с какой энергией и отдачей эти двое работали над моей книгой, и брала себя в руки. Флоренс Хейр из британского

издательства «Керкус» и Кэссиди Сакс из американского издательства «Даттон» – вы самые лучшие редакторы на свете.

Спасибо всем из издательства «Керкус» – Стефани Бирверт, Кэти Блотт, Элле Патель, Липфону Тангу – за их усердную работу и творческий подход в продвижении моего романа. Огромное спасибо также редакторам, дизайнерам обложки и всем, кто трудился над созданием прекрасных рекламных материалов для моей книги; вы все проделали потрясающую работу.

Спасибо издательству «Даттон» – Эмили Кандерс, Изабель Дасильве, Эрике Семпрун, Джону Парсли, Кристин Болл, Райану Ричарду-младшему, Сьюзен Шварц, Ли-Энн Пембертон, Эшли Такер и Тиффани Эстрейхер, а также американским дизайнерам обложки, редакторам и другим членам команды. Мне нравится все, что вы сделали, это превзошло мои ожидания.

У меня есть замечательные друзья-писатели, которые помогли создать эту книгу, и я очень благодарна за поддержку, острый взгляд и бесценные советы моих техасских подруг – Лизы Гант, Тиффани Нейхайзер и Мэри Остен. Огромное спасибо также Эшли Чалмерс, еще одной переехавшей в Лондон американке, чья дружба, искрометные разговоры и точная обратная связь помогли мне написать уже несколько книг.

Мне помогли с некоторыми подробностями этой истории, и я хотела бы поблагодарить Роджера Свита за то, что просветил меня насчет старых автомобилей. Даже если «Роллс-Ройс Фантом II» и не является его любимым автомобилем, он прекрасно понимал, каково водить такой автомобиль, как он функционирует, и в целом был просто приятным собеседником. Любые ошибки в том, что касается «Роллс-Ройса», целиком на моей совести.

Я вечно благодарна Ханне Робертс, моей давней подруге и критику, которая держала меня за руку во время многочисленных взлетов и падений в писательстве (и в жизни!). В нашем мире так редко можно встретить искреннего друга, который будет радоваться твоим победам, выслушивать жалобы, увлеченно рассказывать о книгах вместе с тобой, читать все случайные наброски, даже если это просто мусор, и все равно внушать тебе веру в свои силы.

Всей своей писательской карьерой я обязана моему удивительному мужу Тому. Ты знаешь, как много для меня значишь,

нет нужды говорить об этом здесь, но я скажу, что бесконечно ценю, как напряженно ты работаешь, и так благодарна, что у меня настолько понимающий муж. Наши замечательные дети Элоиза и Квентин, конечно, не смогут прочитать этот роман еще много лет, если вообще прочитают (и я не обижусь), но все же скажу, что я не могла бы желать детей лучше. Вы каждый день удивляете и вдохновляете меня.

Я хотела бы поблагодарить книготорговцев, которые с таким энтузиазмом отнеслись к моему роману и приложили все усилия, чтобы он попал в руки читателей. Я понимаю, насколько сложна ваша работа, и каждый раз, заходя в книжный магазин, поражаюсь вашим знаниям и пылкой любовью к книгам. И я всегда в восхищении от талантов тех, кто делает такую сложную и тонкую работу – переводит мои слова на множество языков.

И напоследок я благодарю всех читателей, взявших в руки мою книгу. Вы настолько важны, что вас нужно называть под конец, как самые высокие награды. Я пишу ради вас, и спасибо вам за это.

notes

Примечания

1

Челси – исторический район Лондона, бывший ранее его пригородом.

2

Дорсет – графство в Англии, расположенное в юго-западной части страны на побережье пролива Ла-Манш. (*Прим. ред.*)

3

Сильвия Платт (1932–1963 гг.) – американская писательница и поэтесса, покончившая жизнь самоубийством, засунув голову в духовку.

4

Саутгемптон – город в графстве Хэмпшир, расположен на южном побережье Великобритании. Крупный незамерзающий морской порт.

5

Школа Харроу – одна из старейших и известнейших британских частных школ для мальчиков. Была основана в годы правления королевы Елизаветы I.

6

С английского фамилия «Crane» переводится как «журавль».

7

Считается, что Сократа отравили бокалом вина, в которое были подмешаны соки ядовитых растений: болиголова, аконита и вежа ядовитого. (*Прим. ред.*)

8

Отсылка к фильму 1942 г. «Касабланка».

9

Джордж Харрисон (1943–2001 гг.) – британский рок-музыкант, получивший наибольшую известность как соло-гитарист The Beatles.

Table of Contents

Annotation

Кристен Перрин Опасная игра бабули. Руководство по раскрытию
собственного убийства

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

Table of Contents

Annotation

Кристен Перрин Опасная игра бабули. Руководство по раскрытию
собственного убийства

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

